

Caprigrrl Lannoire

Как я была ДОМОВИКОМ

Caprigrrl Lannoire

My Life As A House-Elf. — Aparecium Fanfics, www.riddikulus.org
Как я была домовиком. — С: Народный перевод Гарри Поттера, 2004. — 39с.
Версия 1.0

ISBN not allocated

Harry Potter, names, characters and related indicia are copyright and trademark of Warner Bros.™ 2000. Harry Potter publishing rights copyright J.K Rowling, 1997. Based on the J.K Rowling book series. English title: Seeker, The.

This book in part or in whole can not be sold, purchased, rented or distributed on any other commercial basis.

Это произведение написано по мотивам серии книг Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Данная книга, частично или полностью, может распространяться только бесплатно. Купля-продажа и возмездный прокат запрещены.

Не рекомендуется лицам моложе 15 лет.

Когда весьма раздражительный колдун превращает Гермиону в домашнего эльфа, к кому, вы думаете, она попадает? Конечно же, к Малfoyам!..

Переводчик хотел бы искренне поблагодарить всех, с кем довелось общаться на форуме и в чате: без вас этого перевода просто не было бы... Отдельное спасибо создателям этого сайта, за то, что он у нас есть, и, конечно, г-же Роулинг, без которой не было бы ничего :)

© Caprigrrl Lannoire, savage_animal@hotmail.com, 2002-2003.

© Перевод на русский язык. **Сохатый**, 2prongs2@ua.fm, 2003.

© Оформление. Народный перевод Гарри Поттера, 2003.

Впервые опубликовано онлайн в 2003 году.

Компьютерная вёрстка Б. Нейтрон

Народный перевод Гарри Поттера

www.honeyduke.com или www.yarik.com (официальное зеркало)

Электронная почта: mail@yarik.com

Глава 1. Проклятье

В тот день в Лютном переулке было полно народу. Колдуны и ведьмы сновали по нему туда-сюда, бросая настороженные взгляды из-под скрывающих их лица капюшонов, или презрительно осматривали грязную, мощеную брусчаткой улочку, не обращая внимания на окружающих. По непонятной причине — вероятно, из-за наложенного заклятия — Лютный переулок всегда выглядел, словно погруженным в вечные сумерки, даже когда над головой ярко светило солнце. И еще — здесь всегда царила мрачная неестественная тишина.

Старая горбатая ведьма, зазывая покупателей сухим кашляющим голосом, продавала бутылки с дурно пахнущей Эссенцией отвращения, а рядом, в уголке, мрачного вида колдун предлагал камень из почек дракона в обмен на несколько галеонов. Магазины с сумрачными окнами и пустыми витринами стояли длинными рядами, и темный кирпич, из которого были сложены стены домов, делал их похожими, как братьев.

Гермиона шагала по темному, сырому и грязному переулку, прикрывая краем мантии искаженное гримасой отвращения лицо. Лютный переулок был неподходящим местом для приличной гриффиндорки, и Гермионе пришлось напомнить себе, зачем, собственно, она здесь находится.

«Еще одна остановка, — подумала Гермиона, глядя на зажатый в руке лист бумаги, — еще одна остановка, и я смогу покинуть это малоприятное место».

На листе изящным плавным почерком Гермионы было написано: «Чешуя Гебридского черного, патока громомелы, перья ревуна, взрывчатка громамонта». Последнее вещество было строго запрещено к использованию студентами, учитывая его взрывоопасность, и находилось под строгим контролем Министерства магии. Но это не могло остановить Гермиону: все упомянутые ингредиенты использовались для приготовления зелья в проекте, над которым она осторожно работала в подвале своего дома поздними вечерами. Часть из них, по понятным причинам, не продавалась в Косом переулке, но Гермиона знала места, где подпольная торговля шла прямо среди бела дня. Потому-то она и очутилась здесь, и нельзя сказать, что пребывание в Лютном переулке доставляло ей удовольствие.

Повернув за угол, Гермиона внезапно остановилась, услышав громкий шум: большая толпа, толкающаяся и кричащая, с интересом разглядывала то, что находилось на импровизированном помосте. Из любопытства Гермиона подошла поближе...

За свои четыре года в Хогвартсе Гермиона повидала немало странных и жутких вещей, но увиденное ей в Лютном переулке превзошло все виденное ранее. Домашние эльфы: в клетках, стреноженные, словно какие-то животные... Гермиона замерла с открытым ртом, с трудом сдерживая ярость.

Это был аукцион. Ведущий, неприятного вида мужчина с сальными волосами и такими же усами, хриплым голосом называл цены домовиков, указывая на соответствующие клетки своей тростью, с силой колотя по прутьям решеток. Эльфы сжимались в клетках всхлипывающими испуганными комочками.

Гермиона застыла в яростном молчании. «Да как они смеют?!» — мысленно воскликнула она. Будучи президентом ФОРТ (Фронта освобождения рабского труда), она понимала, что нужно сделать что-то из ряда вон выходящее, чтобы освободить бедняг. Ее возмущенный разум кипел от обилия ядовитых мыслей, большинство из которых были связаны с взрывающимися заклятиями, острыми предметами и драконами. Но прежде, чем она успела поднять свою палочку, чтобы направить ряд тщательно подобранных заклятий на аукциониста, рядом раздался холодный голос, лениво растягивающий слова:

— Забавно видеть тебя здесь, Грейнджер! — Гермиона повернулась и оказалась лицом к лицу с Драко Малфоем — человеком, которого она меньше всего хоте-

ла бы повстречать в таком месте... и в такое время, если уж на то пошло. — Что это ты тут делаешь? — продолжил он, голосом, полным превосходства.

— А твое какое дело?..

— Пришла купить себе парочку домовиков, а? Небольшая команда слуг тебе бы не помешала — носить за тобой все эти тяжеленные фолианты...

— Купить домовиков? — в гневе воскликнула Гермиона, не веря своим ушам. — **Купить домовиков?!** Прости, но я — не какой-нибудь бессердечный безжалостный сноб из богатенькой семьи, обожающий мучить бедных эльфов без видимых причин — вроде некоторых, не будем показывать пальцем...

— Ой-ой-ой, какие мы сегодня нежные!

Прежде чем Гермиона успела поднять свою палочку, чтобы применить заклятие поужаснее, в поле ее зрения оказалась тросточка, богато украшенный верх которой отодвинул Драко в сторону. В глаза Гермионе бросилась выгравированная на трости буква «М», переплетенная с фигуркой змеи.

Человеком, держащим трость, был Люциус Малфой. Гермиона опустила палочку, внезапно почувствовав острое желание оказаться где-нибудь подальше отсюда.

— Так-так. Ну, что тут у нас? — произнес Люциус мягким вкрадчивым тоном.

Гермиона похолодела. Только что переполнявшая ее ярость в миг испарилась, сменившись настороженностью, граничащей со страхом. Ей отчаянно хотелось убраться отсюда, но ее ноги будто кто-то прибил к булыжникам мостовой.

— Юная маленькая грязнокровка заблудилась, — прокомментировал Люциус. — Это та самая Грейнджер, о которой ты мне рассказывал, Драко?

Драко, неожиданно притихший, молча кивнул. Его голова склонилась, словно он пытался отыскать что-то под ногами.

— Интересно, что может понадобиться в таком месте магглорожденной ведьме вроде тебя? — спросил Люциус, презрительно глядя на Гермиону сверху вниз, словно изучая какое-то неприятное насекомое. Затем он повернулся к сыну: — Драко, покажи, пожалуйста, мисс Грейнджер, как отсюда выйти. Эта улица не для таких, как она.

Мрачный Драко молча протянул руку Гермионе. Та отпрянула.

— Я могу сама найти дорогу, не стоит утруждать себя, — тихо сказала она голосом, полным негодования.

— Прекрасно. Вот и покажи нам это.

Гермиона ушла, с трудом сдерживая переполнявшее ее отвращение. «Ужасные люди, — ядовито подумала она. — Малфои все одним миром мазаны: страшные и невыразимо высокомерные... Они наверняка пришли сюда, чтобы купить себе еще несколько домовых эльфов — как будто у них в имении мало рабов!..» Ее передернуло от отвращения.

Повернув налево и пытаясь не обращать внимания на недобрые взгляды парочки подозрительных колдунов, Гермиона остановилась перед входом в «Боргин и Беркес» и со вздохом посмотрела в свой список: «Да, это то самое место!..» Не отрывая взгляда от пергамента, она сделала шаг вперед...

...и столкнулась с волшебником весьма грозного вида, сбив его с ног.

— Смотри куда идешь, идиотка! — проворчал он. — Нынешние юные ведьмочки... никакого уважения к страшилам!

Гермиона поднялась с мостовой, отряхивая мантию и бормоча извинения. Она не могла понять, откуда так неожиданно появился этот волшебник — старый, белобородый, с густыми седыми бровями и длинными волосами, которые не мешало бы расчесать. Его толстый шерстяной плащ когда-то оливкового цвета теперь вы-

цвел и местами потерся. Он бормотал себе под нос проклятья, пытаясь подняться.

— Мне очень жаль, сэр, — запинаясь, произнесла Гермиона, помогая ему подняться. Только сейчас она заметила, что, падая, сломала свою волшебную палочку. — Я вас не видела, я...

— Не видела меня? Ты что, ослепла? — гневно закричал волшебник. Потом он посмотрел вниз и внезапно замолк.

Гермиона тоже глянула вниз. Увидев причину наступившей тишины, она почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица. Не только ее палочка оказалась испорченной при падении.

Пожилой колдун нес несколько флаконов для зелий — толстого цветного стекла. Флаконы были тщательно изготовлены и стоили больших денег — Гермиона поняла это по засыпавшим мостовую разноцветным осколкам.

Повисла гнетущая тишина.

— Да как ты... — прервал молчание старик. — Ты, маленькое чудовище! Ты прямо как мой домашний эльф, который разбивает все, к чему прикасается!

— Мне так жаль, сэр, я куплю вам другие...

— Они были последними в своем роде, ты, жалкое отродье! Таких больше не купить! Это очень редкие

флаконы для зелий, выдутые слепыми мастерами-гоблинами, — зарычал колдун, лицо которого побагровело от гнева. — Но ты очень, очень сильно пожалеешь, что ты связалась с Баркелем-чародеем... *Ниндиус Сатак-фориа!*

Прежде чем Гермиона успела хоть как-то отреагировать, он взмахнул палочкой, произнес слова заклятья — и в тот же миг Гермиона почувствовала, что уменьшается в размерах. Она посмотрела на свои руки. Ее обычно молочно-белая кожа стала зеленовато-коричневого цвета, а аристократически длинные пальцы стали короткими, тонкими и костлявыми. К своему ужасу, она почувствовала, что ее уши стали расти, а тело съезжалось до тех пор, пока ее рост не достиг трех футов.

Гермиона обернулась. Баркель-чародей ушел, оставив разбитые флаконы на земле. Гермиона приблизилась к битому стеклу, попутно удивившись тому, какой легкой она себя ощущает. Она попыталась разглядеть свое отражение в осколках и тут же отпрянула в ужасе. Она была... домовиком!

Баркель-чародей превратил Гермиону в домашнего эльфа, и вот — она осталась совсем одна, посреди Лютного переулка, не вооруженная ничем, кроме поломанной палочки...

Глава 2. Помесье

Гермиона в слезах сидела на тротуаре, сжимая в руке обломок волшебной палочки. Ее охватила паника: не было никакой надежды на то, что этот кошмар когда-нибудь закончится... Даже в самом страшном сне Гермиона никогда не представляла себя домашним эльфом. Возглавить фронт борьбы против их угнетения — это одно, но самой превратиться в домовика?.. Согласитесь, это уже несколько чересчур.

— Что же мне теперь делать? — всхлипнула Гермиона. Она попыталась соединить обломки палочки вместе, в надежде, что какая-то сверхъестественная сила (или просто чудо) восстановит щепки и обрывки волоса единорога. Как и следовало ожидать, ничего не произошло. — Что же мне теперь делать? — в отчаянии повторила она, бросив на землю бесполезные обломки и закрыв лицо руками.

Неожиданно солнце заслонила огромная тень, и грубый голос произнес:

— Так-так, что тут у нас?

Гермиона подняла голову, ожидая самого худшего. Над ней с удивленным выражением на лице воздвиглась завернутая в потертый плащ мрачная высокая фигура. Лицо мужчины наполовину закрывал капюшон.

— Потерявший домашний эльф, а? — спросил незнакомец. Гермиона не ответила.

Мужчина огляделся, увидел обломки волшебной палочки у ног Гермионы, а затем его взгляд упал на осколки стекла, покрывавшие мостовую поодаль. Он с осуждением покачал головой:

— Бедняжка, что же ты наделала? Хозяин, видно, выгнал тебя за то, что ты сломала его палочку и разбила эти безумно дорогие флаконы для зелий гоблинской работы. Точно, он тебя выгнал — смотри, сколько на тебе человеческой одежды! — только тут Гермиона заметила, что все еще одета в платье и мантию. — Да, словом, ты попала в серьезные неприятности...

Глаза Гермионы заблестели, и, похоже, она собиралась разрыдаться.

— Ну-ну, это уже лишнее, — мягко сказал незнакомец (по его фигуре Гермиона сделала вывод, что он, вероятно, является полугигантом). Он подобрал поломанную палочку и, к ужасу Гермионы, выбросил ее в водосток. — Я знаю место, где ты сможешь найти себе нового хозяина. Ведь домовик несчастен без семьи, которой он мог бы служить...

Незнакомец двинулся вперед, оглянувшись мельком, чтобы убедиться, что эльфа идет за ним. У Гермионы — мало что соображавшей от отчаяния — не было

другого выхода, кроме как последовать за гигантом. В ее желудке появилось странное болезненное ощущение, как будто он, желудок, уже точно знал, куда они идут.

* * *

— ...Пятьдесят галеонов! Кто-то сказал «шестьдесят»? Ладно, тогда пятьдесят пять... Пятьдесят пять галеонов! Шестьдесят. Шестьдесят пять — дама в третьем ряду. Шестьдесят пять — раз, шестьдесят пять — два... шестьдесят пять — три. Продано! Продано даме в третьем ряду, благодарю вас, мадам...

Гермиона слышала эти крики по мере того, как они подходили ближе. Ее желудок скрутило еще сильнее.

— Лот 45, молодой домовый эльф мужского пола, — продолжал аукционист, стукнув тростью по клетке упомянутого эльфа, который съезжился от страха и тихо захныкал. — Здоровье еще не подорвано, стаж службы не слишком велик. Трудолюбивый, преданный и очень послушный. Начальная цена — сорок галеонов...

Гермиона с ужасом наблюдала, как эти колдуны и ведьмы с энтузиазмом сражались за возможность поработить несчастного эльфа. Она не ощущала обычной ярости, ее сменило чувство абсолютной беспомощности, которое ей совсем не нравилось. Внезапно в голову пришла мысль: а сколько вообще будет длиться заклятье, и когда она сможет вернуться в человеческий облик?

— ...раз, два, три! Продано джентльмену сзади, спасибо, сэр...

— Эй, Олаф! — крикнул гигант. Его голос прогремел на всю улицу, заставив всех обернуться. Аукционист со скользкой улыбочкой на лице ответил:

— О, Урик, кого это ты с собой притащил?

Люди вокруг повытягивали шеи, пытаясь получше рассмотреть Гермиону. Она съезжилась под этими взглядами, покраснев от унижения. В толпе раздалась смешки, особенно развеселила людей человеческая одежда.

— Одна из моих домовых эльфов, — громыхнул гигант. — У тебя найдется место для нее?

— А в чем дело, Урик? — хохотнул аукционист. — Тебе не подошла?

— Не, просто не могу содержать столько, вот и все. Двух эльфов мне достаточно. Вот я ее и уволил.

— Ну ладно, — аукционист подозвал одного из своих так же неприятно выглядевших помощников. — Забирай ее. И дай ей нормальную одежду — нормальную для домовиков...

Гигант наклонился к Гермионе:

— Ну вот, теперь позаботься о себе сама, слышь?

Гермиона кивнула. Потом ее грубо схватили за плечи и потащили назад. Ассистент аукциониста повел ее к подиуму, на котором стояли клетки с эльфами. Оглянувшись, Гермиона увидела, как гигант помахал ей рукой и скрылся в толпе.

— Так, что тут у нас?.. — произнес аукционист с неприятной ухмылкой, рассматривая Гермиону, в точности как некий Люциус Малфой.

«Опять меня рассматривают, как мерзкое насекомое, — подумала Гермиона, нахмурившись. — И я уверена, что это не в последний раз...»

В отличие от Малфоя, аукционист не слишком заботился о том, чтобы скрывать свои чувства.

— Ты что это хмуришься, а? — и он больно ткнул ее тростью. Гермионе захотелось выцарапать ему глаза, но она благодарно воздержалась от этого. — Я не люблю таких смелых! Чем быстрее я от тебя избавлюсь, тем лучше, — хмуро добавил он.

Тут наши мнения совпадают, едва не сказала Гермиона, но смолчала, не желая снова получить. Аукционист уже обращался к толпе, представляя им очередного домовика — лот 46, а ассистенты тем временем стянули с Гермионы ее одежду и вручили взамен наволочку. Она вспыхнула с негодованием. «Когда я снова стану человеком, — гневно пообещала она себе, — обязательно надо будет с этим разобраться...»

— Время — деньги! Поторопись, эльф! — с угрозой буркнул аукционист, указывая тростью Гермионе на пустую клетку.

Гермиона замерла. «Ни за что. Я туда не зайду».

— Ну! — лицо аукциониста побагровело от ярости. — Лезь в клетку!

Поколебавшись какое-то мгновение, Гермиона проглотила свою гордость и отвращение и вошла в клетку, проклиная аукционы, богатые семьи и несносных людей одновременно. Раздраженный аукционист хорошенько пнул ее вдогонку, и Гермиона влетела в клетку головой вперед, призывая на голову аукциониста кучу наиболее впечатляющих проклятий — но мысленно. Домовики — она хорошо это знала — терпеливо переносили жестокое с собой обращение. А признаваться, что она на самом деле ведьма по имени Гермиона Грейнджер, ей не хотелось: Лютный переулок — она хорошо знала и это — не то место, где можно смело заявить о том, что ты маглорожденная.

— Дамы и господа, как вы могли заметить, этот экземпляр предоставлен моим добрым другом Уриком Фидусом. Выглядит весьма трудолюбивой — ее просто переполняет энергия, — аукционист постучал тростью по клетке, хмуро глядя на съезжившуюся внутри Гермиону. — Начальная цена — тридцать пять галеонов.

«Да ладно!.. — мысленно воскликнула Гермиона. — Уверена, что я стою намного больше».

— Я слышал «сорок»? Сорок галеонов, мадам.

Гермиона наблюдала сквозь прутья решетки за действием, которое должно было решить ее судьбу. «Значит, у кого-то из этих людей, — сказала она себе, окинув взглядом толпу, — мне и предстоит провести в рабстве остаток жизни... — она содрогнулась. — Надо срочно что-то делать. Как найти этого психа Баркеля, пока проклятье не стало постоянным?..»

Внезапно она похолодела. Драко Малфой был здесь с отцом. «Значит, я была права, — мрачно подумала Гермиона. — Они пришли сюда купить себе еще эльфов».

Драко показал пальцем в ее сторону. Люциус тихо сказал ему что-то, глядя прямо на Гермиону. В ответ Драко кивнул с самым серьезным видом. Люциус вяло усмехнулся и поднял руку в перчатке.

— Пятьдесят! Пятьдесят галеонов от весьма любезного мистера Малфоя; благодарю вас, сэр... — аукционист улыбнулся — слегка нервно, и даже его обычно грубый голос словно растаял и сделался неожиданно мягким.

Люди, стоявшие рядом, обернулись и медленно-медленно стали отодвигаться в сторону, словно

от Малфоев веяло стужей. И только один человек знатного вида, стоявший ближе к подиуму, не выглядел смущенным при упоминании имени Малфоя. Наверно, иностранец, решили все. Размером с платяной шкаф, он выглядел так, словно на него было напялено все содержимое этого шкафа. Он поднял полную руку вверх.

— Шестьдесят галеонов от мсье Тенардьё, нашего гостя из Франции!

Гермиона увидела, что Люциус снова обратился к сыну — на этот раз с ироническим выражением на лице. Драко поднял голову с такой же вялой ухмылкой, как у отца, и слегка кивнул, еще раз показывая прямо на Гермиону. С явным неодобрением Люциус все же поднял руку и выкрикнул:

— Девяносто!

Аукционист чуть не свалился с помоста. Девяносто галеонов за домовика?! Он вытер со лба пот, заливавший жадно сверкающие глаза, и решил больше себя не утруждать:

— Продано! Продано весьма любезному мистеру Малфоя, спасибо, огромное спасибо вам, сэр, вы сегодня, осмелюсь заметить, замечательно выглядите...

Толпа расступилась перед Люциусом, шедшим забирать приобретенного им эльфа. Драко заглянул в клетку и улыбнулся. Это была не слишком приятная улыбка, и Гермиона поежилась.

Аукционист продолжал рассыпаться в комплиментах, но Люциус не обращал на него внимания. Он поднял клетку и знаком приказал Драко следовать за ним.

Тем временем тошнотворное чувство в желудке Гермионы только усиливалось. Она попыталась как-то справиться с силами, но это у нее получалось плохо, к тому же раскачивающаяся клетка только ухудшала положение. «Я буду работать на Малфоев!.. — подумала Гермиона, бледная от отвращения. — Похоже, меня сейчас стошнит». Она наклонилась к решетке, забыв о приличиях, и ее вырвало прямо на великолепные черные ботинки Люциуса Малфоя.

* * *

— Это было наглостью с твоей стороны, — заметил Драко Малфой, открывая дверцу клетки. — Так испакостить ботинки моего отца!.. Какое о тебе создается впечатление у твоих хозяев?!

Они были в комнате Драко в Поместье Малфоев, куда они приехали из Лютного переулка. Гермиона перенесла поездку неважно — ее клетка была привязана к крыше кареты.

— Я не специально, — смущенно ответила Гермиона. — Сожалею...

— Да ладно... — ухмыльнулся Драко, снимая ботинки. — Он это заслужил.

Гермиона лишилась дара речи. Что это он такое говорит?..

— Так, хватит стоять столбом! — насмешливо продолжал Драко. — Подбери ботинки,ними с меня плащ, разожги камин... Тебя что, не учили обязанностям домашней прислуги?

Гермиона пробормотала какие-то извинения и бросилась выполнять названные работы в состоянии полного изумления. «Что я делаю? — подумала она, снимая плащ с плеч Драко и вешая его на место. — Я превратилась в домового эльфа, моя волшебная палочка сломана, меня продали на аукционе, словно неодушевленный предмет, и вот, теперь я в Поместье Малфоев, в комнате Драко и — нянчусь с ним!.. Еще один сюрприз, и, кланюсь, у меня будет инфаркт... — дверь распахнулась. — О, именно то, что надо!» — подумала Гермиона, хватаясь за сердце и раскрыв рот от неожиданности.

— Драко! Ты вернулся! — это была Нарцисса Малфой.

Гермиона не могла не отметить, что Нарцисса выглядела великолепно, особенно когда улыбалась. Белокурые локоны, собранные наверху в корону, украшенную драгоценными камушками-заколками, обрамляли ее ли-

цо. Весьма недешевое платье придавало ей такой одновременно величественный и привлекательный вид, что Гермiona неожиданно ощутила болезненный приступ зависти.

— Ма-ам, но ведь я не был дома всего пару часов, — произнес Драко, растягивая, как обычно, слова и скрывая за ними некоторое раздражение.

— Ах, дорогой, я скучала все равно, — она посмотрела на Гермiona. — А это новый эльф?

— Да, отец купил ее для ...

— Подожди, — перебила Нарцисса, нахмурившись. К удивлению Гермiona, она оглядела комнату, слегка втягивая воздух. — Я чую грязную кровь, — пробормотала она.

Гермiona поразились, как изменилось лицо женщины. Раньше приятное, теперь оно выглядело так, как будто Нарцисса унюхала что-то особенно дурно пахнущее.

— Не говори глупостей, мама, — протянул Драко, слегка озадаченный. — Здесь нет никого, кроме тебя и меня.

«И меня», — мысленно добавила Гермiona, стараясь сделать как можно менее заметной.

— Я чувствую! — настаивала Нарцисса. — Здесь воюет грязнокровками!

— Мама, тебе нужно отдохнуть, — вздохнул Драко, мягко ведя ее к двери. — Может, сходишь к павильону, где фонтан?

— Пожалуй, ты прав, дорогой, — согласилась Нарцисса неожиданно усталым тоном. — Да, и скажи этой эльфихе, чтобы она постирала твой плащ. Наверное, ты прикоснулся им к какому-нибудь грязнокровке, когда вы были в Лютном переулке. До свидания, дорогой, — она поцеловала сына в лоб.

Драко закрыл дверь, в раздражении закатив глаза, и бросился на кровать. Гермiona стояла у вешалки для одежды, потрясенная и безмолвная.

— Это, между прочим, была Нарцисса, — первым прервал молчание Драко. Он поднялся и подошел к платяному шкафу, достал оттуда пушистое полотенце, а затем направился к ванной комнате. — Она тоже твоя хозяйка, и ты должна подчиняться ей беспрекословно. Она, видимо, почувствовала запах маглов, который остался на моем плаще после того, как я столкнулся с этой Грейнджер. Так что лучше постирай его побыстрее, пока мать не обвинила меня в братании с врагом...

Он зашел в ванную и закрылся там. Вскоре из-за двери послышался звук текущей воды.

— Вот блин... — только и смогла пробормотать охваченная паникой Гермiona.

Глава 3. Обед

Если бы кто-то оценил панику, в которой она пребывала, Гермiona получила бы, как всегда, высший балл. Она в прострации наматывала круги по роскошному ковру сочного вишневого цвета, заламывая руки и бормоча себе под нос: «Я должна найти этого придурочного Баркея, снять с себя заклятие, — которое, заметим, и не думало испаряться, как делает с течением времени большинство заклятий, — потом вернуться в Косой переулок, купить новую волшебную палочку и дать себе страшную клятву никогда не ходить по темным улочкам без сопровождения взрослых... Да, но как же, черт побери, я выберусь отсюда?..»

Гермiona сделала глубокий вдох и попыталась взять себя в руки. «Надо отбавиться *спокойной*, — сказала она себе. — Я должна сохранить трезвую голову... Для начала, где я могу найти информацию о волшебниках? Наверняка, Малфои знают массу всего о злых колдунах...»

Гермiona решила воспользоваться моментом и обследовать комнату — громадную, и это еще, пожалуй, было мягко сказано. Потолок, казалось, уходил в бесконечность и терялся в тени где-то высоко над головой. Подсвечники из золота и хрусталя висели высоко в воздухе, и Гермiona представила себе, какое это должно быть восхитительное зрелище, когда по ночам в них зажигаются свечи. Гобелены с драконами и извивающимися змеями мягко ниспадали со стен, как портьеры, до самого пола — такого же роскошного, застенного коврами. По всей комнате была искусно расставлена антикварная мебель красного дерева, покрытая затейливой резьбой. А в центре всего этого великолепия красовалась столь же роскошная и столь же громадная кровать под балдахином из шелков и бархата. Некоторая небрежность постели диссонировала с общим величием помещения...

В дальнем углу комнаты Гермiona, наконец, нашла то, что искала — книжный шкаф. Великолепный и внушительный, такой, что и в музее выставить не стыдно. На полках выстроились книги — старые и только что отпечатанные, в твердом переплете и с мягкой обложкой... «Может, я смогу найти тут что-нибудь полезное», — подумала Гермiona. Она сделала несколько осторожных шагов вперед, рассматривая корешки, и изумленно замерла: все книги, очевидно, были написаны на каком-то неизвестном ей языке.

«Я не знала, что Малфой полиглот», — подумала Гермiona, не в силах смириться с мыслью, что Малфой знает что-то, чего не знает она. Она протянула руку

к ближайшему фолианту, но прежде, чем ее пальцы коснулись переплета, дверь ванной распахнулась.

Душа Гермiona ушла в пятки. Она поспешно подхватила плащ — как раз в тот момент, когда Драко вышел из ванной, одетый в элегантный костюм для верховой езды. Он посмотрел на Гермiona, как будто только сейчас заметил ее присутствие в комнате.

— В чем дело? — спросил он, вытирая мокрые волосы полотенцем. — Ты еще не унесла этот хлам? А почему не горит камин — разве я не распорядился зажечь его? Здесь холодно.

«Да ведь сейчас середина лета», — едва не возразила Гермiona. Впрочем, Драко был прав: в комнате действительно было прохладно. Спальня словно была погруженной в вечную зиму — видимо, из-за своих колоссальных размеров.

Внезапно Гермiona ощутила острое желание побиться головой о комод, чтобы загладить свою вину, но пересилила себя: «Почему я должна это делать? Это же просто глупо...»

— Ну? — спросил Драко, изумленно подняв брови. — Ты что, не пойдешь биться головой о комод или что-нибудь в этом духе?.. Тогда, по крайней мере, разожги камин. Да, и еще: не подходи к книжному шкафу — он под запретом для всех, кроме меня и отца.

Гермiona отступила от шкафа, неприятно ежась под внимательным взглядом Драко. Неужели он что-то заподозрил? Если он догадается, что в его комнате под личиной домовика скрывается грязнокровка, и скажет об этом Люциусу, тот наверняка сделает ей что-то очень и очень неприятное.

Переступив через свою гордость, Гермiona подошла к камину и постучала головой о стену:

— Нехорошая Гер... э-э-э, Гетти. Плохая Гетти. Гетти так стыдно, хозяин, — сказала она, внутренне передернувшись при последнем слове. — Гетти будет хорошая. Она просто еще новенькая — в этом все дело.

— Значит, тебя зовут Гетти, да? И ты необученная? Что ж, я так и думал, — проворчал Драко, закатывая глаза. — Ну и приобретение за девянсто галеонов! Ладно, неважно, — он позвонил в колокольчик. Спустя мгновение в дверь постучали, и на пороге спальни показалась эльфиха.

— Хозяин Драко? — пропищала она. Драко оглянулся.

— Это, — сказал он, указывая на Гермiona, — новый домовый эльф. Она совершенно необученная и не имеет ни малейшего представления об обязанностях домовика.

Обучи ее. Я хочу, чтобы она была готова к тому времени, как я вернусь!

Закончив свою речь таким образом, Драко подхватил ботинки для верховой езды, хлыст и вышел из комнаты, чему Гермиона была несказанно рада. Эльфиха, которой предстояло стать наставницей Гермионы, внимательно посмотрела на нее.

— Привет, — наконец сказала она. — Как тебя зовут?

— Гетти, — ответила Гермиона, недоумевая, с чего это ей вдруг взбрело в голову назваться таким дурацким именем.

— Меня зовут Топси, — застенчиво представилась эльфиха. — Я должна буду научить тебя, как нужно слушать хозяину Драко, — Гермиону снова передернуло. — Правило первое, — продолжила Топси: — книжный шкаф не для домовиков.

— Я знаю, Малфой мне сказал...

Топси недоуменно нахмурилась и продолжила с некоторым удивлением в голосе:

— Мы должны называть его «хозяин Драко», — она произнесла это таким тоном, каким обычно говорят фразы вроде: «Ты не должна засовывать свой язык в тостер». — Хозяин Малфой — это отец хозяина Драко, — добавила Топси, — а хозяйка Малфой — наша госпожа, она жена хозяина Малфоя. Домашние эльфы не должны называть их как-либо иначе.

Гермиона закатила глаза. «Великолепно, — подумала она. — Хозяин Драко. **Мой хозяин!** Он мой злейший враг, величайшее проклятье всей моей жизни, порождение демона, выползшее из глубочайших подземелий ада... и он — мой хозяин!..» Но вслух она ничего из этого не произнесла, а лишь кивнула в знак того, что все понимает и не возражает.

— Пошли, — сказала Топси и направилась к камину. — Вот как разжигают огонь домовые эльфы.

«Может, лучше подожжем кровать Малфоя?» — мрачно подумала Гермиона.

* * *

Остаток дня Гермиона без особого желания осваивала «курс молодого домовика»: куда относить грязное белье, как вытирать пыль, к чему можно прикасаться, а к чему нет.

Особенно ей не хотелось приводить в порядок постель — лучше глотать битое стекло, подумала она. Взбивая подушки и разглаживая простыни, Гермиона втайне надеялась найти плюшевого мишку, одеяльце из тех, без которых ни за что не засыпают малыши, розовую пижамку с рюшиками, или еще что-нибудь компрометирующее, чем можно было бы впоследствии — вернувшись в человеческий облик — шантажировать Малфоя. Она бы не удивилась — хотя сама мысль об этом заставила ее содрогнуться — найдя под кроватью женское белье, скажем, ярко-красный лифчик или черные прозрачные трусики... Однако ничего подобного обнаружить ей не удалось. Возможно, Драко тщательно заметал следы.

Все, что ей удалось найти — вчерашний выпуск «Ежедневного пророка» с фото Гарри Поттера на первой странице с дополнениями, небрежно пририсованными фломастером: ослиными ушами, козлиной бородой, а также знаменитым шрамом, переделанным в татуировку с традиционным текстом: «Поттер — вонючка». Гермиона со вздохом бросила газету в мусорную корзину.

— Теперь Гетти готова, — произнесла Топси, улыбаясь от уха до уха. — Гетти готова служить семье своих хозяев.

— Топси, — вдруг спросила Гермиона, с хмурым видом погруженная в свои мысли, — а тебе никогда не хотелось работать за деньги?

Лицо Топси побелело, как будто Гермиона затронула запретную тему.

— Мы не должны говорить такие вещи, — пропищала эльфиха. — Домовики работают, потому что должны служить своей семье. За это мы получаем еду и кров. А

зарплата... — Топси произнесла это слово, как упоминают самое строгое табу, и вздрогнула.

— А ты знаешь, что в Хогвартсе есть домовик — его зовут Добби — который работает за деньги...

— А, Добби, — всхлинула Топси, — прислуга хозяина Малфоя... Он был такой смутьян! Бедняга. Топси всегда знала, что Добби плохо кончит.

— Но, Топси, — попыталась возразить Гермиона, — он очень счастлив. Он не носит лохмотья, у него есть нормальная одежда...

— Одежда! — снова всхлинула Топси, а затем добавила, повернувшись к Гермионе: — А откуда Гетти все это знает?

— Н-ну, — помолчав немного, ответила Гермиона, — Добби очень известный домовый эльф... К тому же, я рассчитываю последовать его примеру, когда освобожусь отсюда...

Плач Топси усилился. Она посмотрела на Гермиону с заметным беспокойством, а затем бросилась прочь из комнаты со сдавленным криком:

— Топси думала, что Гетти приличный домовый эльф!..

«М-да, — мысленно отметила Гермиона, — это была неудачная попытка...»

* * *

Драко не слишком стремился участвовать в сегодняшнем обеде. У них были гости, а это значило, что надо надевать парадную мантию. Более того, их гостями сегодня были Паркинсоны, и выдерживать массивную стрельбу глазами и намекающие улыбочки Пенси было для Драко весьма утомительной обязанностью. Если бы он мог продолжать верховую езду до их отъезда, он бы с удовольствием так и поступил, даже если бы пришлось не слезать с коня до полуночи. Но гостеприимство, хорошие манеры и родители запрещали ему игнорировать обед.

— Эльф! — буркнул Драко, входя в комнату. — Достань из шкафа мою парадную мантию. И приведи себя в порядок — у нас к обеду гости, — он снял свои ботинки для верховой езды и бесцеремонно швырнул их на ковер. Туда же следом отправилась и куртка.

Гермиона кинулась подбирать вещи, вздыхая про себя. Драко был достаточно умен для того, чтобы не дать ей одежду прямо в руки, освободив таким образом от рабства.

— Кстати, — сказал Драко, направляясь к ванной, — напомни мне твое имя.

— Гетти, — с трудом произнесла Гермиона.

— «Гетти, сэр», — раздраженно буркнул Драко, закрывая за собой дверь ванной.

«Похоже, что когда бы мы ни оказались наедине с Малфоем, — с иронией подумала Гермиона, — он постоянно в ванной». Плеск воды был хорошо слышен из-за двери.

Лицо Гермионы с досадой скривилось при мысли, что Драко даже не поблагодарил ее за геркулесов подвиг очистки авгиевых конюшен его спальни. Надувшись, она отправилась к гардеробу за парадной мантией... Да, у Драко был богатый выбор одежды, отметила Гермиона, поразившись обилию **черного**. Нет, было, конечно, кое-что коричневое, бордовое и даже темно-синее, но **черный** цвет преобладал. Гермиона с содроганием выбрала черную мантию с посеребренными манжетами и вкраплениями серебряных же нитей. Ей потребовалось мобилизовать всю свою гриффиндорскую мораль, чтобы не сделать дырку на спине, не помять ее и не испортить как-нибудь еще. Она только тихонько вздохнула...

* * *

Драко появился из ванной, одетый лишь в пушистое полотенце, обернутое вокруг пояса. Его это, похоже, ничуть не взволновало, чего нельзя сказать о Гермионе. Она покраснела и со слабым вскриком свалилась

за кровать, чувствуя, как кровь приливает к ее лицу и делает щеки красными и горячими. Малфой, голый по пояс... Малфой, одетый только в полотенце... И прилизанные белокурые волосы прелестно обрамляют его лицо, а из ванной в качестве фона выплывают клубы пара, пахнущие лавандой... Эта картина навечно врезалась в память Гермионы.

— Гетти! — воскликнул Драко. Это поразило Гермиону больше, чем все предыдущее. «Он что, называет домовиков по именам? Как это... скромно, что ли...» — Где мантия?

— На кровати, с-сэр.

— А, вижу. А ты где?

— З-за кроватью, сэр.

Он подошел и заглянул — к вящему отчаянию Гермионы.

— И что ты там делаешь?

— Э-э... — Гермиона не сразу нашлась, что ответить. — Вытираю пыль.

Драко фыркнул.

— А ты занятный экземпляр, знаешь ли...

Он забрал одежду и скрылся за ширмой. Вскоре из-за нее вылетело белое полотенце.

Гермиона перевела дух, пытаясь справиться с охватившим ее странным волнением.

Когда Драко вновь оказался в поле ее зрения, его волосы были зачесаны назад, и к облегчению Гермионы он был полностью одет.

— Пойдем, Гетти. Родители не любят, когда я опаздываю.

«О, — подумала Гермиона. — Как странно он произнес слово «родители». В голосе Драко отчетливо была слышна какая-то ироничная нотка.

Глава 4. Разоблачение

Идеальная прическа Нарциссы рассыпалась, перецеркнув бледное лицо неряшливыми локонами. Она кипела от охватившего ее возбуждения. Ее широко распахнувшиеся глаза обводили комнату диким взглядом, пальцы искривились, как когти хищной птицы.

— Где они? — прохрипела Нарцисса низким угрожающим голосом. — Где магловское отродье?

— Не при гостях, Нарцисса, — остановил жену Люциус, привстав и слегка коснувшись ее руки. Его голос, казалось, успокоил Нарциссу.

— Не имеет значения, — прежним тоном гостеприимной хозяйки произнесла она, грациозно усаживаясь и поправляя прическу и платье. — **Это** уже прошло.

Слова Нарциссы стали самым приятным звуком дня для Гермионы, в панике выбежавшей из зала и теперь стоявшей, прислонившись к стене, чтобы не упасть. «Как она **узнала**? — спросила себя Гермиона. — Как Нарцисса узнала, что рядом с ней появился человек магловского происхождения? Неужели она как-то это **чувствует**?..» Собрав всю свою смелость, Гермиона подкралась ближе к входу в обеденный зал, следя за тем, чтобы не подойти ближе, чем нужно, и прислушалась.

— Простите мою жену, — безмятежно произнес Люциус, как будто не произошло ничего необычного. — Дело в том, что у нее есть шестое чувство, дар, видение — назовите это, как хотите... В отличие от всех этих шарлатанов, которые делают вид, что предсказывают будущее, дар Нарциссы позволяет ей ощущать присутствие поблизости людей с испорченной кровью. Не так ли, дорогая?

— Ужасный был запах, — согласилась она, вновь скрывив прелестное лицо. — Какое облегчение я испытала, когда он исчез!

Потрясенные Паркинсоны молчали, не в силах произнести ни слова. Вероятно, они впервые познакомились с редким даром Нарциссы.

— Ну... — сказал наконец мистер Паркинсон. — До чего же... **полезное** чувство, Нарцисса.

Обед был роскошным — настоящий пир. Обеденный зал сиял во всем своем аристократическом великолепии — именно такое впечатление и хотели произвести Малфои. Обеденный стол, на котором при желании можно было бы разместить теннисный корт, протянулся от стены до стены, заставленный разнообразными деликатесами на золотых тарелках и блюдах. На столе стояли серебряные подсвечники, освещающие зал огнем свечей из чистейшего воска. Над всей этой роскошью возвышались огромный сверкающий канделябр, магически зависший в воздухе, и гобелен с семейным гербом Малфоев, свисавший со стены. Под ним невозмутимо восседали сами Малфои.

Люциус выглядел по-королевски, но при этом ужасно апатично. Нарцисса была царственно прекрасна — ее платье, макияж и прическа восхитительны, как всегда. Паркинсоны изо всех сил старались придать себе отстраненно-безразличный вид, но было заметно, что обстановка их восхищает, а Люциус немного пугает.

Когда Драко появился в обеденном зале с Гермионой, плетущейся за ним следом, одно за другим произошло сразу несколько событий.

— Опаздываешь, Драко, — первым проворчал Люциус.

— Драко! — с широкой улыбкой воскликнула Пенси, сидевшая ближе всех к входной двери. Таким голосом пятилетний ребенок обычно кричит: «Мороженое!»

А Нарцисса Малфой, спокойно сидевшая за столом, как и подобает хозяйке, принимающей гостей, вдруг вскочила, опрокинув стул, и завопила:

— Грязная кровь! Я чую грязную кровь! Здесь пахнет грязнокровками!..

— Это очень важно для нас, чистокровных волшебников, — согласилась с мужем миссис Паркинсон, — иметь возможность чують грязнокровок. Честное слово, давно пора истребить всех этих грязных тварей, — и сидящие за столом согласно закивали.

Гермиона почувствовала, что начинает закипать, но решила, что разумнее всего сохранять молчание и слушать дальше. Она рассчитывала узнать еще что-нибудь полезное, и неважно при этом, насколько услышанное будет неприятно ей лично.

— Кстати, — вдруг сказал Люциус, в голосе которого прозвучала не предвещающая ничего хорошего нотка. — Нарцисса, а когда ты ощутила грязную кровь?

— Когда в зал вошел Драко, — негромко сказала она, взглянув на сына.

Драко внезапно ощутил, как взгляды всех присутствующих устремлены на него.

— Что такое? — спокойно спросил он, встречая глазами одновременно столько взглядов, сколько могло поместиться в поле его зрения.

— Драко, — ужасающе спокойно произнес Люциус, — потрудишься объяснить? — это был не вопрос, а требование, и Драко прекрасно знал, что промолчать было бы не слишком разумно.

— Я полагаю, что это от моего домового эльфа, — объяснил он.

У Гермионы перехватило дыхание и закружилась голова. «Нет, пожалуйста, нет! — мысленно попросила она, ни к кому конкретно не обращаясь. Она задрожала, прокручивая в голове те ужасы, которые случатся с ней, если ее секрет раскроется. — О, умоляю, не надо!..»

— Она держала в руках **испорченный** плащ сегодня утром, — продолжил Драко. — Глупое создание видно забыло помыть после этого руки...

— Прикажи ей засунуть руки в кипяток, — небрежно сказал Люциус, — и сожги этот плащ. Мы в состоянии купить тебе новый, Драко.

Гермиона перевела дух и с облегчением вытерла пот со лба. Они поверили, что это был **плащ!**.. Драко спас ей жизнь, как бы не раздражала ее сама мысль об этом.

Она снова заглянула в зал. Нарцисса и миссис Паркинсон увлеченно беседовали о Макнейрах, а Люциус и мистер Паркинсон о Гойлах. Пенси с видом довольного щенка сидела рядом с Драко, поедая его влажным взглядом карих глаз. Гермиона перевела взгляд на Драко. Он выглядел странно спокойным, тихим и погруженным в глубокие раздумья. Он не обращал внимания на подрагивающие с намеком ресницы Пенси и ее попытки заигрывать с ним, а с глубокомысленным видом помешивал суп, будто пытаясь прочитать в глубине тарелки свою судьбу. Раз он взглянул в сторону двери. Гермиона отскочила, скрывшись из виду. Внимательный взгляд его прищуренных светло-серых глаз слегка ее нервировал.

— Драко! — прошептала Пенси с широкой улыбкой. Он поднял голову с усталым видом. — Разве не чудесно, что мы вместе этим летом? — продолжила Пенси, помешивая ложкой свой суп и опустив голову на другую руку. Ее глаза игриво сверкали. — Я так рада, что мы здесь. Эта поездка в пыльном и скучном экипаже, казалось, никогда не кончится... — в этом месте Драко перестал слушать и вновь погрузился в свои мысли. — Но наконец-то я здесь, и так этому рада. А ты, Драко?

— Ну, естественно, — не повернув головы ответил Драко.

— Ваше поместье для меня уже как родное, — продолжала Пенси как по писаному. — Я чувствую себя здесь как дома и с нетерпением предвкушаю целое лето, проведенное здесь.

— Как и каждое лето, — хмуро пробормотал Драко, не прерывая раздумий.

— Конечно, — с улыбкой подтвердила Пенси. — Как и **каждое** лето, — никто, кроме Гермионы, не заметил, как при этих словах холодно блеснули глаза Пенси. Уголки ее губ дрогнули, и на них появилась бледная тень коварной ухмылки.

* * *

Драко, пошатываясь, добрался до своей спальни около полуночи. Гермиона смотрела, как он, абсолютно не обращая внимания на то, что творится вокруг, подошел к корзине с грязной одеждой, вытащил оттуда несчастную мантию и швырнул ее в мерно пылающий огонь. Туда же последовали извлеченные из карманов газовый платочек, букетик розовых искусственных цветов и несколько листков с нацарапанными на них любовными стишками — видимо, подарки от Пенси. Покончив с этим, измученный приемом Драко без лишних церемоний рухнул на кровать.

Несколько секунд тишину нарушали лишь потрескивание дров в камине и негромкое уханье совиного филина Драко, дремавшего на жердочке в углу.

— Гетти, — пробормотал Драко. Его голос глухо звучал из-под горки подушек.

— Да, сэръ?

— Завтра ошпарь-ка свои руки кипятком. Я слишком устал, чтобы заниматься этим прямо сейчас.

— Слушаюсь, сэръ, — ответила Гермиона, слегка содрогнувшись.

Драко перекатился на кровати и тут же заснул, даже не сняв парадного облачения.

Гермиона свернулась клубочком на кушетке, не в силах заснуть. Она прислушивалась к тишине, наблюдая за звездами, сияющими на небосводе. Мысли перебегали с одной темы на другую, пока она вдруг не вспомнила о своих родителях. Гермиона представила себе, как они в панике мечутся по соседним улицам, разыскивая ее. С болезненным чувством вины она внезапно осознала, что отправилась в Лютный переулок без разрешения, и родители не знали, что ее нужно искать именно в волшебном мире. Впрочем, они все равно не смогли бы в него попасть: родители Гермионы были маглами, и у них не было волшебной палочки, чтобы постучать по стене на заднем дворе "Дырявого котла", или Улетального порошка, чтобы перемещаться с его помощью. Гермиона замерзла и внезапно ощутила себя очень-очень одинокой. «Что же мне делать?» — подумала она и выглянула в окно, словно пытаясь найти ответ у звезд. Луна, свет которой пробивался сквозь облака, молча глядела на нее со своего возвышенного небесного трона. Две слезинки скатились из полужакрытых глаз утопающей в отчаянии Гермионы, оставляя соленые дорожки на ее щеках и шее.

Внезапное странное ощущение заставило ее широко распахнуть глаза: луна скинула с себя ажурный облачный плащ, и ее мягкий сверкающий свет упал на кожу Гермионы...

...которая потихоньку начала меняться!

Потрясенная Гермиона смотрела, как ее крапчатая бледно-зеленая кожа постепенно становилась прежней — чистой и белой. Костлявые конечности домовика вытянулись в обычные пальцы — те самые, которыми она так часто листала волшебные словари, в которых изящно держала перо, обдумывая очередное сочинение. Ноги стали длинными и стройными, она с наслаждением ощутила босыми ступнями пушистый ворс ковра. Густые каштановые волосы мягко упали ей на плечи...

«Не может быть! — подумала Гермиона в изумленном экстазе, с трудом веря в свое счастье. — Я снова человек! — несколько минут она любовалась руками, дыша полной грудью, улыбаясь легкой улыбкой путника, который шел через безжизненную пустыню и добрался, наконец, до колодца с чистой водой. — Человек, **я снова человек!**...»

— Эй!..

Гермиона повернулась и обмерла. Ее взгляд встретился с удивленными глазами Драко Малфоя, который сидел на кровати и явно уже не спал.

Только сейчас Гермиона обратила внимание на свой наряд. К своему ужасу, она обнаружила, что надетая на ней наволочка домовика **ничего** не закрывает. Со сдавленным криком она подхватила первый попавшийся кусок ткани — коврик с пола — и обернула его вокруг себя, багровая от смущения. Драко усталился на нее, не в силах сказать ни слова. Неловкая пауза продолжалась несколько секунд, пока они молча смотрели друг на друга, не в силах охватить разумом создавшуюся ситуацию.

— Может, ты объяснишь, что делаешь в моей спальне? — первым нарушил молчание Драко. — И при этом полуголая!..

— Ну, я...

— И что ты сделала с моим домовым эльфом? — несколько раздраженно прервал ее Драко. — Надеюсь, ты ее не убила, тупая грязнокровка? Она стояла нам девятью галеонов, и...

— Да заткнись, Малфой! — огрызнулась Гермиона. — Я ничего не сделала твоему домовому эльфу. **Я** — твой домовый эльф...

Глава 5. Магия в действии

Драко замер, пытаясь хоть как-то разобраться в происходящем. Проще всего было сказать себе, что это сон — причем кошмарный: его эльфа куда-то пропа-

ла — отец, конечно, обвинит в этом его, а вместо нее в спальне оказалась одетая только в коврик с пола и лунный свет Гермиона Грейнджер! А самое ужасное бы-

ло то, что эта картина начинала казаться ему не лишенной некоторого очарования.

— Что ты делаешь в моей комнате? — повторил Драко голосом, который был одновременно раздраженным, подозрительным и удивленным.

— Я же сказала тебе, — сердито ответила Гермиона, начиная терять терпение. — Я — твой домовый эльф.

— Что ж, если ты настаиваешь... — губы Драко медленно скривились в ухмылке. Он почувствовал, что берет ситуацию под свой контроль. — Я, конечно, принимаю полуодетых девиц в своей спальне, но **тебя** я, признаться, не ожидал...

— Да заткнись ты! — Гермиона едва не закричала. — Это **не то**, что ты подумал, — она остановилась, глубоко вздохнула и поправила прическу. — Во-первых, мне нужна какая-нибудь одежда, а потом, — она послала Драко ядовитый взгляд, — я тебе все объясню.

— Да, Грейнджер, уж сделай одолжение, — ответил Драко, слегка нахмурясь. Он подумал вдруг, что она могла оказаться здесь с какими-нибудь зловещими намерениями. У семьи Малфоев, в конце концов, было достаточно недоброжелателей, а есть ли лучший способ свести счеты с врагом, чем убить его единственного наследника в собственной постели? Драко достал из-под подушки волшебную палочку, смерил Гермиону подозрительным взглядом и направился к гардеробу.

— Если можно, что-нибудь не черное, — жеманно попросила Гермиона, в голосе которой еще слышалась враждебная нотка. Драко распахнул двери гардероба, и она добавила: — Впрочем, похоже, что другие цвета в твоей коллекции не представлены...

— Не повезло, — ответил Драко, бросив ей черный халат с серебряной монограммой ДМ. Гермиона поймала его и устремилась за ширму, метнув в Драко раздраженный взгляд. Она не утруждала себя словами благодарности: его ухмыляющаяся физиономия так и напрашивалась на пощечину.

* * *

— ...Итак, — подвел итог Драко, — ты разбила ценные и дорогие флаконы гоблинской работы, старый негодник превратил тебя в домового эльфа, отец купил тебя на аукционе, и теперь ты — моя персональная служанка, обязанная беспрекословно повиноваться мне.

— Я не намерена выполнять твои дурацкие приказы! — воскликнула Гермиона.

— Это объясняет, почему маме все время чудилась грязная кровь, — продолжал Драко, не обращая внимания на ее слова. — Это была **ты**, — он глянул на нее из-под полужакрытых век. — Я все время ощущал что-то странное в твоём поведении.

— Что ж, — заключила Гермиона, завязав поясок халата. — Проклятье, как видишь, прошло, так что я больше не буду беспокоить твою маменьку неприятными запахами. Я ухожу. У тебя есть Дымолетный порошок?

Драко не ответил. Его взгляд нервировал Гермиону — хотя лицо Драко не выражало никаких чувств, в глазах появился опасный блеск. Гермиона поежилась — этот взгляд наводил на мысли о волках.

— В чем дело?

— Я не думаю, что ты уйдешь отсюда, — произнес Драко.

— Что? — изумилась Гермиона. — Нет, мне, конечно, **доставляет удовольствие** пребывание в вашем очаровательном логове, но я могу найти себе более увлекательное занятие, чем нянчиться с избалованным ублюдком вроде тебя. **Где Дымолетный порошок?!**

— А его здесь просто нет, — спокойно ответил Драко. — Камин в Поместье Малфоев подключаются к Дымолетной сети только в присутствии кого-то из Малфоев. Все входы и выходы защищены тринадцатью разными проклятьями и заклятьями, которые не может снять никто, кроме членов нашей семьи. Просто так никто не может ни зайти в Поместье, ни выйти отсюда.

Остолбенение у Гермионы прошло, и она взглянула на Драко с угрозой.

— Тогда ты сможешь мне! — почти прорычала она низким голосом.

— Не думаю, — возразил Драко с мрачной ухмылкой.

Гермиона придвинулась поближе. Драко вздрогнул и отшатнулся назад, что слегка порадовало ее.

— Ты **поможешь** мне! — крикнула она, срываясь на визг. — Или я тебя заставлю!

Драко спокойно покачал головой:

— Ты забываешь, у кого из нас есть волшебная палочка, Грейнджер, — он покрутил палочкой, чтобы подчеркнуть этот факт. — А кроме того, кто сказал тебе, что проклятье прошло?

Гермиона была настолько поражена абсурдностью этого вопроса, что на мгновение лишилась речи.

— Может, ты не заметил, — задыхаясь от гнева, произнесла она, — так посмотри внимательнее: человеческие руки и ноги, человеческие пальцы, уши тоже далеко не слоновьи... По-твоему, я **похожа** на домовика?!

— Ну, — ответил Драко, чуть подняв брови, — насчет ушей я не стал бы говорить столь уверенно, но в целом — нет, не похожа.

— Сообразил, поздравляю...

— Но, — прервал ее Драко, — почему ты уверена, что останешься в таком же обличье завтра утром?.. Ты можешь быть человеком по ночам, а домовиком днем. Некоторые проклятья действуют так, — добавил он таким тоном, каким обычно говорят первокласснику, что дважды два — четыре.

Это замечание вновь лишило Гермиону дара речи. Увлечшись словесной пикировкой с Драко, она забыла о реальности, которая теперь болезненно возвращалась к ней. Малфой был абсолютно прав — она **еще не стала** прежней. А без этого — даже если ей и удалось бы добраться до Косого переулка, не было никакого смысла появляться там в образе домового эльфа...

— Кроме того, — добавил Драко с нехорошей улыбкой, — если завтра утром тебя не будет, отец накажет меня за то, что я потерял еще одного домовика... Не говоря уже о том, что я всегда мечтал о том, чтобы моей служанкой стала умнейшая ведьма Хогвартса!

— **Ну уж нет!** — горячо воскликнула Гермиона. — Даже **если** я снова стану к утру домовиком, я не собираюсь выполнять все твои глупые распоряжения!.. Давно пора позаботиться о бедных домовых эльфах, — гневно продолжала она. — К ним не будут больше относиться, как к бессловесным рабам. Я добьюсь предостережения им гражданских прав!

— Права — домовикам? — Драко от смеха едва не свалился с кровати. — По-моему, Грейнджер, проклятье пагубно повлияло на твои мозги. Мне показалось, или ты действительно что-то говорила о правах домовых эльфов?

— Да, говорила! — подтвердила Гермиона, глядя на Драко с глубочайшим презрением и с каждой секундой все больше раздражаясь. — Тебе этого не понять. Ты — бесчувственный эгоист, который не заботится ни о ком и ни о чем, кроме собственного благополучия. Посочувствовала бы тебе, Малфой, но, боюсь, я сейчас не в том настроении.

— Ничего страшного, — отмахнулся от ее слов Драко. — Мне и так хорошо.

Они помолчали. Гермиона с трудом сдерживала гнев, разгравшийся в ней танцующим на углях пламенем. От Драко, напротив, веяло холодом, как от окна, покрывшегося инеем первой морозной зимней ночи. Пауза затянулась.

— Ладно, — произнесла, наконец, Гермиона, усаживаясь на роскошную бархатную кушетку. — Я не буду спать до утра, чтобы убедиться, что проклятье прошло, — она пристально взглянула на Драко. — Но если я останусь человеком, Малфой, ты сможешь мне выбраться отсюда. Это, кстати, и в твоих интересах — не думаю, что твои родители обрадуются, обнаружив в твоей спальне маглогожденную ведьму.

Драко слегка улыбнулся и махнул рукой:

— Конечно-конечно... Я тоже подожду до утра, — он не стал говорить, что произойдет, если она останется в эльфийском обличье.

* * *

Через несколько часов ожидания Гермиону стало потихоньку клонить в сон. Она опустила голову на руку и попыталась сконцентрироваться, глядя в окно. Звезды медленно двигались по темному небу, собираясь на западе, луна спускалась к горизонту, готовясь уступить место солнцу. Краем глаза Гермиона заметила, как Драко прошел в угол спальни, а затем услышала негромкий звон стекла. Вернувшись, он слегка коснулся ее плеча. Гермиона подняла голову и увидела Драко с двумя бокалами и бутылкой, наполненной полупрозрачной розовой жидкостью.

— Выпей, — тихо сказал Драко, наполняя один из бокалов. — Это зелье позволяет человеку не засыпать. Ты ведь не хочешь уснуть, ожидая превращения обратно в домовика, не так ли? — он ясно прочел сомнение на ее лице. — Не бойся, это не яд. Кроме того, если в моей спальне найдут труп магглорожденной ведьмы, это будет еще хуже... — и чтобы окончательно успокоить Гермиону, он налил зелье во второй бокал и отпил немного.

Гермиона с подозрением оглядела свой бокал и сделала пару осторожных глотков. Тут же она ощутила, как

пробуждаются все ее чувства. Этот напиток, подумала она, напоминает масляный эль, но с большей энергетикой и худшим вкусом — как белое вино в сравнении с пивом. Она провела рукой по волосам, ощущая легкое покалывание статического электричества.

Драко с комфортом устроился на кушетке напротив Гермионы и сидел с отсутствующим взглядом, слегка откинувшись на мягкую спинку и потягивая напиток из своего бокала. Неожиданно Гермиона обратила внимание на то, насколько близко друг к другу они сидят — едва не соприкасаясь. Драко не обращал на это внимания, и Гермиона вернулась к своим мыслям, ощущая воздействие на нее выпитого зелья. Электрические разряды проскакивали вдоль позвоночника, и по всему телу распространялось приятное тепло. Она отодвинулась чуть подальше от Драко, и эти ощущения постепенно угасли.

Прошли еще несколько часов молчаливого ожидания. Солнце поднялось из-за недалеких холмов, прогоняя тьму своими лучами.

Гермиона содрогнулась. Она с ужасом увидела, как ее кожа становится зеленоватой в крапинку, а затем тело охватило знакомое ощущение скукоживания. Волосы укоротилась, а уши, наоборот, удлинились и стали остроконечными. С ужасным разочарованием Гермиона оторвала взгляд от своих рук и взглянула на Драко, сидевшего с понимающей улыбкой.

— Доброе утро, Гетти, — сказал он.

Глава 6. Горькая рабская доля

— Не понимаю, — произнесла абсолютно подавленная Гермиона, глядя на свои руки, которые снова приобрели болотно-зеленый цвет.

— Как я и говорил: некоторые проклятья именно так и действуют, — ответил Драко из-за ширмы приглушенным голосом: он зажал в зубах полы мантии, чтобы легче было застегнуть брюки. — Человек ночью, домашний эльф днем. Почти как в твоей **нормальной** жизни, Грейнджер. Сейчас ты домашний эльф, так что веди себя соответственно...

День, который начался таким образом, никак не мог стать удачным днем для Гермионы. Во-первых, она была вынуждена следовать за Драко по пятам по всему Помещению, хотя больше всего ей хотелось оказаться как можно дальше от него. Драко деловой поступью пронесся через все комнаты — библиотеку, павильон с фонтаном, студию, кабинет, везде переставляя предметы с места на место по одному ему понятным правилам. Со стороны он походил на стервятника, облетающего свои владения в поисках падали. Гермиона с ворчанием следовала за Драко, не в силах угнаться за его широкими шагами. Во-вторых, ей приходилось исполнять все его приказы: «Понеси **это**, Гетти... Достань **то**, живо...» — и это начинало действовать ей на нервы.

— А сам не можешь? — наконец огрызнулась она в ответ на очередную команду.

В этот момент они находились в парке. Малфои содержали целую бригаду садовников, которые подравнивали живые изгороди, разравнивали тропинки, фигурно подстригали кусты, очищали пруды... Ковры сочно-зеленой травы, сверкающей под летним солнцем, окружались каменными бордюрами с миниатюрными фонтанами по углам, обрамленными плакучими ивами. В небе лениво проплывали облачка, похожие на стадо летающих овец.

Драко расслабленно возлежал под навесом в увитой розами беседке и читал книгу, нежась в солнечных лучах. Он лениво повернул голову и посмотрел на Гермиону.

— Грейнджер, я не собираюсь тащиться к павильону с фонтаном за дурацкой маленькой книжечкой. Для этого как раз и существуют домовики. Так что вперед, **апорт!**.. — он махнул рукой и вернулся к чтению.

— Я тебе что, **собака?** — скрестив руки на груди, произнесла Гермиона.

Драко обернулся. Его взгляд обежал сад, остановился на секунду у ив, выстроившихся на берегу пруда, а затем двинулся дальше, вдоль тропинки.

— Нет-нет, что ты, конечно нет. Но я бы на твоём месте все равно пошел... — его голос был странно спокоен. Гермиона ожидала, что Драко рассердится, но его холодный тон только усилил ее раздражение. Она глянула в ту сторону, куда смотрел Драко, но слабое зрение домового эльфа не давало ей возможности ничего разглядеть.

— В чем дело?

— К нам идет моя маман.

И действительно, прислушавшись, Гермиона различила музыкальный перестук каблучков Нарциссы Малфой, приближающейся к ним вместе с миссис Паркинсон. Гермиона вздрогнула и бросилась бежать к дому. Ей не очень хотелось быть в саду в тот момент, когда Нарцисса заведет свою любимую песню о грязной крови.

— И не забудь мою книгу! — крикнул ей вслед Драко. Он улыбнулся, устроился поудобнее и продолжил чтение.

«О, я принесу ее тебе, — сердито подумала Гермиона. — Разодранной на мелкие клочки!..»

* * *

Драко проводил убегающую Гермиону мрачным взглядом. Он поморщился, увидев, как она растоптала по дороге несколько несчастных ромашек и папоротников, давая выход своему раздражению. Драко вздохнул — ее упрямство начало раздражать его. Первоначальный восторг от того, что ему прислуживает Гермиона Грейнджер — этот магглорожденный вундеркинд, теперь угас. Драко уже подумывал о том, чтобы подыскать ей замену — пусть бедняжка отправляется на все четыре стороны, самостоятельно справляясь со всеми трудностями, которые ей подкинет большой жестокий мир, не слишком дружелюбно относящийся к домовикам. Впрочем, остановил себя Драко, если он потеряет второго слугу подряд (домовика, который прислуживал ему до Гермионы, он случайно освободил, швырнув в него в припадке гнева что-то из одежды), нового отец ему уже не купит... Он еще раз глубоко вздохнул, подавив

горячее желание стукнуть Гермиону книгой по голове, и стал читать дальше.

«**Темный взгляд**, — писалось в книге, — является одним из сильнейших заклинаний Темной магии. Позволяет заглядывать за горизонт, видеть сквозь стены. Особо одаренные темные волшебники могут с его помощью читать мысли других людей. Для заклинания нужно произнести...» — далее следовала строка странных изломанных закорючек, будто написанных сломанным пером кроваво-красными чернилами. Страница словно сочилась ядом. Драко провел пальцем вдоль строки и произнес:

— *Окуланмилицифигирус*, — яркая вспышка света ударила ему в глаза, и на мгновение Драко ослеп — это началось, что заклинание начинает действовать.

Драко без особого труда прочел мысли Гермионы. Она думала о нем, думала много. Кроме него в ее мыслях присутствовали разные острые предметы и взрывающиеся проклятия. «А у нее богатое воображение, — с улыбкой подумал Драко. — А я-то всегда считал ее хорошей девочкой из Гриффиндора...» Неожиданно мысли Гермионы приняли иное направление: «Но при всем этом мне жаль бедняжку... Он так одинок в этом огромном и холодном поместье, где у него нет ничего, кроме пустых залов, испуганных домашних эльфов и этой скучной дуры, которая набивается ему в подружки. Что же касается его родителей, то они словно бы и не существуют — так мало от них исходит настоящего родительского тепла... Не удивительно, что он такой чувствительный! Может, я могу ему как-то помочь?..» — последняя мысль была как-то причудливо закручена: очевидно, Гермиона продолжала обдумывать ее.

От неожиданности Драко потерял контроль над заклинанием. Его нормальное зрение вновь стало резким, а мысли Гермионы заглушились звуками парка — чириканьем малиновки, сидящей на розовом кусте, ветерком, колыхавшим ветки деревьев над его головой, кваканьем лягушки из пруда. Драко в очередной раз остался наедине лишь со своими мыслями. С нарастающим изумлением он вдруг осознал, как права оказалась Гермиона. Он был одинок, и Поместье было ему не домом, а скорее тюрьмой. Драко почувствовал беспокойство, словно не он подглядывал за чужими мыслями, а наоборот — кто-то вторгся в его частную жизнь. Он попытался снова сосредоточиться на чтении, но его мысли все время перепрыгивали от Темной магии к словам Гермионы, которые звенели в его голове сильнее любых заклятий.

* * *

Гермиона прошла по коридорам Поместья, миновала картинную галерею и поднялась по главной лестнице в Большой зал, стараясь не обращать внимания на окружающую ее роскошь.

Малфои, несомненно, знали толк в дизайне интерьеров. Вся отделка Поместья была призвана впечатлить и устроить тех, на кого надо было произвести впечатление и нагнать страх. Сосна, красное и черное дерево и огромное количество мрамора, украшенного небрежными вставками из сусального золота, слоновой кости, нефрита и хрусталя. В каждом помещении была своя композиция, цветовая схема или тематика, и проходившая через анфиладу комнат Гермиона испытывала острое чувство зависти.

«Это должно стоить несколько тысяч галеонов, — подумала Гермиона, глядя на мраморную статую единорога, который каждые пять минут осторожно переступал с места на место. Абсолютно неотличимый от настоящего рог во лбу животного переливался в лучах солнца. — А то и несколько **сотен тысяч**... Интересно, откуда у Малфоев столько денег?»

— Извини... — Гермиона вздрогнула и обернулась. На нее смотрела пара огромных глаз, таких же, как у нее, только еще более обеспокоенных и испуганных. Это была Топси. — Гетти занята сейчас? — спросила эльфиха, озабоченно комкая пальцами края кухон-

ного полотенца, служившего ей одеждой. — Нам нужна помощь в Галерее.

Гермиона опять подумала о Драко. Он, наверно, все еще ждет свою книгу, там, в парке.

— Нет, я ничем не занята, — ответила Гермиона, и Топси с облегчением улыбнулась.

— Хорошо. Там, в Галерее, что-то застряло в дымоходе, и хозяин Малфой хочет, чтобы мы его прочистили. Прямо сейчас.

«Наверно, аист свил гнездо на каминной трубе», — подумала Гермиона, двинувшись по коридору следом за Топси. Пройдя несколько шагов, она обратила внимание на сияк на голове своей напарницы.

— Топси, что это? — спросила Гермиона. — Ты что, ударились обо что-то?

— Нет, Гетти, — ответила эльфиха с виноватым видом. — Топси была плохая. Она принесла хозяину Малфой ромашковый чай вместо чая «Эрл Грей», и хозяин Малфой наказал Топси своей тростью.

— Кто, Люциус? — спросила Гермиона, гневно сузив глаза.

— Гетти, пожалуйста... — лицо Топси стало белым, как простыня. — Мы называем его «хозяин Малфой», а не...

— Он ударил тебя. Тростью!

— Топси была очень плохая, Топси это заслужила...

— Ничего подобного! — воскликнула Гермиона. Она остановилась и глянула на Топси в упор. — Каждый может так ошибиться, Топси, каждый. Ты не заслужила такого наказания за то, что перепутала сорта чая...

— А потом, — всхлинула эльфиха, — Топси билась головой о колонну... Топси знала, что была очень плохим домовиком, Топси должна была себя наказать...

— Но почему? — воскликнула Гермиона, не веря своим ушам. — С чего вдруг ты решила это сделать?!

— Топси была очень плохой... — всхлинув, повторила Топси и вытерла глаза своим полотенцем. — Ладно, не будем вспоминать о грустном. Теперь Топси должна служить хозяину Малфой лучше, она будет стремиться стать ударником труда...

Эти слова так поразили Гермиону, что на несколько секунд она абсолютно лишилась дара речи. А прежде, чем она собралась с силами для новой зажигательной речи о свободе и справедливости, Топси указала на массивные двойные двери из дуба:

— Мы на месте.

Галерея была громадной. Над головами завис прекрасный светильник в форме лебедя, свет которого отражался в черных и белых квадратах мраморного пола. Вдоль стен стояли рыцарские доспехи. Колонны были задрапированы тяжелой красной тканью. Картины, висевшие на стенах, тянулись снизу доверху, к самому потолку, украшенному столь же роскошными фресками. В центре всего этого великолепия с царственным видом стоял Люциус Малфой.

Несколько домовиков пытались вытянуть из дымохода то, что в нем застряло. Одновременно с этим другая группа, вооруженная щетками и совками, собирала сажу и золу, хлопьями летевшие на пол стараниями первой группы.

— Где тебя носило? — нетерпеливо воскликнул Люциус, пренебрежительно глядя на Топси сверху вниз. — Вот тебе за опоздание! — от пинка в бок несчастная эльфиха растянулась на мраморном полу. — Больше так не делай!..

Охваченная яростью, Гермиона посмотрела на несчастную Топси, которая с трудом поднялась с пола и присоединилась к остальным домовикам. Она повернулась к Люциусу.

— Это не ее вина! — со злостью воскликнула Гермиона, сверкая глазами.

— А чья же, скажи на милость? — спросил Люциус, окинув Гермиону холодным взглядом.

— Моя, — поколебавшись мгновение, ответила Гермиона. — Это я... Я ее задержала, — слегка дрожа, она, тем не менее, приподняла подбородок повыше, пытается

смотреть Малфою прямо в глаза с высоты своего метрового эльфийского роста. Люциус злобно прищурился.

— Ты — новый эльф, не так ли? — сказал он и продолжил, не дав ей ответить: — Да-да, я тебя узнал. Надо будет напомнить Драко, чтобы он тебя как следует наказал за твое нахальство. Мальчик уже вырос и может сам заняться воспитанием своих слуг, вместо того, чтобы беззаботно отпускать их на волю. А пока — займись дымоходом!

Гермиона бросилась к камину. Топси была уже там, крича вместе с остальными: «Взяли!», когда домовики тянули веревки.

— Вот, — юноша-домовик протянул ей веревку. — И не забудь — когда крикнут: «Взяли!», надо тянуть изо всех сил.

— Ладно, — откликнулась Гермиона, берясь за веревку. Пока домовики готовились к очередному рыку, она постаралась собраться с мыслями и...

— Взяли!

После нескольких энергичных рывков дюжины эльфов то, что было в дымоходе, свалилось прямо в камин,

рассыпая во все стороны золу. Напуганные домовики отскочили в разные стороны, оставляя на покрытом сажей полу отпечатки крохотных ножек.

— Принесите это сюда! — громовым голосом приказал Люциус Малфой.

Пятеро домовиков осторожно подошли к камину, где лежал огромная черная глыба оттапливающего вида. «Это непохоже на гнездо аиста, — подумала Гермиона. — Выглядит оно гораздо более массивным». На фоне закопченного каминного **это** выглядело еще чернее — вроде обожженного камня, покрытого какими-то лохмотьями.

Домовики потянули за веревки, и их ноша заскользила по гладкому полу. Издалека нельзя было различить что это, но когда процессия подошла поближе, очертания темной фигуры стали узнаваемыми, и Гермиона с трудом удержалась от вскрика — это был человеческий труп! Гермиона в ужасе посмотрела на почти мумифицированное адским жаром тело и на искаженное гримасой смертельного ужаса лицо...

Глава 7. Горькая рабская доля (продолжение)

— Думаю, это был вор, — предположил мистер Паркинсон. Малфою и Паркинсоны сидели на скамейках в Лесном саду и обсуждали ужасную находку, потягивая чай или — как Люциус — вино под сенью золотой с янтарем листвы дубов и кленов и изумрудной сосновой хвои. — Я имею в виду, — продолжал мистер Паркинсон, — что тут есть тысячи привлекательных для воров вещей — картины, статуи...

— Не думаю, что им нужны ценности, — мрачно процедил Люциус, и все головы разом повернулись в его сторону, а голоса смолкли, так что тишину нарушал лишь легкий ветерок, покачивающий верхушки деревьев. — Преступник подкрался к дому, увидел потухший камин и решил, что дорога ему открыта. Он не знал, что в дымоход встроено проклятье **Инферно**...

«...и угодил прямо в пламя», — мысленно закончила фразу Гермиона, передернувшись. Она пряталась за кустами — достаточно далеко, чтобы Нарцисса ее не учуяла. К счастью, огромные чуткие эльфийские уши позволяли прекрасно слышать весь разговор.

— Он хорошо знал, на какой риск идет, вламываясь в мой дом, — продолжал Люциус, проводя пальцем по ободку своего бокала. — Так что он явно шел сюда не за статуями или картинами и не за драгоценностями из нашей гостиной.

— Т-тогда за чем же? — заикаясь, словно заранее боясь возможного ответа, произнес мистер Паркинсон.

— Я думаю, — тихий голос — почти шепот — Люциуса, тем не менее, прорезал тишину, словно нож, — что преступником двигали более серьезные мотивы.

Нарцисса судорожно вздохнула.

— Ты хочешь сказать, что кто-то пытался нас убить? — прошептала она, стискивая между большим и указательным пальцами кулон, висящий у нее на шее. Гермиона обратила внимание на то, как странно мерцает в полуденном цвете изящная безделушка. — Но почему?

— Тебе это трудно понять, дорогая, — небрежно заметил Люциус. — Как правило, это связано с престижем, шантажом и старинной враждой видных семейств магического мира.

Мистер Паркинсон судорожно проглотил комок в горле и быстро произнес, как будто торопясь выплеснуть свои слова:

— Мы, Паркинсоны, никогда не предаем своих, Люциус...

— Мы никогда бы не смогли причинить какой-нибудь вред нашим дорогим друзьям, — подхватила с нервным смешком миссис Паркинсон.

— Да уж, — ответил Люциус, и нотка подозрения, проскользнувшая между этими двумя словами, зловеще повисла в воздухе.

* * *

Гермиона медленно брела к дому, погружившись в свои мысли. Кто был тот человек из каминного — вор? Что он — или она — хотел? Кто его послал? Имеют ли Паркинсоны какое-то отношение к этой истории?..

Вынырнув из своих размышлений, Гермиона обнаружила, что ноги сами собой привели ее в павильон с фонтаном — к той самой белой резной скамейке, на которой Драко оставил свою книгу. Более того, этот том в твердом черном переплете она сейчас держала в руках — видно, машинально подняла по дороге.

«Я и в самом деле ее подобрала, — подумала Гермиона, с отвращением глядя на книгу. — Как комнатная собачонка». Гнев и отвращение исказили ее лицо, и она швырнула книгу в мраморный бассейн одного из многочисленных раззолоченных фонтанов, украшавших павильон, с чувством глубокого удовлетворения наблюдая за тем, как книга погружается в прозрачную воду и опускается на дно подобно кувшинке, а крохотные золотые рыбки скользят между ее страницами.

Гермиона с огромной гордостью несколько минут рассматривала дело рук своих, пока за ее спиной не раздался тонкий голосок:

— Извини... — Гермиона резко обернулась и увидела одного из эльфов, с которыми она вместе работала в Галерее. Эльф неуверенно продолжил: — Ты Гетти?..

Гермиона несколько раз открыла и закрыла рот, пока, наконец, не смогла выдать из себя:

— Ты ничего не видел, ладно?..

— Не видел что? — еще более неуверенно спросил эльф.

— Неважно, — вздохнула Гермиона. — Да, я Гетти. А ты кто?

— Меня зовут Гилли, — поколебавшись мгновение, ответил домовик. — Топси рассказала **нам** о тебе.

— Нам? — удивленно переспросила Гермиона.

— Домовым эльфам, — залпом выпалил Гилли. — Топси рассказала нам, что ты... что ты знакома с Добби, прежним слугой хозяина Малфоя.

— Да, конечно! — взгляд Гермионы моментально просветлел. — Он работает в Хогвартсе, где я... где я когда-то работала — на кухне, — вымпровизировала она на ходу. — Он так счастлив в Хогвартсе, **так счастлив**...

— Он и вправду... получает **зарплату** за свою работу? — с содроганием спросил Гилли.

— Да, — кивнула Гермиона, глаза которой загорелись. — И за эти деньги он покупает себе все, что хочет — еду, подарки друзьям...

— Одежду?.. — прошептал Гилли таким тоном, каким произносится нечто ужасающее.

— **Одежду**, — подтвердила Гермиона.

— Ну-у... — тощий и растрепанный домовик поежился, как от внезапного порыва ледяного ветра, голос его дрожал так же, как и он сам. Постояв еще несколько мгновений, он внезапно развернулся и поспешно удалился, словно не мог больше выносить подобных разговоров. Но, убегая, он бросил на Гермиону задумчивый взгляд, говорящий о том, что ее слова не остались неуслышанными.

«И на том спасибо», — мысленно вздохнула Гермиона.

* * *

Обед. Малфои и Паркинсоны восседали в обеденном зале под огромным канделябром, переливающимся всеми красками, как павлиний хвост, и под мелодичный перезвон хрустальных бокалов с превосходным вином вкушали утонченные яства тринадцати видов, накладывая их с золотых подносов на фарфоровые тарелки, а затем нарезая серебряными столовыми приборами. В то же самое время домашние эльфы столовались на кухне, в месте, о котором Гермиона потом говорила что-то вроде: «Затянуло бурой тиной гладь старинного пруда...»

Домовики теснились на узеньких скамейках из неструганных досок, поставленных в самой маленькой из четырех кухонь Поместья. Гермиона с отвращением посмотрела на грубую деревянную бадью, стоящую на столе, в которой бурлило что-то зеленое и непривлекательное. Зачерпнув это варево, Гермиона увидела, что оно ко всему еще и тянется за ложкой, представляя собой нечто среднее между помоями и ирисками.

Хозяйка кормила домовиков раз в три дня — домовые эльфы вообще существа весьма выносливые. К своему удивлению, Гермиона вдруг осознала, что ничего не ела с приезда в Поместье, полностью сосредоточившись на единственной мысли — как сломать проклятье и выбраться отсюда. Однако, взглянув на предложенное домовикам блюдо, Гермиона ощутила желание попоститься еще несколько дней.

— И что — вы действительно едите эти отбросы?! — в ужасе спросила она у Гилли, который сидел рядом и вяло ковырялся ложкой в бадье с неаппетитным варевом.

— Это то, что нам дают хозяйка, — кивнул Гилли. — Мы должны есть это или голодать, — и он впихнул в рот порцию зеленой кашицы. Гермиона готова была поклясться, что его лицо в этот момент стало еще зеленее, чем обычно. Проглотить ему удалось с большим трудом, и со слезами на глазах он зачерпнул следующую ложку.

— Отвратительно! — воскликнула Гермиона, ударив по столу кулаком. Конечно, крошечный кулачок не произвел много шума, но, тем не менее, резкое движение привлекло внимание Гилли и еще парочки домовиков, сидевших по соседству. — Они не могут кормить нас **ЭТИМ!** — горячо продолжала она, указывая рукой на бадью с варевом. — Это мерзко и унизительно!.. В конце концов, почему **они** — там, наверху — наслаждаются всевозможными деликатесами, а мы нет?

На этом месте домовики, прислушивающиеся к речи пламенного оратора, начали было беспокойно ерзать на своих скамейках и отводить взгляды в сторону, но Гермиона представляла из себя такое зрелище, которое не могло не привлечь внимания зрителей. Завладев аудиторией, Гермиона продолжала еще громче и с большей страстью:

— Наши **хозяйка** обращаются с нами, как со **скотом**, кормят отбросами, наряжают в лохмотья... Мы не должны терпеть этого больше!

— Гетти, — еле слышно прошелестела белая, как снег, Топси. Гермиона не обратила на нее внимания. Она взобралась на скамейку и вдохновенно продолжала:

— Мы не скот! Мы не должны позволять, чтобы с нами обращались как со скотом! **Мы** должны громко и четко заявить...

— Домовик Гетти? — раздался голос со стороны двери. Гермиона повернулась и в полутьме с трудом разглядела вошедшего в кухню молодого эльфа, который оглядывался по сторонам, пока, наконец, не увидел стоящую на скамейке Гермиону, которая выделялась среди остальных домовиков, как маковый цветок на пшеничном поле. — Хозяин Драко приказал, чтобы Гетти пошла и зажгла его камин.

«Прекрасно!» — раздраженно подумала Гермиона и ответила высокомерным тоном:

— Скажи, пусть зажигает сам!

Все присутствующие изумленно разинули рты. Потрясенный этим замечанием эльф-посыльный отнюдь не горел желанием принести младшему Малфои такой ответ, прекрасно осознавая, что ожидает его за невыполнение хозяйского приказа. Глядя в его перепуганные глаза, Гермиона смягчилась.

— Ладно, — проворчала она и вышла из кухни, где после ее ухода сразу стало шумно: каждый эльф спешил поделиться с соседями своими соображениями.

— А знаете, Гетти в чем-то права, — заметил Гилли. Топси не ответила — она в глубоком раздумье перебирала оборки на своем полотенце, покусывая нижнюю губу.

* * *

Драко держал насквозь промокшую книгу над пламенем камина, что-то бормоча себе под нос. От огня и воды роскошный переплет скукожился и перекосялся, и Драко понимал: шансов на то, что книга когда-нибудь снова станет такой, как раньше, практически нет. Он еще раз посмотрел на огонь, потом повернулся и метнул в Гермиону испепеляющий взгляд. Она сидела на одной из кушеток и заштопывала дыру в мантии Драко — сама невинность. Время от времени она поднимала голову и протестушно интересовалась:

— Ну, как там книжка?

— Прекрасно, просто прекрасно, — сквозь зубы отвечал Драко. — Кстати, — добавил он, — не странно ли, что она вдруг оказалась на дне фонтана, а, Грейнджер?

— Да, — с невинным видом согласилась Гермиона. — Очень странно.

— Почему у меня такое чувство, что к этому была причастна ты?

— Не знаю, — Гермиона пожала плечиками, уселась поудобнее и вернулась к своему шитью, не обращая внимания на пронизывающие, как кинжалы, взгляды, которые метал в нее Драко.

Поведение Гермионы понемногу начинало раздражать Драко. Когда он вызвал ее из «обеденного зала домовиков», Гермиона влетела в комнату и поинтересовалась, с какой стати он прервал ее трапезу, таким тоном, что Драко едва не вручил ей носок — что на языке домашних эльфов означало увольнение. Они стояли друг напротив друга, обмениваясь яростными взглядами и взаимными угрозами, метая оскорбления, словно дротики... Драко начал всерьез подумывать, не избавиться ли ему от Гермионы. Неважно, что Люциус рассердится, главное — она **исчезнет**. Но он внезапно вспомнил мысли Гермионы о нем, подслушанные днем, когда он копался в ее мозгах **Темным взглядом**. Драко решил пока не выгонять ее — сначала надо понять, что же Гермиона имела в виду... Окончательно запутавшись в своих мыслях, Драко решил сменить тему.

— Скоро полночь. Я иду спать, так что мне придется пропустить увлекательное зрелище твоего превращения. Если хочешь, можешь послоняться по комнате в одиночестве. Спокойной ночи, — сказав это, Драко положил все еще влажную сморщенную книгу на каминную доску, сбросил мантию и забрался в постель, закрыв тяжелые бархатные портьеры как роскошный кокон. Через какое-то время по отсутствию движения и тишине, нарушаемой лишь слабым шорохом простыней, стало ясно, что Драко уснул, погружившись в сладкие сны.

Гермиона вздохнула, отложила свое шитье и стала ждать.

* * *

— Следи за снитчем. Это все, что ты должен видеть!.. — Драко снилось, что он завис в воздухе над квиддичным полем Хогвартса, а вновь назначенный капитан слизеринской сборной Юлиус Меллори проводит инструктаж перед очередной тренировкой. Сейчас он обращался к Драко: — Следи за снитчем и не выпускай его из виду ни на секунду. Гонись за ним так, как будто от этого зависит твоя жизнь!

Какая-то часть сознания Драко понимала, что это сон. Во-первых, поле было необычно ярким, как будто его посыпали светящимся порошком. Во-вторых, вместо привычного «Нимбуса-2001» он летал на древней «Падающей звезде», которая скрипела и тряслась от старости.

Юлиус закончил инструктаж и окинул команду тяжелым взглядом.

— Не разочаруйте меня. Мы должны выиграть Кубок квиддича в этом году, а если этого не случится — я попрошу профессора Снейпа, чтобы всех вас подвесили к потолку слизеринских подземелий. А сейчас — начнем!

Команда разлетелась на свои позиции, и Юлиус Меллори выпустил мячи. Драко увидел золотой снитч, сверкающий, как новенькая монетка, в неестественно ярких солнечных лучах, и устремился за ним.

Погоня снилась Драко до странности реалистично: он ощущал ветер, со свистом бьющий ему в лицо, ерошащий волосы и раздувающий полы его мантии. Снитч был

совсем рядом, но вдруг скользнул в сторону и вниз, и Драко потянулся за ним, пытаясь схватить рукой маленький крылатый мячик.

Внезапно громадная тень закрыла солнце, набросив на Драко сумрачный полог. Он глянул вверх и увидел внушительных размеров крылатое существо с кроваво-красными горящими глазами. При каждом взмахе крыльев твари звучали громоподобные раскаты, но, видимо, ей это показалось недостаточным — и она присовокупила к ним такой неземной вопль, что у Драко захватило дыхание. Совершенно забыв про снитч, он спикировал к земле, спиной ощущая приближение быстро наступающего его чудовища, когти которого уже задевали спину Драко. Вопли крылатой твари сиреной звучали в его ушах. К ужасу Драко, его метла неожиданно рассыпалась на мелкие щепочки, и зеленый покров стадиона рванулся навстречу его съезжившемуся в ожидании неминуемого удара телу.

Оглянувшись, Драко увидел, что небо посерело, и на его зловещем фоне чудовище, ухватившее в этот миг когтями его мантию, казалось абсолютно черным. Оно издало очередной вопль, от которого, казалось, должны расстрескаться небеса. Только сейчас Драко осознал, что судьба вновь свела его с гиппогрифом — таким же, как тот, который чуть не убил его на третьем курсе, когда этот болван Хагрид притащил стаю гиппогрифов на урок ухода за магическими существами. Но перья этого гиппогрифа были угольно-черными, а клюв выглядел зазубренным лезвием ножа. Гиппогриф смерил Драко злобным взглядом и стал заносить голову для удара...

Драко проснулся и вскочил, обдирая горло криком.

Глава 8. Письмо

Драко выпрямился на постели. Нечеловеческий истошный крик все еще отдавался эхом в голове, напоминая о приснившемся кошмаре, широко распахнутые глаза бежали комнату, замораживающая тишина которой накатила на него волной. Лишь спустя несколько мгновений он смог слегка успокоиться, хотя сердце и продолжало громко стучать. Драко подумал, что никогда раньше не чувствовал себя таким напряженным. Дрожащей рукой он потянулся за простыней, и только тут заметил два уставившихся на него из тени огромных глаза. Он вскрикнул, но тут же пожалел об этом.

Это была всего лишь Гермиона. Она сидела на краешке кровати и со смешанными чувствами смотрела на него огромными немигающими глазами домового эльфа, похожими на озера жидкого шоколада. В этих глазах был страх, слабый след смущения и... беспокойство?

— Что случилось? — чуть слышно шепнула Гермиона. Драко взглянул на нее с удивлением — в ее голосе совсем не было враждебности. Она что, переживает за него?..

— Ничего, — к стыду Драко, голос его слегка дрожал. — Ничего не случилось. Приснился кошмар, вот и все, — он поправил мокрые от пота пряди волос, прилипшие ко лбу.

Но Гермионе вовсе не показалось, что это был простой кошмар. Она наблюдала за Драко, когда тот начал ворочаться на постели, постанывая все громче и громче и постепенно переходя на крик, пока, наконец, не издал этот последний вопль, в котором, казалось, не было ничего человеческого. Да, никогда раньше Гермиона не слышала звука, в котором было бы столько ужаса и отчаяния. Она скептически глянула на Драко, слегка наклонив голову.

— Ты кричал, — негромко констатировала она.

Драко неуверенно коснулся своего лица, почувствовав под пальцами мокрые следы недавних слез. Он решил не отвечать, лишь смахнул слезинки, слизнул остатки соленой влаги с губ и снова потянулся за простыней.

— Ты напугал меня, — продолжила Гермиона уязвленно, словно Драко сам был виноват, что ему при-

снился такой кошмар. Парень посмотрел на нее, пытаясь отыскать в ее глазах след насмешки, но нет — похоже, она говорила искренне. Да и голос ее слегка дрожал.

— Я **что?** — спросил Драко, подняв бровь. — Напугал тебя? — он попытался шуткой разрядить напряженную атмосферу, царившую в комнате. — Я не **так уж** и уродлив, когда сплю... Мама всегда говорила, что во сне я похож на купидона, — он коротко хохотнул, выдав нервным смехком свое беспокойство. Чтобы скрыть свои чувства, Драко закашлялся.

Хмурые морщинки на лице Гермионы разгладились, когда она приподняла брови:

— Ты орал так, словно тебя режут, купидон... — она прыгнула с края кровати на пол, ее крохотные ножки почти не производили шума. Только сейчас Драко заметил нечто странное.

— Ты все еще в виде эльфа?

— Да, тебе понадобилось немало времени, чтобы заметить, — сухо ответила Гермиона откуда-то из тени. В ее голосе вновь зазвучали привычные враждебные нотки, и Драко с улыбкой сказал во тьму:

— Если честно, нет особых различий между обеими твоими формами... Нет, в самом деле, почему ты еще не трансформировалась? Вчера это произошло когда — в полночь? А сейчас... — взгляд Драко бежал темную комнату. — Который сейчас час?

— Полвторого, — хмыкнул бестелесный голос. Затем Гермиона продолжила со вздохом: — Я ничего не понимаю. Почему я все еще не превратилась?

Драко приготовил остроумный ответ, но Гермиона была полностью скрыта темнотой, а Драко предпочитал видеть лица людей, которых он доставал.

— Где ты там? — в ответ послышался звук чего-то невесомого, опустившегося на мягкую ткань.

— Я сижу на кушетке. Ты что — ослеп? — Гермиона явно хотела уязвить Драко. Ее глаза — глаза домового эльфа — легко пронзали мрак, и она видела, что Драко пытается разглядеть ее, но вряд ли различает что-то в темноте дальше собственной кровати.

— Тут слишком темно, — сказал Драко. — Раздвинь-ка портьеры.

Гермиона закатила глаза и уже собиралась бросить в ответ: «Раздвинь **сам!**», когда в ее мозг мелькнула мысль, осветившая мрак подобно факелу.

— Конечно, — выдохнула она. — Портьеры! — она подбежала к окну, ухватила крошечными ручками края портьер и распахнула их.

— Да, портьеры, — медленно произнес Драко, словно разговаривая с сумасшедшим отсталым ребенком. — Они покрывают окна. И именно из-за них тут так темно...

Гермиона не ответила. Все ее внимание было сосредоточено на луне, свет которой заполнил комнату, окрашивая в серебристый цвет все на своем пути. Гермиона стояла в этом луче небесного прожектора, вновь ощущая электрические разряды, пробегающие по ее коже. За спиной она услышала смешок Драко: «Ну, прям как в «Лебедином озере», и тут же вспомнила о своей укорачивающейся наволочке... Спустя мгновение она — уже в человеческом виде — стояла у окна, обернутая портьерой.

— Малфой, дай мне что-то надеть, — распорядилась Гермиона, внимательно оглядывая портьеру, чтобы убедиться, что она прикрывает все, что необходимо прикрыть. Не получив ответа, она обернулась и увидела Драко, глядевшего на нее со странной улыбкой на губах. — В чем дело? — возмущенно спросила она.

— Эти занавески прелестно на тебе смотрятся, Грейнджер, — насмешливо произнес Драко, ухмылка которого еще шире расплзлась по лицу. — Просто шикарно. А если учесть, что когда-нибудь ты выйдешь замуж за этого Уизли, тебе нужно начинать привыкать ко всякому немодному старью — именно его ты и будешь носить всю оставшуюся жизнь...

— Заткнись, Малфой, — резко ответила Гермиона, — и не впутывай во все это Рона!

— Я могу пожертвовать вам пару наволочек, если хочешь.

— Дай мне халат, пока я тебя не придушила, — голос Гермионы был близок к визгу.

Драко с мягкой улыбкой покачал головой, слез с кровати и направился к гардеробу. Распахнув настежь дверцы, он пригляделся: среди огромного количества черной одежды приютилось изящное серебристо-голубое платье, «позаимствованное» у Нарциссы. Драко удивился, почему он вообще так обеспокоился подбором одежды для Гермионы, вместо того, чтобы сунуть ей первую попавшуюся тряпку из гардероба. «Мне никогда не приходило в голову давать что-нибудь Пенси, — подумал он почти мечтательно. — Ладно...»

Он бросил платье Гермионе, она подхватила его и удивленно уставилась на Драко.

— Никогда бы не подумала, что у тебя в гардеробе есть женская одежда, — с подозрением произнесла Гермиона, прячась за портьерой, чтобы переодеться. — Хотя ты производишь впечатление человека, способного и не на такое.

— У меня тут еще есть пурпурное, — слегка застенчиво добавил Драко. — А вообще, ты про меня еще много чего не знаешь.

Гермиона попыталась вникнуть в смысл сказанного, но затем ее осенила новая мысль:

— Раз ты дал мне платье, — спросила она с любопытством, — не значит ли это, что ты освободил меня от службы?

Драко подумал.

— Ты чувствуешь себя как-то иначе?

— Если не считать того, что я **выгляжу** сейчас более по-человечески, — отметила Гермиона, — то, пожалуй, нет.

— Ну, вот и все. Я дал тебе одежду, **когда ты была в человеческом облике**, а не домовиком. Когда взойдет солнце, ты не будешь больше человеком, а значит — остаешься на службе.

— Как-то это все бессмысленно. И совсем не утешительно.

— Да, — улыбнулся Драко. — Так и задумывалось.

Гермиона выскользнула из-за портьеры, неуверенно ступая по лунной дорожке на полу. Она озабоченно по-

смотрела на свои оголенные плечи, струящуюся ткань, ниспадающую с ее талии, и слегка нахмурилась:

— Где ты его раздобыл, кстати? Осталось от предыдущей подружки?

Не получив ответа, она подняла глаза. Драко смотрел на нее тем взглядом, которым любитель живописи рассматривает полотно работы великого мастера: рот приоткрылся, глаза вылезли чуть ли не на лоб. Гермиона нахмурилась: ей не очень понравилось чувство, которое вызывал в ней этот взгляд: вместе с мягким ощущением касающейся кожи ткани он словно гонял вдоль ее тела потоки электрических разрядов.

— В чем дело? — раздраженно спросила она. Ей уже приходилось видеть такие взгляды на лицах парней — например, когда Лаванда однажды появилась в Хогсмиде в облегающей полупрозрачной ярко-желтой блузке. То был весьма поучительный день...

— Э-э-э, ни в чем... — пробормотал Драко, неуверенно подергав ворот пижамы. — Это платье, э-э-э... в лунном свете очень... — он, видимо, решил, что сказал достаточно, и умолк. Затем он собрался с мыслями и продолжал беззаботно: — Я просто устал. Ночные кошмары — это так утомительно, знаешь ли... — Гермиона захлопала глазами, пытаясь понять его слова.

— Расскажи мне этот сон, — предложила она. К ее удивлению, Драко искоса глянул на нее и слегка улыбнулся.

— О, это было что-то, — с чувством сказал он, снова забираясь в постель и откидываясь там на подушки. — Это был первоклассный ночной кошмар с кровью, раздиранием в клочья огромным острым клювом, заглядыванием в лицо неизбежной смерти и... квиддичем. Ты уверена, что тебе хочется это слышать? — поинтересовался Драко. — Твои мозги могут расплавиться от таких ужасов...

— Серьезно? — Гермиона уселась на кушетку и скрестила руки на груди. — Давай все же попробуем.

— Если ты настаиваешь... — хмыкнул Драко, смакуя каждое слово. — Все началось с меня — блистательного ловца, мастерски преследующего золотой снитч...

* * *

— ...И ты умер? — воскликнула Гермиона.

— Ну, если «быть разорванным на части сумасшедшим гиппогрифом и падать на землю навстречу своей гибели» для тебя просто «умер», то — да, я умер, — отвечал Драко, слегка разочарованный отсутствием реакции со стороны Гермионы.

— Ну, не все так ужасно, — заметила Гермиона, распрямляя затекшие ноги. Она вытянула вперед руки, соединив вместе пальцы. Выражение на лице Драко казалось ей забавным.

— Я был убит! — возмущенно заметил он.

— Вот-вот — и я о том же!..

— Ладно, Грейнджер, смейся над моим горем, сколько хочешь, — сказал Драко, нетерпеливо взмахивая рукой. — Я буду спать. Спокойной ночи, точнее, с добрым утром, — и он упал на подушки.

Гермиона глянула на напольные часы: изящно отделанные стрелки показывали два часа ночи. Она вздохнула, устало пригладила волосы рукой и, немного помолчав, произнесла:

— Ты знаешь, Малфой, когда тебе снится сон о твоей смерти — это плохая примета. Я читала в одной из книг — сейчас не вспомню, в какой — что если ты видишь сон, в котором очень ярко показано, как ты умираешь, то это смертный знак. Что-то преследует тебя — не могу только вспомнить, что именно.

Ответа не последовало. Гермиона придвинулась поближе и увидела, к своему изумлению, что Драко и в самом деле уснул, тихо посапывая под белыми льняными простынями. Его лицо было полускрыто прядями волос, и Гермиона с тихим смешком отметила, что спящий Драко и в самом деле выглядит как купидон. Не маленький амурчик с золотыми крылышками, из тех,

что рисуют на валентинках, но тот шутник и озорник купидон, который, как всем известно, бродит по свету с колчаном, полным острых стрел, и пускает их во все стороны... «Может днем, может быть ночью, вновь стрелу пустит он точно...» — принялась тихонько напевать Гермiona, но оборвала себя на полуслове.

«Что я несу? — подумала она со странной смесью стыда и изумления. — Я говорю Малфоя комплименты. Я сравниваю его с крылатым вестником любви! Видно, мои мозги **действительно** расплавились, когда я слушала рассказ Малфоя о его кошмаре...» Она слегка поежилась. Кошмар... Она была на сто процентов уверена, что он что-то значил. Крик, с которым проснулся Драко — он был слишком ужасен для обычного дурного сна...

Гермиона решила поразмыслить об этом попозже. Она встала и осторожно прокралась через всю комнату к книжному шкафу, где среди тяжелых томов нашла свиток пергамента, баночку чернил и пучок перьев. Гермиона улыбнулась. В облике домового эльфа она никак не смогла бы раздобыть письменные принадлежности, поскольку доступ домовиков к книжному шкафу был закрыт прямым запретом хозяев. Сейчас же ей представился долгожданный шанс. Она взяла пергамент, чернила и перья, перенесла их на ближайший письменный стол, присела и начала писать:

В Отдел розыска пропавших волшебников Министерства магии.

Господа!

Меня зовут Гермiona Грейнджер и меня незаконно удерживают в Поместье Малфоев.

Когда я находилась в Лютном переулке, волшебник по имени Баркель произвел запрещенное проклятье и

превратил меня в домового эльфа. Я была продана с аукциона — в форме, унижающей человеческое достоинство! — Малфоям, которые теперь удерживают меня в заточении.

Я прошу вашего содействия в устранении последствий этого печального инцидента. Это — дело чрезвычайной срочности, так как я хочу восстановить свой привычный облик как можно быстрее.

С нетерпением ожидаю вашего ответа.

С уважением, Гермiona Грейнджер.

Она торопливо подписала послание, свернула пергамент в трубочку и, оглянувшись на по-прежнему спящего Драко, стала подыскивать место, где можно было бы пока припрятать письмо. В конце концов, она сунула его под ковер, решив, что там его никто не найдет. «А когда мне представится возможность, я достану его оттуда и pošлю совиной почтой», — подумала она, возвращая на место чернила, перья и пергамент. Затем она окинула грустным взглядом мирно спящего Драко и подумала озабоченно, не приснится ли тому еще один кошмар. Ей этого бы не хотелось. Не хотелось бы еще раз услышать этот жуткий крик, одна мысль о котором вызывала в ней страх. Не отдавая себе отчета в том, что она делает, Гермiona уселась на краешек постели Драко и со слабой улыбкой стала наблюдать за тем, как в такт его дыханию поднимаются и опадают простыни...

Через несколько часов солнце поднялось из-за горизонта, и его тонкие лучики понеслись во все стороны, разгоняя тьму. Лунный свет растворился и отступил, давая дорогу рассвету.

Глава 9. Убить дракона

С десяток домовиков о чем-то шушукались в столовой для прислуги. Даже в этот предполуденный час там было сумрачно: солнечные лучи с трудом пробивались сквозь крохотные оконца, из-за чего большинство собравшихся казались смущенными и несчастными. Лишь парочка домовиков была преисполнена нетипичного для них энтузиазма. Они отчаянно жестикулировали тоненькими ручками, словно подгоняя свою и без того торопливую речь.

Присутствовали и Топси с Гилли: первая сидела со скорбным и слегка испуганным выражением лица, словно уже длительное время думала о чем-то не слишком приятном. Уши у нее уныло поникли, а бахромы на полотенце, служившем ей одеждой, обтрепалась и свалывалась. У Гилли, напротив, возбужденно горели глаза, он был весь преисполнен надежды и, похоже, давно был готов к подобному разговору. Он сидел и внимательно прислушивался ко всему, что говорили другие эльфы.

А говорили они о Гетти, говорили уже довольно долго. Домовики, которые были в столовой прошлой ночью, все еще находились под впечатлением ее зажигательной речи, тогда как остальные пребывали в сомнениях.

— Эта новая эльфиха — Гетти — сказала сущую правду, — затараторил по-эльфийски один из пожилых домовиков.

— Мы слишком долго пробыли в рабстве... Другие волшебники сейчас уже не обращаются с прислужкой так, как наши хозяева обращаются с нами, — подхватил другой ветеран. Глазами, похожими на блестящие пуговицы, он обвел собеседников, явно ожидая поддержки и откликов.

— Почему Гетти говорит плохо о хозяевах? — жалобно спросила Топси по-английски: рожденная в рабстве, она не так хорошо владела эльфийским. Домовиха озабоченно посмотрела на остальных эльфов, и те заерзали на стульях, задавая себе тот же вопрос. Они-то никогда на такое не осмеливались... Пожилой эльф обернулся и нахмурился, словно испугался собственных мыслей.

— Возможно, Гетти хочет стать свободной, — предположил он, и все присутствующие вздрогнули. — Свобода — это жуткая и прекрасная вещь. Это тяжелая ноша, которая под силу только самым смелым.

— Значит, Гетти — смелая! — воскликнул Гилли, и другие эльфы закивали. Очень, очень смелая, подумали они, но — и очень глупая...

Внезапно двери распахнулись, и в комнату буквально ворвалась Гетти, по виду которой можно было сказать, что она сердится. Впрочем, нет: сердится — это очень мягкое слово. Выражение лица вновь прибывшей потрясло домовиков — оно было пепельно-серым от ярости. Впрочем, ее ярые почитатели воззрились на нее с одобрением, явно предвкушая очередную зажигательную речь.

— Гетти, — неуверенно произнесла Топси, — что случилось?

Гермиона лишь покосилась на нее, но этого было достаточно, чтобы Топси отшатнулась. Прикрыв глаза, Гермiona вздохнула, ощущая себя виноватой в том, что устроила такую мелодраматическую сцену. Но лишь только она мысленно вернулась к утренним событиям, как, помимо своей воли, вновь почувствовала закипающую ярость.

* * *

...Драко проснулся всего через несколько мгновений после рассвета и сел на кровати, жмурясь от яркого солнца. Увидев Гермionу, которая только что превратилась обратно в домовика, он вспомнил события прошедшей ночи, что-то пробормотал себе под нос и вылез из постели. Пошатываясь спросонья, он побрел в сторону ванной, не сказав Гермione ни слова, кроме неразборчивого «Добрутро», и захлопнул за собой дверь.

— Ну, по крайней мере, ты в лучшем настроении, чем ночью... — пробормотала Гермiona. Затем в ней проснулись инстинкты домового эльфа, и она приступила

к своим обязанностям: застелила хозяйскую кровать, сложила простыни и расположила в идеальном порядке подушки, тщательно разглаживая все складки, которые могли бы нарушить безупречную картину, получающуюся в результате ее трудов.

Когда Гермиона отступила назад, чтобы в последний раз оценить дело рук своих, взгляд случайно упал на висевший на противоположной стене комнаты календарь, картинка на котором, по обычаю волшебного мира, двигались и жили своей особой жизнью. Сегодняшняя дата сияла золотом в окружении соседних, набранных обыкновенным черным шрифтом, и, увидев ее, Гермиона в изумлении открыла рот. Через пару секунд она пришла в себя и перевела взгляд на дверь ванной, терпеливо ожидая, когда оттуда выйдет Драко.

Когда Драко, наконец, появился, слова, рвущиеся из Гермионы все время, пока она его ждала, вдруг застряли в горле. Возможно, дело было в его костюме — белом с добавлением разных оттенков серого и сверкающими серебряными блестками. Учитывая количество **черного** в его гардеробе, такой наряд был весьма и весьма необычен. На взгляд Гермионы, он выглядел потрясающе и в то же время изысканно скромно, и похоже, именно этого эффекта слизеринец и стремился достичь. Но больше всего ее поразило выражение его лица.

— Ты что-то тихая сегодня, — с улыбкой заметил Драко, мельком глянув на Гермиону, и бросил полотенце в корзину. Улыбка пропала, пока он возился с воротником рубашки, но вновь появилась на его губах, когда он взглянул на себя в зеркало. — Я ждал, что ты поднимешь шум по поводу того, что тебе, словно бесправной рабыне, приходится застилать мою постель. Ты что, не собираешься ругать меня за то, что я ужасно жесток и бессердечен?..

Гермиона не нашлась, что ответить. «А он милый, — неожиданно для самой себя подумала она, искоса разглядывая Драко. — И так непохож на того высокомерного и надменного Малфоя, которого я знала раньше». Впрочем, напомнила себе Гермиона, прежде ей никогда не приходилось встречаться с Драко, так сказать, в домашней обстановке. И тот, кто стоял перед ней сейчас, нравился ей гораздо больше, подумала она, передернувшись по старой привычке от непривычности сочетания слов «Драко» и «нравится». Гермиона решила воспользоваться его хорошим настроением и высказать свою просьбу:

— Сегодня 31 июля...

— Правда? — лучезарно улыбнулся в ответ Драко. — Ты тоже заметила? Поздравляю! И что же такого особенного в этой дате?

Гермиона откашлялась и продолжила:

— Сегодня день рождения Гарри, — сказала она. — Может, ты разрешишь мне послать ему открытку или письмо... с добрыми пожеланиями...

Голос Гермионы затих, когда она увидела выражение лица Драко. Секунду назад добродушное, теперь оно покраснело, словно от пощечины, и искривилось в неприятной гримасе, веселый еще мгновение назад взгляд помрачнел и потускнел. Столь резкая перемена напугала Гермиону. Судя по всему, ничего хорошего от Драко сейчас ожидать не стоило...

— О-о-о, ясно: ты хочешь поздравить с днем рождения нашего дорогого шрамоноса! — издевательским тоном произнес он. — Поздравление герою от маленькой преданной поклонницы. Как трогательно!.. Что предпочитаешь — просто розовую открыточку или, скажем, надушенный пергамент? Да, и не забудь про чернила цвета крови — ими очень хорошо рисовать сердечки!..

Шокированная подобным выпадом, Гермиона подняла изумленный взгляд, чувствуя, как крохотные кулачки сжимаются сами собой.

— Что ты несешь?! — она с трудом сдержала гнев. — Я хочу послать поздравление с днем рождения, а не валентинку! Да что с тобой, в самом деле?!

Драко закатил глаза в деланном сочувствии.

— А, не обращай внимания. По крайней мере, я не перевожу пергамент и чернила на глупые любовные

писульки. И тебе не советую. Разве ты не в курсе, что Поттер уже давно путается с этой конопатой Уизли. Она везде и всюду таскается за ним, так что для тебя места рядом с Мальчиком-Который-Выжил уже нет...

— Знаешь, Малфой, — не помня себя от гнева, взвизгнула Гермиона. — Теперь я понимаю, почему все тебе ненавидят. Ты просто **презренная низкая тварь!** — и она пулей вылетела из спальни, с грохотом захлопнув за собой дверь.

В течение нескольких минут взбешенная Гермиона суматошно металась по громадным залам Поместья, сметая все на своем пути. Наконец, она выдохлась и остановилась перевести дух, вновь и вновь прокручивая в памяти спор с Драко. Она ведь ничего плохого не замышляла — всего лишь поздравить Гарри с днем рождения, послать ему что-нибудь беззаботное и приятное, чтобы, пусть всего на несколько минут, отвлечь его мысли от жутких родственников, в доме которых он проводил лето. Она не собиралась расстраивать Гарри рассказом о своих нынешних злоключениях (если уж быть совсем честной, Гермиона решила отправить свое письмо в Министерство магии с той же совой, которую рассчитывала выпросить у Драко для отправки открытки Гарри). Однако попытка воспользоваться хорошим настроением Малфоя не увенчалась успехом... И главное — Гермиона не могла понять, почему он так на нее накинудся. «Ведь все было так хорошо, — подумала она. — Малфой даже начал мне нравиться... Но стоило только упомянуть Гарри...»

Стоило только упомянуть Гарри... Конечно, в этом-то все и дело, гневно подумала Гермиона, пиная подвернувшийся под ногу коврик. Как всегда, все дело в Гарри. Она тяжело вздохнула и отправилась в столовую для домовиков, где рассчитывала обрести утешение...

* * *

И вот Гермиона очутилась в столовой, где со всех сторон на нее воззрились любопытные глаза.

— Гетти, что-то случилось? — спросила Топси.

«Случилось, — мысленно ответила Гермиона. — И не «что-то», а всё сразу». Но она выдавила из себя слабую улыбку и вслух произнесла:

— Да нет, все нормально. Я могу чем-то помочь? — она надеялась, что тяжелый труд отвлечет от воспоминаний о кошмарном разговоре с Драко.

— Ну... — произнесла Топси, покусывая нижнюю губу. — Хозяин Драко обычно завтракает у себя примерно в это время; он предпочитает чай...

Но Гермиона не услышала, какой чай он предпочитает. При упоминании этого имени она зарычала и вылетела из столовой так же стремительно, как ворвалась в нее.

— Э-э-э... — только и смогла произнести Топси. Остальные эльфы лишь вытаращили глаза, утратив дар речи.

* * *

Чуть поодаль от дома Малфоев, у леса, стоящего на границе Поместья, располагался великолепно ухоженный Фигурный сад — предмет особой гордости всей семьи. Целая команда садовников трудилась днем и ночью, чтобы сад всегда был «на уровне». Они тщательно ухаживали за фигурно подстриженными деревьями и кустами, постоянно поддерживая идеальную форму. Дорожки всегда были выровнены и посыпаны песочком, беседки с розовыми кустами выглядели великолепно, а лабиринт живых изгородей украсил бы любой музей... Словом, Малфои крайне гордились садом, в самом сердце которого Гермиона в данный момент была занята тем, что терзала небольшое деревце, подстриженное в виде павлина. Когда она, наконец, успокоилась, ее жертва напоминала все, что угодно, — только не павлина. Скорее — жалкую кучу листьев и веток. Гермиона перевела дыхание, с удивленным удовлетворением рассматривая дело рук своих.

«Будь он проклят, — уже без особого гнева подумала Гермиона, для порядка дотаптывая еще несколько веточек, которые случайно уцелели во время экзекуции. — Будь он проклят самыми ужасными проклятиями — включая те, которые еще пока не изобрели...»

На небе между тем появились первые признаки приближающейся грозы. Тучи висели над землей серебряным покрывалом, цвет которого напоминал глаза Драко, отметила Гермиона. Она обхватила руками колени и тихо всхлипнула, потом поднялась и пару раз пнула ногой ствол бывшего павлина. И тут же замерла, прижавшись к дереву — она услышала голоса: поначалу невнятные, но уже через несколько мгновений чуткие эльфийские уши смогли разобрать слова.

— Значит, через этот вход **оно** попадет на территорию Поместья? — спросил слегка охрипший мужской голос.

— Именно. Как видите, лаз довольно надежно скрыт. Как жаль, что мы не нашли его раньше, — ответил другой мужчина. — Наш первый посланец решил пробраться через дымоход — и посмотрите, **что** от него осталась...

— Аккуратная кучка пепла, — с холодной усмешкой произнес первый собеседник. — На что, вы говорили, он напоролся?

— На вмонтированное в камин проклятие **Инферно**, — голос говорившего дрогнул. — Сгорел, как мотылек в пламени свечи, — при этих словах вздрогнула и

Гермиона, вспомнив, как вытаскивала с другими домовиками из камина обугленный труп.

— И что — вы собираетесь опять послать кого-то из этих так называемых «профессионалов»? — произнес хриплый голос с оттенком легкого пренебрежения.

— Вы же знаете, теперь мы отправим в Поместье не человека, — пробормотал второй собеседник слегка сконфужено. — Этот... это **существо** не промахнется. Оно — подлинный эксперт по убийствам. Ошибки быть не может. Люциус Малфой получит то, что заслужил, и абсолютно никто не догадается, что за этим стоите вы... мы...

— Отлично. То, что мне и надо. Значит, через три ночи с малфоевским щенком будет покончено, — обладатель хриплого голоса угрожающе хмыкнул. — то-то Люциус обрадуется смерти своего сыночка и наследника... — от этих слов Гермиона обмерла. — Ладно, пойдем отсюда, — послышался шорох раздвигаемых кустов. — Кажется, дождь собирается, — и через несколько мгновений два голоса затихли, удаляясь в сторону леса.

Повисла пауза, густая и плотная как кондитерский крем. Возбужденная Гермиона не обратила внимания ни на свистящий в кронах деревьев ветер — предвестник грозы, ни на отдаленные раскаты грома, ни на зарницы, сверкающие на горизонте. После секундного размышления она бросилась бежать к дому.

Глава 10. Перед грозой

Драко метался по комнате и только что не рвал на голове волосы в полнейшем расстройстве чувств. Он был зол и раздражен, и никак не мог понять, что является тому причиной. Единственное, в чем был уверен Драко, — он злится на Гермиону, а она злится на него. Они вернулись к своим прежним взаимоотношениям — к **ненависти**. Все приятные мысли и дружелюбные слова, которые они могли бы подумать или сказать друг другу, в одночасье канули в небытие при упоминании одного-единственного имени: **Гарри Поттер**.

«Она что, постоянно думает о нем? — хмуро думал Драко, и лицо его становилось все мрачнее и мрачнее. — Он, наверное, засел у нее в мозгах так же, как у меня в печенках... Неужели она видит Поттера в своих снах, неужели помогает ему с домашними заданиями и по хозяйству, застилает его постель, сидит рядом с ним и терпеливо выслушивает истории о мучающих его глупых кошмарах?! — Драко сделал паузу и продолжил со вздохом: — Наверняка она все это делает для своего Поттера...» — он уселся на кушетку у окна и вперил яростный взор в потемневшее небо, которое содрогалось в голубых разрядах надвигающейся летней грозы.

А ведь день начинался так чудесно. Он проснулся под впечатлением приснившегося ему перед рассветом странного, но приятного сна, в котором милашка Грейнджер своим чистым и ясным голоском отвечала на вопросы по арифмантике еще до того, как преподавательница успевала их закончить. Солнце тоже как-то особому светило в окно. Все было просто чудесно...

Драко решил одеться в белое — в чудную мантию, которую мать подарила ему на прошлое Рождество и которую он с тех пор одевал всего пару раз. Говоря по правде, Драко даже не был уверен, что найдет эту мантию в гардеробе — месяца два назад в приступе хандры он едва не спалил ее в своем камине. Но он все же откопал в шкафу эту мантию и надел ее — черный цвет, решил Драко, не подходит к прекрасному дню, когда все кажется таким свежим, живым и приятным. Постель застелена, завтрак и чай ждут его внизу, а после завтрака он, наверное, разомнется в квиддич или проедется верхом по просторам Поместья... Восхитительный день, решил для себя Драко...

А теперь вся прекрасность и восхитительность испарились из-за Поттера. Почему день, в который Драко чувствовал себя таким счастливым, должен был оказаться именно тем днем, когда на свет появился его злейший

враг. «Мир жесток, а его чувство юмора чернее самой темной ночи», — с горечью отметил Драко, вновь уставившись в мокрое серое небо.

Раздался стук. Драко покосился в сторону двери, мысленно пожелав, чтобы стоящий за ней испарился. Подумав, он решил для верности выразить свое желание в явной форме и крикнул:

— **Убирайся!** — но, к его раздражению, дверь распахнулась, и на пороге показалась Пенси Паркинсон. Она прислонилась к косяку, на надутых розовых губках играла соблазнительная улыбка.

Гнев, в котором пребывал Драко, на миг сменился изумлением при виде Пенси, точнее, ее наряда. Она никогда не отличалась хорошим вкусом, напомнил себе Драко, только этим можно было объяснить ее наряд: длинная черная юбка с разрезом почти от самой талии, обтягивающая розовая блузка, ажурные чулочки и широкий пояс с блестками. В ярко-розовых — под цвет помады — волосах мелькало несколько светлых и темно-красных прядей... Драко пришло в голову, что с волосами такого цвета Пенси можно было бы сразу найти даже в толпе, собравшейся на чемпионат мира по квиддичу.

— А, — буркнул Драко, стараясь сохранить спокойствие. — Это ты?

— Да, это я, — пропела Пенси, вplyвая — не входя, а именно вplyвая — в комнату. Накрашенные губки расплылись в адресованной Драко улыбочке, а взгляд изпод полуопущенных ресниц, казалось, стремился его загипнотизировать. К неудовольствию Драко, она решила сесть прямо возле него. — Драко, дорогой, — проворковала Пенси, — у меня есть для тебя приятный сюрприз.

«После того, как я увидел тебя **в таком** прикиде, еще одного сюрприза я могу не пережить...» — мрачно подумал Драко, но вслух произнес только:

— В самом деле? Ну, рассказывай.

Пенси хихикнула и игриво цапнула Драко за руку своими наманикюрными ноготками.

— Наши предки отвалили, — страстно прошептала она ему прямо в ухо. — Поехали в город, прошвырнуться по магазинам. Мы остались здесь **совершенно одни**, — последние два слова Пенси произнесла с особым мечтательным выражением. — Только ты и я на все огромное поместье, в котором так много уютных спаленок...

«...И так много домовых эльфов, которые в любой момент могут зайти в любую из них...» — мысленно продолжил фразу Драко. Он нервно заерзал и попытался отодвинуться от Пенси, но та с самым решительным выражением лица так и льнула к нему.

— Только ты и я, Драко, любовь моя, — промурлыкала она. — Подумай, как замечательно мы можем провести время...

— Да, не сыграть ли нам в шахматы? — с деланным безразличием предложил Драко, предпринимая еще одну попытку отодвинуться. — Или пойдем, послушаем заколдованное пианино, которое играет в Музыкальной гостиной. А может, сходим в библиотеку — скоро начнутся занятия, и стоило бы...

— Нет, у меня есть идея *лучше*... — произнесла Пенси, преодолевая финальным рывком разделявшее их расстояние, и запечатлела на губах ошеломленного Драко горячий влажный поцелуй. Он попытался оттолкнуть девушку, но та пихнула Драко на кровать, продолжая покрывать поцелуями его лицо.

— Пенси, отвали!.. — простонал Драко с омерзением. — Послушай, мы уже говорили об этом, и не один раз...

— Но, Драко, — Пенси выглядела уязвленной, — ты *прекрасно знаешь*, что рано или поздно мы поженимся — когда станем взрослее. Этого хотят наши родители. Именно поэтому я приезжаю сюда каждое лето — чтобы мы могли познакомиться поближе.

«Да я и так знаю тебя всю свою жизнь, — подумал Драко, с презрением глядя на нее. — Потому-то меня так тошнит от одного твоего вида». Он со вздохом оттолкнул Пенси, бормоча ругательства себе под нос, но едва ему удалось подняться на ноги, как Пенси с насальной улыбкой на лице ухватила его за руку и снова крутанула в сторону кровати. Драко хрюкнул и упал на аккуратно сложенные Гермионой простыни и тщательно составленные подушки.

— Послушай, Пенси, давай начистоту...

— Не будь таким нудным, Драко, — со смешком произнесла Пенси, вспрыгивая на кровать и приземляясь аккуратно на груди парня. Драко почувствовал, как воздух покидает его легкие. — Просто *помолчи*, — продолжала она, приложив палец к его губам. — Не говори ни слова, я все сделаю сама.

— Пенси, послушай — м-м-м... — она с силой прижала к его губам свои, и Драко едва не задохнулся, когда ее язык начал исследовать глубины его рта. Он закашлялся, попытался отпихнуть Пенси, но его руки были плотно придавлены весом ее тела, и он не мог помешать ей расстегнуть его рубашку и ослабить ремень на брюках. Он попытался достать из-под подушки волшебную палочку, как вдруг — **БА-БАХ**...

Дверь с грохотом распахнулась. На пороге стояла Гермиона, в ужасе глядя на открывающееся перед ней зрелище.

* * *

Гермиона неслась к дому со всей скоростью, на которую были способны ножки домового эльфа. Ее гнал ужас и опасность, угрожающая хозяину. Все инстинкты верного слуги вопили: быстрее, найди его, убедись, что он в безопасности, отведи от него то страшное, что охотится за ним...

Гермиона замерла, как вкопанная. «А мое какое дело? — подумала она, почти смеясь. — Какое мое дело до печальной судьбы, ожидающей Драко Малфоя? Во всем этом виноват Люциус — из-за его махинаций собираются убить его собственного сына, но это его про-

блема — не моя». Гермиона неуверенно покусала губу, размышляя, не следует ли ей предоставить событиям развиваться своим чередом... Дела Люциуса Малфоя ее не касались — это точно. Но она просто не могла оставить Драко *умирать*. Он был прав насчет гриффиндорских принципов — они действительно определяли практически все стороны ее жизни. Гермиона проглотила свою гордость и злость на Драко, и решительно направилась к его комнате. Ей до боли хотелось предупредить его, и она надеялась, что успеет сделать что-нибудь прежде, чем случится ужасное.

Гермиона не постучала — сейчас было не до приличий. Дверь распахнулась, и с ее губ уже сорвалось обеспокоенное: «Малфой...», но остальные слова застряли у нее в горле. Увиденное заставило ее широко распахнуть глаза и замереть. Сердце в груди тоже остановилось.

Драко Малфой был весь потный и взъерошенный, его обычно прилизанные волосы растрепались и шелковистыми влажными прядками свисали со лба. Все лицо его было покрыто следами ядовито-красной помады, щеки покраснелись, а рубашка была наполовину расстегнута, обнажая так же покрасневшую грудь... на которой покоилась рука Пенси Паркинсон. Гермиона перевела глаза вдоль этой руки и увидела обнаженное плечо Пенси и отсутствие какой-либо ткани, прикрывавшей ее спину. Волосы Пенси тоже сбились и висели вдоль щек, как собачьи уши. Все лицо — губы, щеки, подбородок — было вымазано ярко-красной помадой того же оттенка, что и отпечатки на лице Драко.

Гермиона почувствовала, как в сердце что-то разбилось стихим хрустальным звоном. Она и Драко с одинаковым ужасом смотрели друг на друга в тишине, шуршащей в комнате, как осенние листья. Гермиона первой нарушила молчание.

— Ты!.. — выдохнула она.

— Грейн... то есть Гетти, это совсем не то, что ты думаешь... — отпихнув от себя Пенси, Драко тут же вскочил на ноги, в умоляющем жесте простирая руки к Гермионе. Только тут он увидел, что на нем... нет брюк: похоже, Пенси удалось их стащить, и они теперь валялись на полу — рядом с ее розовой блузкой.

— Ты... ты... — Гермиона с трудом выговаривала слова. — Ты... — она припечатала Малфоя непечатным ругательством, от которого воздух посинел, как от молнии в грозу. — Ты просто *козел*, Малфой! — прорычала она и вылетела из комнаты, захлопнув за собой дверь, что, впрочем, не преградило дорогу яростным воплям. Они еще некоторое время доносились до Драко и Пенси.

Наконец, все затихло, и Драко попытался собраться с мыслями, но Пенси не дала ему сосредоточиться.

— Так-так. Это было странное и непрошеное вмешательство, — она послала ему очередную соблазнительную улыбочку. — Идешь, дорогой?

Драко посмотрел на закрытую дверь. Вся его злость к этой Грейнджер вернулась к нему опять, глаза потемнели, когда он вспомнил ее резкие слова, яростные взгляды и привязанность к этому уроду Поттеру. Лицо Малфоя исказило выражение боли, разум вскипел от ядовитых горьких мыслей, наполняя его вены жутким черным ядом, в котором не было ничего, кроме *ненависти, ненависти* и еще раз **НЕ-НА-ВИС-ТИ!!!**

— А почему бы и нет? — мрачно буркнул он и устроился на постели рядом с Пенси.

Пенси хищно оскалилась, и ее зубы сверкнули белой молнией. Как и положено после молнии, через мгновение за окном громыхнуло, и с неба на землю обрушились потоки холодного дождя, как будто тучи в ярости торопились скинуть на землю свой тяжкий груз...

Глава 11. Тщетная предосторожность

Небо полыхнуло тысячью фотовспышек, следом за молнией загрохотал гром. Казалось, что это рыдают небеса. Но нет, им, истекающим дождем, не было ника-

кого дела до крохотной взъерошенной эльфихи, которая, не разбирая дороги, неслась по лужам и грязи.

Гермиона, вне всякого сомнения, была очень и очень расстроена. Соревнуясь с ливнем, слезы ручьями лились

по ее щекам и падали, присоединяясь к каплям, текущим по ее шее. Она насквозь промокла и, дрожа, неслась сквозь дождь, словно именно он был причиной всех ее мучений. Хотя, на самом деле, эта причина сейчас находилась в доме, раскинувшись на шелковистых простынях рядом с пылающим камином, в тепле и уюте...

С ней...

В порыве отчаяния Гермиона вылетела из дома Малфоев под дождь, от ярости едва не ослепнув и буквально теряя рассудок. И теперь, спрятавшись в глубины сознания, разум с иронией наблюдал за ее поведением.

«Мокнешь под дождем, — с чувством подумала Гермиона. — Из-за **него**? Ты что, не знаешь, что он может подцепить себе любую девицу — какую только пожелает? Ну и что? Мне до этого нет никакого — абсолютно **никакого** — дела... — Гермиона остановилась, чтобы хорошенько обдумать эту мысль, но без особого успеха. — Пойду-ка я, пожалуй, в дом», — и она решительно направилась к огромным дубовым дверям: в данный момент ничего более разумного ей в голову не пришло.

Гермиона прошагала по блистательным и в то же время ужасно скучным безлюдным коридорам в сторону кухни, где несколько домовых эльфов позволили себе редкое удовольствие расслабиться за игрой в «гномы кости». Плиты были потушены, духовки казались дремлющими черными лягушками. Огромный особняк словно погрузился в спячку.

Гермиона без излишних церемоний уселась рядом с Топси, которая полировала ложки.

— Привет, Гетти, — прощептала Топси и тут же открыла рот в изумлении: — Ты же насквозь мокрая! Тебе надо переодеться, — и звякнув ложками, она кинулась в глубину кухни.

Гермиона со вздохом подняла одну из только что отполированных ложек и увидела на серебряной поверхности свое выпуклое отражение с огромными зелеными в крапинку глазами, полными грусти. К краям ложки отражение расплывалось, однако нахмуренные брови были видны четко. В мозгу Гермионы одна за другой сменялись причудливые мысли. «Не то, чтобы я была такая уж красивая, — была первой из них. Девушка наклонила голову, словно признавая свое поражение. — Она определенно симпатичнее, к тому же богата... — эту мысль сменила следующая: — Интересно, а она когда-нибудь видела его спящим?... Она когда-нибудь говорила, как к лицу ему белый цвет?... — взгляд у отражения стал сердитым: — Она когда-нибудь слушала его кошмарные сны, она называла его «Малфой», рвала его занавески, бросала его книги в фонтан, штопала его порванные мантии?... Интересно...»

— Гетти, — прощептала Топси, и Гермиона отвлеклась от своих мыслей. — Вот тебе сухая одежда, — она протянула аккуратно сложенную наволочку с видом, будто вручала королеве флаг Содружества, и водрузила на стол кружку с дымящимся чаем. Гермиона безучастно взглянула на скромное подношение, но, опомнившись, выдавила из себя слабую улыбку и осторожно взяла горячую кружку.

— Спасибо, — прощептала она, прежде чем сделать глоток.

Топси с сомнением взглянула на Гермиону, нахмурилась брови.

— Почему Гетти стояла под дождем? Что случилось? — спросила она, осторожно подбирая слова, словно пробираясь через минное поле.

Гермиона ответила усталым вздохом. Она чувствовала, как в уголках ее глаз собираются слезы. Если их не остановить, они прольются бурным потоком.

— Ничего не случилось. Я... — она затаила дыхание, а затем продолжила наспех сочиненной ложью: — Мне так приказали. Я... Я была наказана хозяином... хозяином Драко, — при последних словах Гермиона внутренне содрогнулась. Чтобы унять дрожь, она сделала большой глоток чая.

— Ох! — озабоченно выдохнула Топси. — Что случилось? Что сделала Гетти? Почему расстроился хозяин Драко?..

Последние слова переполнили чашу терпения Гермионы. Она ударила кружкой об стол.

— Почему **все время** только Драко и Драко? — воскликнула она, вскакивая и с грохотом роняя на пол табуретку. — Все беспокоятся только **о нем!** Почему никого не волнует, что **чувствую я?**! — в ее голосе зазвенели истеричные нотки и, судорожно всхлипнув, Гермиона разразилась слезами.

Потрясенные домовые эльфы смотрели на нее во все глаза.

— Гетти, подружка, перестань, пожалуйста... Ну, ну, не надо, — перепуганная Топси неловко потрепала Гермиону по плечу и повела ее в дальний угол кухни — за шкафы. Оставшиеся домовики переглянулись и завязали оживленную дискуссию.

— У Гетти тоже есть **свои желания!** — потрясенно прощептал Гилли. — Мы никогда раньше не задумывались о том, чего **мы хотим**...

Эта фраза прокатилась вдоль стола, постепенно увеличивая громкость и страстность, словно бурный водный поток. **У Гетти есть свои желания.** Охваченные энтузиазмом домовики, сами не замечая того, перешли важный рубеж Великой эльфийской революции.

* * *

Топси терпеливо ждала, пока Гермиона выплачется, время от времени подавая платок или успокаивающе поглаживая по спине, когда возникала такая потребность. Когда слез больше не осталось, она, запинаясь, спросила:

— Гетти теперь в порядке?

Гермиона высморкалась и кивнула, сжимая в руках насквозь промокший платок.

— Да... Кажется, я в порядке...

Топси посмотрела на нее с жалостью, огромные глаза светились заботой.

— Ну, ну, не плачь, — прощептала она. — В этом нет вины Гетти. Я знаю — Гетти не заслуживала наказания.

— Меня не наказывали, — произнесла Гермиона, не поднимая головы.

— Тогда что...

— Я стояла под дождем, потому что разозлилась, — бесцветным голосом призналась Гермиона. — Я... мы... мы с Драко поругались, — при этих словах Топси ахнула и в ужасе зажала рот своими крохотными ручками. — Да нет, мы ругались и раньше, дело не в этом... — Гермиона замялась на мгновение и продолжила: — Ах, Топси, ну почему она здесь? Объясни мне, ради всего святого, что она тут делает?!

— Э-э-э... — Топси не сразу нашла нужные слова. — Ну, мисс Паркинсон — подруга хозяина Драко, — услышав это, Гермиона скрестила руки на груди и поджала губы, превратив их в тонкую линию а-ля профессор Макгонагалл. — Мисс Паркинсон приезжает сюда каждое лето, — продолжала Топси, — и остается до начала учебного года... А потом, когда они вырастут, мисс Паркинсон и хозяин Драко станут владельцами Поместья, так что мы должны служить мисс Паркинсон, как будто она член семьи хозяев.

— **Владельцами** Поместья? — переспросила потрясенная Гермиона. — Ты хочешь сказать, что они... Драко и Пенси... — она свирепо взглянула на Топси и закончила: — Они должны **пожениться?**

— Конечно, — ответила Топси, как будто речь шла о самых обыденных вещах. — Мисс Паркинсон и хозяин Драко обручены с самого рождения.

— Что?.. Как?!

— Их обручили родители, — пояснила Топси и удивленно посмотрела на Гермиону. — Гетти не знала этого?

— Я... я думала, они просто... — Гермиона глубоко вздохнула. — Ты хочешь сказать, что они помолвлены **с рождения?!**

Топси медленно и почти величественно кивнула.

— Таков обычай в знатных семьях.

Гермиона закрыла лицо руками. «Вот ведь бред-то какой! — подумала она, не зная, плакать или смеяться. — Ну и дура же я!.. Конечно, это не началось на Святочном балу... Это тянется со дня его рождения — а может, еще раньше...» Мысль о Драко, судьба которого находится в чужих руках, как нити марионетки, тяжелым грузом опустилась ей на плечи, и Гермиона содрогнулась от жуткого ощущения. Наступившую многозначительную паузу прервала Топси:

— Гетти, подружка...

— Что, Топси? — Гермиона с трудом подняла голову.

Эльфиха в сомнении пожевала нижнюю губу, потом пошаркала ножкой и, наконец, решила:

— Гетти... Э-э-э, Гетти что — *привязалась* к хозяину Драко?..

Такого вопроса Гермиона не ожидала. В устах другого домовика он звучал довольно странно, тем более, если учесть, что последние пару дней Гермиона задавала его сама себе, боясь услышать ответ. Она медленно поднялась.

— Мне нужно идти, — с этими словами она взяла сухую наволочку и зашла за шкаф, чтобы переодеться.

— Гетти, все в порядке? — спросила Топси.

Гермиона пошла к выходу, даже не взглянув на подругу и произнеся на ходу, скорее себе самой, чем Топси:

— Теперь я понимаю... У него просто нет выбора — он должен быть с ней... Но это не значит, что он должен **умереть!** — и, не обращая внимания на крики потрясенной Топси, она бросилась к выходу. Если бы она обратила хоть чуточку внимания на то, что происходит вокруг, то увидела бы, что все домовики, находившиеся в кухне, разразились бурными аплодисментами, приветствуя ее своим новым лозунгом: «У нас тоже есть **свои желания!**»

* * *

«Черт бы побрал все эти пуговицы», — раздраженно подумал Драко, застегивая смявшуюся рубашку. Его раздражало их количество, их блеск и то, что все они были украшены фамильным гербом Малфоев. Он покосился на свое отражение в зеркале и перехватил взгляд Пенси. Драко тяжело вздохнул.

— Что это ты делаешь? — пропела Пенси сладеньким голоском, в котором, несмотря на все старания, ей не удалось полностью заглушить нотки злости и раздражения.

— Одеваюсь, — буркнул Драко. — Тебе не понять, ты никогда не умела это правильно делать.

Пенси натянуто рассмеялась.

Глава 12. Кукловод

У подножия холма, на котором возвышалось Помесье Малфоев, в окружении сосновых лесов уютно раскинулась изумрудно-зеленая долина. Незадолго до того, как произошли описанные в предыдущей главе драматические события, через эту долину в близлежащий городок проехала зловеще-черная карета эбенового дерева, в которой восседало старшее поколение семей Малфоев и Паркинсонов.

Экипаж уныло тащился по брусчатке извилистых улочек, провожаемый кинжально-острыми взглядами местных жителей. Малфоев в городке не любили: им принадлежала земля, на которой стояли дома горожан, и именно Малфои обеспечивали работой и средствами к существованию большинство жителей. За это горожане платили землевладельцам ежемесячную дань. Недовольные ворчали, но большей активности не проявляли. Впервые, многим нравилась величественная тень богатства и знатности, отбрасываемая на них Помесьем с вершины холма. А во-вторых... «Те, кому не нравится ставка налога, — заявил Люциус Малфой памятным утром несколько лет назад, — могут поднять руки и сказать: «Я готов подвергнуться адским мучениям и сделать

— И куда же это ты собрался?»

Драко не удостоил ее взглядом. Его лицо и голос оставались бесстрастными.

— В башню. И я не знаю, когда вернусь.

Теперь Пенси посмотрела на него без тени улыбки. Она прекрасно знала, что разные места Помесья соответствовали разным настроениям Драко. Если, к примеру, он говорил, что идет в библиотеку — это свидетельствовало о том, что ему нужно поразмыслить. Площадка для квиддича или загон для верховой езды означали, что он бежит от чего-то. Подземелья — одно из двух: или Драко наказан, или он сам наказывает кого-то... Башня же означала уединение.

Пенси извлекла сигарету и зажгла ее волшебной палочкой.

— Ну и вали, — раздраженно фыркнула она.

Драко поправил рубашку, пригладил волосы и глянул в зеркало, чтобы убедиться, что на лице не осталось следов помады. Удовлетворенно кивнув своему отражению, он заключил: «Я выгляжу ужасно и в то же время безумно привлекательно. Иногда я сам не могу понять, как это у меня получается...» Драко повернулся и величественно направился к двери. И... споткнулся, зацепившись ботинком за коврик.

— Может, тебе не стоит идти в башню? — ухмыльнулась Пенси. — Ты разобьешься на третьей ступеньке.

— Пенси, помолчи, — проворчал Драко. Пробурчав под нос несколько изысканных ругательств, он попытался встать, заметив в этот момент краем глаза клочок пергамента. С мрачной гримасой он отпихнул в сторону несчастный коврик, под которым обнаружили залежи пыли... и свернутое трубочкой писмецо.

Драко встал и развернул пергамент. Почерк, несомненно, принадлежал Гермионе — он хорошо его знал, заглядывая время от времени в ее тетради. Драко пробежал строчку за строчкой, и с каждым прочитанным словом его взгляд темнел. Лицо застыло, рука с силой сжимала послание, но Драко не произнес ни звука и не сдвинулся с места. Он закончил чтение, ничем не выдав своих чувств.

Пенси сидела на кровати, держа сигарету тонкими пальцами. Она взглянула на Драко.

— Что это?

Если бы мысли Драко не были заняты другим, он обязательно сделал бы Пенси замечание: мало того, что от сигаретного дыма в спальне уже дышать нечем, так она еще и стряхивает пепел на покрывало... Но он сказал лишь странным голосом, сминая в кулаке пергамент:

— Ничего... — и добавил тихо и зловеще: — Кое-кому придется очень, **очень** сильно кое о чем пожалеть...

всю свою недолгую оставшуюся жизнь совершенно невыносимой...» Желаящих, понятное дело, не нашлось.

В целом, однако, в городке жилось не так уж плохо. Ухоженные, средневековые на вид домики, журчащий на городской площади фонтан с кристально-чистой водой, текущей из бронзовой фигуры кентавра, усаженные по обочинам цветами улочки. Пахло свежим хлебом и Улетальным порошком. Городок казался бы нарисованным на волшебной картинке, если бы не злые взгляды из-за наполовину закрытых ставнями окон и редкие крики: «Малфои, мы вас ненавидим!»

— Как бы эти нищие не затеяли бунт — бессмысленный и беспощадный... — хихикнула Нарцисса Малфой, сидевшая в глубине кареты.

Экипаж бесшумно подкатил к ничем не примечательной таверне, Люциус Малфой вышел наружу и глянул на висевшую на здании вывеску, гласившую: «Рюмочная Огдена — лучший сидр из Ирландии». И вывеска, и дом выглядели одинаково скучно и серо, и только увитые плющом стены слегка украшали пейзаж.

— Отличное местечко, — сказал Люциус мистеру Паркинсону, который плелся за ним с видом одновре-

менно скорбным и возбужденным. — Мы можем обсудить здесь все наши проблемы.

* * *

— У нас есть **комната** наверху, сэр, — сказал Люциусу хозяин таверны, провожая двоих мужчин к лестнице.

Две минуты спустя мистер Паркинсон с недовольным видом осматривал крохотную комнатку с затянутыми паутиной стенами. Скучные лучи солнца с трудом пробивались через единственное пыльное оконце. Обстановку составляли потертый ковер, пара самых обыкновенных стульев и обшарпанный стол. Комната казалась тихой и безобидной, но мистер Паркинсон знал, что ее стены пронизаны звукоизолирующими чарами, а дверь заблокирована старинным защитным заклятьем. Он поудобнее уселся и заговорил:

— Что вы хотели обсудить?

— Труп в камине, болван! — огрызнулся Люциус. — Иначе чего ради я бы потащил в такую даль вас, вашу жену, да и Нарциссу, кстати, тоже, — Люциус тоже сел и налил в кубок вина. — Уж конечно, не для того, чтобы насладиться вашим обществом...

— Да?.. А я думал, мы просто заглянули в ближайшее питейное заведение, чтобы пропустить пару стаканчиков, пока Нарцисса и Афина транжирят весь месячный доход и вашей, и моей семьи, пуская пыль друг другу в глаза, — Паркинсон продолжил, не давая собеседнику перебить себя: — Не знаю, Люциус... Может, этот труп — всего-навсего заблудившийся Санта-Клаус? — нервный смешок.

— Дурацкая шутка. Попробуйте-ка еще раз, и по-серьезнее.

— А почему мы обсуждаем это здесь? — поинтересовался мистер Паркинсон, осененный внезапной догадкой. — Разве Поместье недостаточно безопасное место для этого?

— **Нет!** — не вызывающим сомнений тоном отвечал Люциус. — В Поместье, как оказалось, легко может проникнуть злоумышленник, и возможно, кто-то следит за нами там. В городе безопаснее.

«Да? А как же горожане, которые открыто заявляют о своей ненависти к Малфоям? — подумал мистер Паркинсон. — Вот она, печальная усмешка судьбы: уже и Люциус перестал чувствовать себя в безопасности в собственном доме...» Он продолжил вслух:

— Может, это был безвредный воришка?.. Как это называется — домовник? Пришел не за вашей жизнью, а за драгоценностями... Или — за **артефактами**, которые вы прячете под полом гостиной, — при последних словах мистер Паркинсон понизил голос.

— Мы нашли **оружие** убийцы, — продолжал Люциус Малфой, не обращая внимания на выдвигаемые версии. — Нож, который почти не пострадал в огне, моток огнеупорной гоблинской веревки и несколько обгоревших отравленных дротиков. И конечно, волшебную палочку, которая сохранилась в достаточной степени, чтобы мы могли ее исследовать.

— И?..

— Ива, одиннадцать с половиной дюймов, драконьи жилы, — произнес Люциус, окинув собеседника стальным взглядом. — Мы проверили записи Олливандера и нашли за последние десять лет свыше трехсот человек, купивших такие палочки. Но только один — **один!** — из них мог быть тем покойным незадачливым любителем каминов.

— Кто? — из горла мистера Паркинсона вырвался лишь хриплый шепот. — Кто он?!

— Минутку, — пробормотал вдруг Малфой, с подозрением оглядывая комнату прищуренными глазами. — Здесь кто-то есть, — еле слышно шепнул он. — Кто-то слушает каждое наше слово.

Мистер Паркинсон вздрогнул, его взгляд изпод изумленно поднятых бровей бежал комнату. Люциус тем временем метался из угла в угол, тыча во все стороны своей тростью, потом распахнул дверь и долго стоял на пороге, вглядываясь в полумрак коридора и пытаясь услышать тихие шаги или дыхание, которые выдали бы невидимого наблюдателя.

На одной из деревянных балок наверху сидел жучок — небольшой, чуть больше пуговицы. Он был совершенно незаметен под прикрытием паутины и темноты. Когда стало очевидным, что Люциус Малфой не намерен продолжать беседу, насекомое пришло к выводу, что услышало достаточно. Оно расправило крылья и полетело прочь — сначала из коридора, а потом и из таверны старины Огдена.

Жучок пролетел по улице мимо нескольких домов и приземлился на подоконнике номера скромной уединенной гостиницы. В комнате в глубоком кресле с высокой спинкой, потягивая из хрустального бокала игристое шампанское, сидел мужчина. Дополняла изысканную обстановку негромкая оперная музыка. Атмосфера была пропитана аристократизмом и запахом больших денег.

— Ну? — зловецким голосом поинтересовался мужчина в перерыве между двумя глотками шампанского. — Какую информацию удалось собрать?

Жучок принял человеческий облик. Женщина встряхнула вьющимися волосами и вздохнула:

— Они знают. Люциус что-то заподозрил, навел справки, и теперь он знает.

— Этого я и ожидал, — раздраженно буркнул мужчина. — Люциус слишком умен, чтобы его можно было обмануть пустыми уловками. Полагаю, теперь он сможет в общих чертах разобраться во всем нашем плане.

— Я тоже так думаю, — согласилась женщина-анимаг, направляясь к ближайшему зеркалу, чтобы поправить макияж. — И что вы будете делать теперь, а?..

— Внесем небольшие коррективы, — спокойно и в то же время угрожающе ответил неизвестный. — Провернем все... сегодня вечером.

— Вечером?! — недоверчиво воскликнула женщина. — Это слишком рано. Драко Малфой будет...

— ...мертв к утру. Благодарю вас за беспокойство, мисс Скитер, но я знаю, **как** делать свою работу. Надеюсь, кстати, что и вы знаете, как делать вашу.

— А оплата, сэр? — раздраженно фыркнула Рита Скитер.

— Деньги уже переведены на ваш счет в «Гринготтсе», не волнуйтесь, — улыбнулся мужчина. — И вы получите премиальные — как только ваша статья будет опубликована на первой полосе «Ежедневного пророка»...

— **«Люциус Малфой убивает своего сына»**, — злобно произнесла репортерша. — Это будет хит сезона и пик моей карьеры! — она зловеще хохотнула. — Спасибо, сэр.

— И вам спасибо, мисс Скитер, — пауза. — Да, и скажите, пожалуйста, Сергио в холле, чтобы он выпускал своего **милого зверька**...

— Скажу, сэр, — Рита оскалилась, что, видимо, должно было изобразить улыбку, и вышла, прикрыв за собой дверь.

Глава 13. Бремя свободы

Гермиона тем временем металась по Поместью: от комнаты к комнате, от винтовых лестниц к ярко освещенным залам. Ее гнало вперед жгучее желание и решимость найти человека, которого она презирала больше всех.

— Да где же носит этого **урода**?! — задыхаясь, прошептала она и скинула в бессильной ярости несколько бархатных подушечек со стоящей рядом кушетки.

— Простите, что вы сказали?.. — Гермиона подняла голову и увидела с удивлением вззирающий на нее со стены портрет. Очевидно, последняя фраза отвлекла

мужчину от расчерченного звездными картами пергамента, который он держал в руке. Увлеченность звездами подчеркивали присутствовавшие на картине модели солнечной системы, а также замысловатые схемы галактик и созвездий.

Гермиона прочла подпись под портретом: «Гейвлок Малфой, 1787-1830». Ниже, чуть помельче, уточнялось: «Изгнан из Поместья за чрезмерное увлечение азартными играми и астрономией. Звездной ночью не смотрел себе под ноги и завершил свой путь земной на дне ручья». Впрочем, для Малфоев выглядел Гейвлок не слишком сумасшедшим, и Гермиона, пробормотав слова извинения и вернув подушечки на место, торопливо спросила:

— Здесь случайно не проходил сейчас Драко Малфой?

Гейвлок призадумался:

— Ну, э-э-э, я не уверен... Я был так занят своими чертежами, — он взглянул на противоположную сторону коридора. — Селандина, ты не видала молодого человека?

На стене напротив Гейvloка висел портрет юной стройной вейлы, которая, сидя перед зеркалом в золоченой раме, расчесывала длинные серебристые локоны изящным гребешком из слоновой кости. Ее вежливо-безразличное лицо поражало надменностью и безумной красотой. Селандина окинула Гейvloка взглядом и лениво произнесла:

— Ты про моего внука? Да, он проходил тут недавно, — и она, не сводя глаз со своего отражения, начала подводить губы помадой золотистого оттенка.

Когда стало ясно, что Селандина не собирается продолжать, Гермиона раздраженно заинтересовалась:

— И куда он пошел?

— В башню, — коротко ответила девушка, не отрывая взгляда от зеркала. — Он был **вне себя** от ярости. Что-то бормотал себе под нос... Не слишком приятное зрелище, в отличие от некоторых, здесь присутствующих... — с этими словами она отбросила назад непослушную прядь роскошных волос.

— Не обращай на нее внимания, — шепнул Гермионе Гейvloк. — Она, конечно, симпатичная, но сомнений у нее — о-го-го: хватило бы на половину нашей семьи!.. Башня в Восточном крыле, если тебе это интересно...

— Спасибо, — с искренней признательностью прошептала Гермиона, едва не задохнувшись от волнения, и понеслась по коридору со скоростью маленького урагана.

— Подожди! — воскликнул Гейvloк, но она уже скрылась за углом. — Черт! — выругался он. — Я не успел ее предупредить насчет проклятий и заклятий, которые наш дорогой потомок наложил на входную дверь...

— Как мило... — с ноткой раздражения пропела Селандина. — Слушай, лучше займись своими небесными светилами... — и незадачливый астроном, что-то ворча себе под нос, вернулся к пергаментам и звездным картам.

Он так погрузился в расчеты, что не увидел темный свисток тени, крадущийся во мраке вдоль стен. Пламя свечей вздрогнуло, словно в смертельном испуге, а странная тень двигалась все дальше и дальше — не оставляя следов, не издавая ни звука...

* * *

Ливень обрушился на городок как раз в тот момент, когда Люциус закончил разносить бедного трактирщика за то, что тот не обеспечивает в своем заведении должной безопасности. В кульминационный момент нотации, как по заказу, обвинения и угрозы словно подчеркнула молния, а грянувший за ней гром стал еще одной, не менее гневной тирадой.

Когда хлынул дождь, Люциус решил переждать непогоду в таверне и отправился в бар — чего-нибудь выпить (трактирщик едва не упал в обморок от ужаса).

К мужчинам присоединились Нарцисса и миссис Паркинсон, которые тут же принялись сравнивать только что купленные украшения.

Нарцисса ослепительно улыбнулась и продемонстрировала мужу запястье, украшенное драгоценными камнями.

— Что скажешь, Люциус? — спросила она. — Не правда ли, прелестный браслет? И удивительно мне подходит?

— Не стоит трясти побрякушками на глазах у всякого сброда, — Малфой едва удостоил жену взгляда. — Таким образом ты лишь привлечешь к нам излишнее внимание, — и он окинул полупустой зал подозрительным взглядом, в очередной раз прикладываясь к стакану с "Кровавой Мэри".

— Но, дорогой, ведь именно для этого и созданы украшения, — просияла Нарцисса. — И потом, только очень эксцентричный вор с ярко выраженными суицидальными наклонностями решится украсть их у меня, когда **ты** рядом, — она прильнула к плечу мужа.

Люциус не обратил внимания ни на слова жены, ни на ее нежный жест:

— Я имел в виду **не это** внимание, — произнес он, — и **не эти** побрякушки... — он перевел взгляд на Нарциссу. — Где твое ожерелье? — ее рука машинально взлетела к шее, и привычное ощущение серебряной нити ожерелья и странного резного кулона под пальцами успокоило женщину.

— На месте, — мрачно ответила Нарцисса. — Там, где и всегда.

— Хорошо, — Люциус сделал еще один глоток, не сводя глаз с жены. — И по-моему браслет тебе очень к лицу...

Нарцисса улыбнулась, но улыбка растаяла, едва коснувшись губ, сменившись гримасой боли. Она успела пробормотать что-то насчет раскалывающейся головы, а затем судорожно обхватила ее руками, вскрикнула и рухнула на пол.

— О, черт! — обеспокоенно воскликнул Люциус, глядя на бесчувственное тело жены, корчащееся в судорогах, словно ей снился жуткий кошмар. — У нее опять **началось!**..

Ошеломленные Паркинсоны посмотрели на него с недоумением.

— Началось что? — испуганно спросил мистер Паркинсон.

— **Видение**, — буркнул Люциус, словно говоря о самых естественных вещах. — Ладно, Нарцисса, говори.

Распростертое на полу тело Нарциссы Малфой не шелохнулось. Ее лицо с плотно закрытыми глазами ровным счетом ничего не выражало, волосы растрепались, и только губы быстро шевелились, шепча:

— **Смерть** ожидает нашего сына за дверью — медленная, молчаливая и мучительная. Смерть, посланная великой и ужасной силой, жаждущей только боли и мести. Наш сын ослеплен смущением и гневом, он беспомощен в своем неведении и глух к предостерегающим крикам тех, кто жаждет спасти его...

Люциус взглянул на столпившихся вокруг посетитель бар, потрясенно наблюдавших за происходящим:

— Кто-нибудь записывает ее слова? — все отрицательно замотали головами. — Ясно, так я и думал, — и он снова повернулся к жене.

— **Смерть** роскошна, — продолжала она. — И вот — он в гробу, недвижимый и бледный, в земле, орошенной слезами... Мой сын, мой бедный Драко!..

— Ну всё, хватит, — сказал Люциус, слегка встряхивая Нарциссу, и добавил, не оборачиваясь: — Воды, пожалуйста.

Кто-то тут же подал бокал, и Люциус влил в приоткрытый рот жены немного воды. Нарцисса распахнула глаза, горевшие замешательством и страхом.

— О, Люциус, — выдохнула она, — надеюсь, мне не придется снова пережить **это**...

— Я думаю!.. — пробормотал Малфой-старший, поднимаясь и отряхивая руки. — Что ж, по крайней мере, теперь ясно одно...

— Что же? — тупо спросил мистер Паркинсон, который никак не мог оправиться от шока.

— Очевидно, что я ошибался, — мрачно произнес Люциус, и глаза его полыхнули стальным блеском. Он помог жене встать и продолжил: — Никто не собирается убивать **меня**. Цель убийц — **Драко!**

Нарцисса глубоко вздохнула, и на миг показалось, что она снова потеряет сознание, но голос мужа вернул ее к жизни:

— Боюсь, нам понадобится твое ожерелье — и очень скоро...

* * *

Драко стоял перед дверью, ведущей в башню, подбрасывая и ловя скомканный обрывок пергамента. Он поймал его в последний раз и крепко сжал в кулаке, услышав дробный топот маленьких ножек.

Это была Гермиона. Она несколько мгновений стояла молча за его спиной, пытаясь успокоить дыхание, и тут Драко повернулся к ней лицом. Гермиона в испуге попятилась: было очевидно, что юноша **в ярости** и с трудом держит себя в руках. Ей прежде не приходилось видеть в его взгляде столько ненависти, горечи и тьмы.

— Привет, Грейнджер! — тихим, но полным злобы голосом произнес он. — Я смотрю, тебе было **чем заняться** в последнее время...

— Ч-что? Ты о чем? — тревогой спросила она, не сводя глаз с пергамента, который сжимал в руке Драко.

— Вот об **этом!** — объяснил он. — Послушай-ка, тебе будет интересно... — и он с горечью начал читать: *«Меня незаконно удерживают в Поместье Малфоев... Волшебник по имени Баркель произвел запрещенное проклятье и превратил меня в домового эльфа. Я была продана с аукциона — в форме, унижающей человеческое достоинство! — Малфоям, которые теперь удерживают меня в заточении... Я прошу вашего содействия в устранении последствий этого печального инцидента. Это — дело чрезвычайной срочности, так как я хочу восстановить свой привычный облик как можно быстрее... С нетерпением ожидаю вашего ответа... С уважением, Гермиона Грейнджер»*, — он с ненавистью посмотрел на Гермиону, которая словно лишилась дара речи. Она совершенно забыла о письме, и теперь, увидев его в руках Драко, едва не получила разрыв сердца. Две

слезинки проложили соленые дорожки по ее щекам. Горло пересохло, и слова застревали в нем.

— Ты знаешь, сколько неприятностей из-за этого письма было бы у родителей? — тихо спросил Драко. Гнев из его голоса исчез, уступив место смертельной горечи. — Знаешь, сколько у отца и без тебя проблем с Министерством? А мама — знаешь, сколько горя ей могло бы принести это письмо? — говоря это, он шаг за шагом приближался к Гермионе. — На какой-то миг я решил, что тебе действительно можно доверять, Гермиона Грейнджер... — продолжал он тем же глухим голосом — Как же я ошибался!..

Гермионе казалось, что ее сердце вот-вот разобьется. «Почему он говорит таким голосом? Почему он просто не накричит на меня? — с мукой подумала она. — И почему, почему я чувствую себя так ужасно?..» Она попыталась заглянуть ему в глаза:

— Драко, я...

— Что ты? — откликнулся он, швырнув клочок пергамента к ее ногам. — **Извиняешься?!** Ты даже представить себе не можешь, какие страдания доставила мне этим письмом. Простого **извинения** недостаточно, чтобы вернуть мое доверие...

— Но я никогда...

Драко поднял лицо к потолку и издал гневный то ли вопль, то ли рык. К обоюдному ужасу, висевший рядом гобелен неожиданно вспыхнул синим пламенем. Несколько мгновений Драко и Гермиона молча наблюдали, как золотое шитье исчезает в огне.

— Это случается, — пробормотал Драко, глядя на пылающий гобелен, — когда я очень разозлюсь, — он глянул на Гермиону, и на этот раз в его глазах была стальная и спокойная угрюмость, напоминающая небо над штормовым океаном. — У меня есть кое-что для тебя, — юноша вытащил из кармана серебристо-зеленый — цветов Слизерина — шарф. Он болтался у него в руке, как петля на виселице.

— Ты уволена, — он швырнул шарф Гермионе, и та, будто загнипнотизированная, поймала его — мягкий и теплый, пропахший меланхолией и сиренью. Девушка в отчаянии посмотрела на Драко, в глазах которого, как ей показалось, под осколками гнева залегла бесцветная смертная тоска. Одним движением он распахнул дверь, и спустя мгновение та уже закрылась за его спиной, и на лестнице, ведущей в башню, раздалились удаляющиеся шаги.

А за дверью оставшаяся в одиночестве Гермиона тихонько всхлипывала, уткнувшись в шарф лицом. Она плакала, потому что была свободна...

Глава 14. Штиль, шторм

Высокий юноша облокотился на резную каминную доску, отбрасывая в слабом свете камина причудливую тень на противоположную стену. За окном неяркие звезды уже разукрасили безлунное небо причудливым узором, и под ними о чем-то сурово шептались окружавшие Поместье леса.

Зажмурившись, Драко стоял посреди комнаты, погруженной в мертвую тишину. Лишь изредка его филин — величественного вида птица по кличке Мажестик — взъерошивал перья и щелкал клювом, да слегка потрескивали дрова в камине. Но в воспаленном мозгу Драко раздавались крики и сотрясающий землю шепот, полные муки возгласы и звенящие рыдания. «Он так одинок в этом огромном и холодном поместье... Может, я могу ему как-то помочь?..» — неожиданно вспомнились подслушанные мысли Гермионы. Он с трудом сглотнул комок в горле и еще плотнее смежил веки, стараясь не думать о соленых слезах, медленно скатывающихся по щекам, словно в его глазах внезапно началась оттепель.

— Черт бы ее побрал! — пробормотал он. — **Черт бы ее побрал!!!**

Драко злился на Гермиону не впервые. Сейчас он с удивлением вспоминал ее резкие отповеди, рас-

красневшиеся щеки и оскорбленное выражение лица каждый раз, когда он обзывал ее «грязнокровкой». Давняя пощечина всё еще жгла его лицо. Драко всегда получал удовольствие от ее ярости, радовался, видя, как сверкают гневом ее глаза, ему нравилось, как она гордо вскидывает голову, прежде чем ответить ему репликой, столь же язвительной, как и его собственная... Но никогда раньше он не чувствовал себя **виноватым**...

Мажестик неожиданно заволновался, и спустя мгновение тишину комнаты нарушило уханье филина, от которого едва не заложило уши. Драко, почувствовав некоторое раздражение, взглянул на встревоженную птицу, которая в своем внезапном неистовстве едва не свалилась с золоченого насеста.

— Заткнись, жалкий комок перьев! — воскликнул Драко, швырнув в филина подобранной в камине щепкой. — Да что с тобой такое?!

Мажестик окинул хозяина мрачным взглядом и, подлетев к окну, стукнул клювом в толстое стекло, всем своим видом демонстрируя, что ему хочется наружу.

— **Прекрасно!** — бросил Драко, раскрывая окно Отмыкающим заклятьем. — Катись отсюда — мне всё равно...

Мажестик почти с облегчением вылетел в окно и устремился в ночное небо. Драко проводил филина взглядом, пока он не растворился в бархатной черноте, затем запер окно Связывающим заклятьем и задернул шторы, пытаясь сообразить, что же так напугало птицу.

Филин же, в свою очередь, торопился отлететь как можно дальше от башни, в которой несколькими мгновениями ранее ощутил приближение странного зловещего призрака. Словно мрачная тень подбиралась к комнате, где он только что находился вместе с хозяином, и Мажестику совершенно не хотелось оказаться вблизи Поместья в тот миг, когда эта тень доберется до того, что ищет...

* * *

В эту безлунную ночь крошечная фигурка, облаченная в насквозь промокшие лохмотья, стояла у входа в Поместье Малфоев и с немой тоской взирала в темное небо.

Сначала Гермиона проклинала всё на свете, потом кидалась тяжелыми предметами в кратком приступе отчаяния, а теперь просто стояла, мрачно уставившись в небо со следами недавней грозы и без малейшего признака луны. Даже свет звезд казался слегка неуверенным, как будто ночные светила забыли что-то очень важное. Гермиона печально вздохнула, ее пальцы скользнули по шарфу, который вручил ей Драко.

Мысли девушки были столь же мрачны, как и ее взгляд. Разработанный план бегства включал в себя кражу нескольких предметов первой необходимости — к примеру, одежды и волшебной палочки (Пенси достаточно богата, чтобы позволить себе покупку новой палочки, резонно рассудила Гермиона). Затем — небольшой кросс по пересеченной местности (босиком), чтобы не утруждать себя кражей еще и обуви!) до ближайшего городка, где Гермиона рассчитывала получить помощь. Она была согласна на какое угодно содействие — на сову, чтобы послать письмо, на щепотку Улетального порошка, просто на доброго человека, наконец, которой помог бы ей добраться до лондонского «Дырявого котла»... Но весь этот тщательно разработанный план теперь застопорился.

Девушка устало вздохнула, все еще держа палочку Пенси в одной руке и шарф Драко в другой. «Ну, как я доберусь до дома **в таком виде?**..» — мрачно подумала она, глядя то на темное небо, то на свои крапчатые зеленые лапки домового эльфа.

Кроме того, Гермиона по-прежнему переживала за Драко... Сердце пронзила острая боль, сменившаяся холодной горечью. «Он меня вышвырнул, — подумала она, — и кто виноват в том, что из-за своего безрассудного упрямства он не стал меня слушать?..» Гермиона покусала губу, пытаясь понять, действительно ли верит в это, и почувствовала легкий озноб, хотя ночь была теплой.

Неожиданно за спиной Гермионы раздались быстрые шаги, и неудержимой лавиной бежевых кружев и серебряных блесков из дома вылетела разъяренная Пенси Паркинсон.

— Ты! — заверещала она, скатываясь по ступеням. — Ты взяла мою палочку! Ты взяла мое платье! **Ты стащила их у меня!** Отвечай, жалкое создание, пока я не разорвала тебя ногтями!

Гермиона содрогнулась, представив эту картину.

— Э-э, я взяла их, — торопливо произнесла она, — для чистки, — повисло многозначительное молчание. Пенси нахмурилась, что-то бормоча себе под нос. — Простите, мэм, — добавила Гермиона и повернулась, чтобы уйти, но властная рука вцепилась в край наволочки, служившей ей одеянием.

— Я не просила их чистить, — прорычала Пенси. — И еще: все домовые эльфы называют меня **«хозяйка»** или «Мисс Паркинсон», — на ее губах заиграла холодная угрожающая улыбка, напомнившая Гермионе Снейпа. — Кто ты такая? Что тебе здесь надо? Кто тебя послал?..

Мир вокруг Гермионы побледнел и расплылся, а в ушах вновь зазвучали услышанные раньше слова: «С малфоевским щенком будет покончено...» Они обожгли мозг, откликнувшись лавиной эмоций — от смертельного страха до несмелой надежды. Мелькнули мысли о возвращении домой, об избавлении от этого холодного и пустого Поместья, от необходимости бегать по нему, подбирая всякую ерунду, или вытаскивать из дымоходов всякие ужасы. Им на смену пришли воспоминания о безлунных ночах, шепчущих свечах и вздыхающих звездах, о полночных спорах и мечтательных отблесках огня в камине, о тьме и сером предгрозовом небе... С печальной улыбкой Гермиона произнесла:

— Я не поеду домой. Не сейчас. Я еще нужна здесь, — и, щелкнув пальцами, она растворилась в воздухе.

Почувствовав, что рука крепко сжимает лишь пустоту, Пенси Паркинсон разъярилась окончательно и кинулась вслед за удаляющимся топотом маленьких ножек с яростным воплем:

— А ну, отдай мою волшебную палочку — **сейчас же!**..

* * *

Драко Малфой лежал на кровати, тихонько ворочаясь во сне, и снились ему молочно-белое небо, усыпанное черными звездами, музыкальные шкатулки и пустые танцевальные залы. Но каким бы ни был сон, звуковое сопровождение к нему было одним и тем же — голос Гермионы Грейнджер. «Даже если ты отказываешься слышать мои слова, стараясь забыть обо мне как можно быстрее, — твердила она в то время как Драко шагал по залитому светом свечей коридору, — все равно помни одно: лунной ночью, когда свечи шептали, а звезды вздыхали, я отдала свое сердце тебе — навсегда...»

Драко вздохнул и почувствовал нежный запах, исходящий от ее волос. Он потянулся, чтобы взять ее за руку, но в этот миг свечи замерцали, словно залитые дождем, и медленно погасли, оставив Драко погруженным в кромешную тьму. Он попробовал пошевелиться — и не смог. Он попытался проснуться, стряхнув с себя темный сон, перевести дух — но легкие едва не разорвались от усилия.

Драко открыл глаза — и закричал.

* * *

Карета цвета ночи остановилась перед дубовыми дверями Поместья. Лошади тревожно заржали, словно почувствовали что-то — они рвались и били копытами, Бормоча извинения, кучер с трудом удерживал карету на месте. Оттуда ступила на землю высокая фигура в черном плаще, края которого развевались сзади размашистыми крыльями. Серые глаза мужчины по-ястребиному обжеали вокруг.

— Быстрее, Люциус! — раздался голос из кареты. Резким движением сорвав с шеи ожерелье, Нарцисса торопливо сунула его в руку мужа. — Возьми и поспеши: я чувствую **это** — оно уже внутри...

Когда Люциус Малфой быстро пересек ярко освещенный холл, от грохота его шагов сотрясались стены. Он скептически оглядел Большой зал, выискивая стоящую не на месте утварь, пропавшие ценности или другие явные следы беспорядка. Увидев же, что на мраморном полу нет никаких следов, а комплекты доспехов выстроены в обычном идеальном порядке, Люциус сильно занервничал. Домовой эльф робко приблизился, чтобы взять хозяйский плащ, но Малфой-старший не обратил на него ни малейшего внимания.

— Началось, не так ли? — тихим, но очень серьезным голосом пробормотал он и кинулся наверх по мраморной лестнице, на ходу доставая волшебную палочку.

* * *

Драко боролся с тьмой без особого успеха. Он не мог дышать и ничего не видел, тишина оглушительно звенела в ушах. Страх поглощал его. Драко еще не приходилось испытывать в своей жизни ничего худшего, чем эта борьба с невидимым и беззвучным противником. Глаза и рот словно залепила черная влажная глина, которая ослепляла и душила его...

Драко в отчаянии попытался достать из-под подушки волшебную палочку, пальцы запутались в комке простыней, наконец, он высвободил их, и... Палочки там не было. Что-то сдавило грудную клетку, легкие скрутились под удушающей тяжестью, тело похолодело, и сознание начало угасать. Он попытался сделать вдох и из последних сил закричал так громко, что стены башни едва не разлетелись на мелкие куски:

— Гермиона Грейнджер, помоги мне!..

* * *

Драко орал так, что дверь, ведущая в башню, распахнулась настежь — именно в тот момент, когда Гермиона и преследующая ее Пенси Паркинсон вбежали в прилегающий коридор. Увидев, как невидимая сила отбрасывает в стороны тяжеленные створки, словно те фанерные, обе рванулись вперед. Гермиона первой достигла дверного проема, прорвавшись через наложенные на дверь защитные заклятья, как будто те были не более чем паутиной, и с космической скоростью устремилась вверх по лестнице.

Пенси же ударилась о щит заклятий с такой силой, что у нее перехватило дух, и всё, что ей осталось, — в бессильной ярости следить за удаляющейся фигуркой эльфахи, которая унесла ее волшебную палочку.

— Пре-лест-но! — простонала она. — Просто замечательно. Ну что ж, вперед — и с песней... — и

под действием Головокружительного заклятья она грохнулась в обморок.

Гермиона взлетела по лестнице с поразительным проворством, хотя ей казалось, что подъем длится целую вечность: каждый шаг занимал целый год, растягиваясь до пределов, непостижимых разумом. Страх не было — вместо него, обжигая сердце, горело яркое пламя... Позже Гермиона будет часто вспоминать эти ступени, всегда с гордостью отмечая, что в тот отчаянный момент не ощущала ничего, кроме внутренней силы, которая ураганном ветром несла ее вверх вопреки закону тяготения. Она не думала ни о ком, кроме Драко — обидая растаяла, злость разбилась, как шелушащаяся оболочка. Я — как феникс, подумала Гермиона, как феникс, поднимающийся из пепла, оставив позади догорающую золу прежней жизни...

Лестница окончилась внезапно. Комнату обволакивала непроглядная мгла, воздух морозно застыл. Той же холодной тьмой веяло от камина. Ни одна свеча не горела. Гермиона посмотрела в сторону кровати. Поллог колыхался на ветру, весь пол засыпали осколки разбитого окна, а на кровати боролись две тени, и пересиливала большая из них — пугающе огромный осколок самой ночи с крыльями, подобными языкам черного пламени.

Драко слабо вскрикнул.

Гермиона в отчаянии закрыла глаза. «Счастливые воспоминания, — призвала она. — Счастливые воспоминания!..» Гриффиндор выиграл Кубок. Отличные оценки по трансфигурации. Вечеринка в Норе с Роном, Джинни и Гарри. Солнечный парк, безлунная ночь, пристальный взгляд туманно-серых глаз... Гермиона сделала глубокий вдох и решительно открыла глаза.

— *Эспекто патронум!* — волшебная палочка вспыхнула серебристым светом.

Глава 15. Вмешательство

— *Эспекто патронум!* — выкрикнула Гермиона, и серебристый луч выстрелил из волшебной палочки и наполнил комнату от пола до потолка ослепительным ярким светом, разливающимся стремительно, как весенний паводок на горной реке.

Девушка прикрыла руками глаза, защищаясь от яростных лучей, и услышала, как смертофалд издал ужасный пронзительный вопль, за которым последовали грохот падающей мебели и звон бьющегося стекла — чудовище металось в тщетной попытке найти местечко потемнее. Комната стала подобна кромешному аду.

Гермиона взглянула сквозь неплотно сомкнутые пальцы и поразились созданному заклинанием заступнику. Это был купающийся в лучах света величественный серебристый феникс, лапы которого украшали солидных размеров когти, а крылья простирались от одной стены комнаты до другой, заливая светом самые темные углы, где мог бы попытаться укрыться смертофалд.

«А неплохой получился патронус... — подумала Гермиона, но тут же осеклась: — Впрочем, поздравить себя я еще успею», — и не обращая внимания на сражающихся феникса и смертофалда, она бросилась к постели Драко. Наполовину замотанный в сбившиеся в результате борьбы простыни, он лежал без движения и без чувств. Волосы, обычно аккуратно зачесанные назад, бесформенными прядями свисали на лоб. Казалось, он не дышит, и это напугало Гермиону больше всего.

— О, *пожалуйста*, пусть с ним ничего не случится, — прошептала она, пытаясь нащупать пульс на шее Драко. Прикосновение к его коже обожгло пальцы ледяным холодом, который только усилил ужасающее впечатление от мертвенно-бледного лица парня, лишенного малейших признаков жизни... И тут — **ВОТ ОН!** — она почувствовала слабое биение пульса. Драко Малфой не умер, хотя жизнь едва-едва теплилась в нем.

Гермиона не могла решить — то ли смеяться от переполняющего ее сердце ликования, то ли кричать от нахлынувшего облегчения, то ли просто кинуться в слезах на кровать... Вместо этого она закрыла глаза и глубоко вздохнула, ощущая, что сердце снова застучало, а затем собралась с мыслями и щелкнула пальцами, призывая всю оставшуюся в ней эльфийскую магию.

Тело Драко воспарило над кроватью, удерживаемое в воздухе простеньким Заклятием левитации. Гермиона осторожно попятилась к двери, не сводя с него глаз и не обращая внимания на доносящиеся от противоположного конца комнаты звуки беспощадной битвы, полностью сосредоточившись на единственной цели — доставить Драко в безопасное место.

Комнату сотряс жуткий вопль, и повернувшись Гермиона в ужасе увидела, что вызванный ей заступник тает на глазах — заклинание, как видно, оказалось недостаточно сильным. В тот же миг, словно учуяв слабость своего противника, смертофалд перешел в контратаку. Патронус попытался спастись бегством, из последних сил отгоняя крыльями приближающуюся тень, но было уже поздно. Тьма начала медленно смыкаться, обвивая слабеющего феникса наподобие виноградной лозы.

— Нет! — воскликнула Гермиона, но свет померк, и феникс с короткой песней-вскриком распался тусклыми искорками. Комната погрузилась в кромешную тьму, и воцарилась мертвая тишина.

* * *

Весь вечер Люциуса Малфоя шел наперекосяк: обед не состоялся, аппетит оказался испорчен, поездка в город стала пустой тратой времени, Нарцисса до сих

пор не оправилась от шока... Мало того — какая-то нечисть разгуливает по **его** дому и собирается убить **его** сына! Очень хотелось проснуться и стряхнуть с себя этот, мягко говоря, неудачный вечер, как кошмарный сон. Впрочем, Малфой-старший давно подозревал, что его отцовство может в один прекрасный день повернуться и такой стороной. Да и Нарцисса предсказывала неизбежную смерть последние несколько недель. Словом, Люциус был готов к тому, что рано или поздно у него будет именно такой вечер, вот только не знал — **когда**.

Хозяин Поместья злобно фыркнул и устремил свой взгляд на висевший рядом портрет, на котором был изображен ученого вида колдун, безуспешно пытающийся спрятаться за отделанным слоновой костью и серебром секретером.

— Пардон, Офиюсус, — произнес Люциус, постукивая тростью по золоченой раме портрета. — Вылезь-ка оттуда и расскажи, что происходит.

Пожилой волшебник выбрался из-за секретера, нервно поглядывая по сторонам. Не обнаружив ничего угрожающего, он уселся за заваленный всевозможными травами стол, украшением которого была свернувшаяся кольцом большая зеленая змея, спящая на большом подносе. Усевшись поудобнее, Офиюсус начал сворачивать себе сигаретку.

— **Оно** ушло? — вдруг спросил он, оторвавшись на миг от своего занятия.

— Что ушло?!

— Все портреты говорили о **нём**, — пробормотал Офиюсус. — Какое-то темное создание бродит по Поместью, и принадлежит оно при этом — только представь себе! — не Малфоям... И это с учетом того, что в старые добрые времена у нас был целый зверинец всякой нечисти — каппы, красные галстучки...

— Скажи мне только одно — куда **оно** пошло, и я оставлю тебя тут дымить и дальше в свое удовольствие, — раздраженно бросил Люциус, окинув своего предка неприветливым взглядом. Тот докрутил сигарету и зажег ее с помощью волшебной палочки.

— Очень любезно с твоей стороны!.. Оно направлялось к башне, если тебе это так интересно, — Малфой повернулся, чтобы уйти, но старичок остановил его: — Кстати, Люциус, ты тоже дымишь?

— Только если меня поджечь, — ответил тот и начал было подниматься по лестнице, когда его внимание привлек стальной лязг, доносящийся сзади. Люциус обернулся: увиденное полностью соответствовало его ожиданиям.

Стоявшие вдоль стен доспехи, которые не сдвинулись ни на дюйм за несколько последних столетий, внезапно сошли со своих мест, образовав традиционный рыцарский клин. Слегка проржавевшие сочленения поскрипывали при ходьбе, но оружие — хотя и не использовавшееся веками — воинственно сверкало в свете факелов. Одна из металлических фигур держала в руках слегка поблекшее знамя с блестящим на черном бархате гербом Малфоев. Доспехи протопали через зал и замерли за спиной хозяина, ожидая приказа.

Ну **конечно**, подумал Люциус. Старые добрые заклинания заработали опять. Еще в дни первых Малфоев, за которыми постоянно охотились то ревнивые соперники, то неистовые враги, а то и мстительные венценосные фамилии нескольких европейских монархий, были придуманы довольно впечатляющие средства самозащиты. Стены Поместья из века в век пронизывались все новыми слоями защитных заклятий и проклятий, включающихся автоматически, когда жизни Малфоев угрожала опасность. То, что они уже в течение многих лет не приводились в действие, ничего не меняло. (Доспехи, кстати, ни разу не шевельнулись со времен Октавиуса Малфоя, который едва не спалил Поместье дотла в Темные годы.)

«Кажется, Железную команду организовала двоюродная прапрапрабабушка Дейдрде, — припомнил Люциус, рассматривая дюжину оживших доспехов. — Ну, что ж...»

— К башне, — приказал он, и зал содрогнулся от тяжелой поступи магических воинов.

* * *

— **Стоять!** — скомандовала Гермиона приближающегося смертофалду. — Посмей только подойти ближе, и я скормлю тебя моему бешеному коту! И ты пожалеешь, что вообще появился на свет...

— Грейнджер? — раздался у нее за спиной слабый голос. — Ты что тут делаешь?

Гермиона повернулась и увидела Драко, безуспешно пытающегося приподняться на локтях. Развернувшись лицом к смертофалду, она, по-видимому, утратила контроль над заклятием, и Драко рухнул на пол, где и лежал теперь, морщась от боли.

— Прости, — смущенно пробормотала девушка.

— Одним «прости» не отделаешься, — хмыкнул Драко и добавил: — А чего это ты еще не превратилась в человека?

— Луна пока не появилась, — ответила Гермиона. — Ты как, в порядке?

— Знаешь, твоя угроза — насчет кота — прозвучала совершенно глупо, — заметил Драко, устремив на нее воспаленный взгляд. Серые глаза задержались на ней несколько секунд, пока до замутненного сознания Драко не дошел тот факт, что за спиной Гермионы находится **смертофалд** — тот самый, который за пару минут до этого пытался **убить** его!

— Э-э, Грейнджер, а ты назад не смотрела?..

Гермиона обернулась и взглянула на черный саван, который снова начал подниматься из темного угла комнаты.

— Смотрела, — спокойно ответила она, снова повернувшись к Драко.

— Тогда ты должна была заметить там в углу смертофалда...

— Да.

— Возможно, тебя это удивит, но он только что пытался меня сожрать.

— Я знаю.

Озадаченный смертофалд сидел в уголке. Его добыча, которая сперва спала (а, следовательно, не могла защищаться), а потом лежала без сознания, теперь проснулась, хотя и оставалась крайне слабой. Нападать же на активную добычу — это не в повадках смертофалдов. Но больше всего поражало хищника отсутствие страха, отчаяния и паники, волны которых обычно окутывали его добычу — все равно, спящую или бодрствующую. Смертофалды всегда вызывают страх и вкушают потом сладкие ароматы ужаса, которые делают добычу неподвижной и уязвимой. **Эта** же добыча не испугалась, а, напротив, была крайне спокойна.

— Может, пойдём? — спросил Драко, оглядываясь на дверь. — Не думаю, что кому-то из нас хочется пробыть здесь достаточно времени, чтобы оказаться съеденным.

Гермиона закатила глаза, словно восклицая: «Ну, конечно же не хочется!»

— Идти можешь? — озабоченно поинтересовалась она.

Драко попытался привстать, но тут же со сдавленным вскриком упал на паркет. Рука, которую он прижимал к груди, обагрилась кровью.

— Господи, а у этой твари еще и зубы есть, — простонал Драко и бросил на Гермиону взгляд, от которого жалось сердце. — Я умираю, — продолжал он монотонным голосом, — умираю, так ни разу и не выиграв у Поттера в квиддич.

— Не говори глупостей, — возразила Гермиона, испуганно покосившись на смертофалда, который шаг за шагом начал осторожно приближаться к ним. — Ты уже «умирал» на третьем курсе из-за несчастной царпинки, полученной от гиппогрифа, — и ведь не умер же. Лежи тихо, я попробую тебя поднять...

— Так многого я еще не успел в жизни, — продолжал Драко обреченным голосом. — Я не сказал отцу, что выучил наизусть весь Кодекс поведения семейства Малфоев. Я не сказал маме, какой у нее чудный певучий голос. Я... — он пристально взглянул на девушку в облике домового эльфа. — Я еще даже ни разу не влюблялся понастоящему.

— Сейчас не время так шутить, — заметила Гермиона, пытаясь сохранить голос спокойным.

Кровь, уже раскрасившая мантию Драко темнокрасными пятнами, начала капать на ковер, и Гермиона ощутила смертельный страх — а вдруг он умрет? Она знала, что не сможет вынести этого.

— Я не шутил, — торжественно произнес Драко, закрывая глаза и снова погружаясь в забытие. Его дыхание стало прерывистым, напоминая тяжкие вздохи и горькие всхлипывания.

Гермиона не могла сосредоточиться и собрать в себе достаточно магии для еще одного Заклятия левитации. Просто не могла. Она была сейчас в состоянии думать лишь об одном — о Драко, Драко, Драко. Впрочем, нет: часть мыслей была о смерти и вине — Драко сейчас умрет, и это будет только ее вина...

«Ты просто жалкое ничтожество! — гневно обозвала она сама себя. — Ты бросила его в тот момент, когда больше всего была ему нужна! И сколько бы разумных, добрых и храбрых поступков ты ни совершила в будущем (если оно вообще будет — это будущее), все они не помогут исправить эту роковую ошибку, не смогут вернуть его к жизни!»

Гермиона преградила путь смертофалду в отчаянной попытке хоть как-то защитить Драко. Она закрыла глаза в ожидании самого худшего — вот-вот смертофалд окажется совсем рядом, мягко обволакивая и погружая их обоих во мрак и тень, потом тщательно пережует и проглотит, а затем покинет Поместье так же тихо, как и пришел сюда, не оставив от них даже останков, которые можно будет оплакать...

Но вместо смертного шепота она услышала голос Люциуса Малфоя!

— Довольно! — спокойно произнес он, вступая в полумрак комнаты. — Ты, — трость указала на Гермиону, — заведи отсюда мальчика, а вы, — он оглянулся назад, — перекройте все выходы, — раскрыв рот, потрясенная Гермиона смотрела, как Люциус отодвинулся в сторону, давая дорогу марширующим **рыцарям**. «Нет, не рыцарям, — изумленно поправила она себя, — а латам, которые стояли в зале!..»

Дюжина оживших доспехов выстроилась вдоль стен круглой комнаты наподобие оловянных солдатиков-переростков. Они закрыли своими блистающими металлическими облачениями все окна и единственную дверь. Оказавшийся в окружении смертофалд зашипел и издал гневный вопль.

— Не очень музыкально, — прокомментировал Люциус, засовывая руку в карман. Гермиона подумала, что он потянулся за волшебной палочкой, но к ее удивлению Малфой-старший извлек из-под мантии тонкую серебряную цепочку с небольшим кулончиком причудливой формы — ожерелье Нарциссы...

Оно светилось загадочным тусклым светом, как звезда, окутанное облачком отблесков. Приглядевшись, Гермиона увидела, что кулон на ожерелье вырезан в форме дракончика, который покачивался из стороны в сторону

и словно бы... пел! Люциус поднял руку с ожерельем высоко над головой и воскликнул:

— *Инвокарем амулетум!*

Ожерелье вспыхнуло ярким светом. Гермиона вскрикнула и закрыла глаза руками, вновь открыв их лишь тогда, когда свет начал принимать форму, как при рождении звезды. Это было удивительное зрелище: лучи света вылетали из кулона и присоединялись к ослепительной фигуре, образуя изящные сильные крылья, мощные когти... Громоподобное рычание сотрясло комнату от пола до потолка, подсвечники закачались и зазвенели хрустальными подвесками — это оформилась голова чудовища с ярко горящими глазами, зубастой пастью и венцом острых шипов.

Патронус, исторгнутый из ожерелья Оберегающим заклинанием, издал странный мурлыкающий вопль, расправил крылья и наклонил голову, возвышаясь над смертофалдом. Гермиона никогда раньше не видела создания столь яркого, столь впечатляющего и столь пугающего. Оберег излучал славу и угрозу. Убийца был уничтожен за считанные секунды: окинув его яростным взглядом, патронус выдохнул кипящую струю яркого серебристого пламени, накрывшую смертофалда волной огня. Когда дым рассеялся, взгляду Люциуса Малфоя открылись обуглившаяся мебель, поврежденные каменные стены и пылающие гобелены, вызвавшие у хозяина Поместья грустный вздох: «Однако, это влетит в копеечку...»

Еще раз подняв ожерелье, Люциус призвал оберега, который втянулся обратно в кулон, словно собака в свою конуру. Фигурка дракона ярко вспыхнула и тут же погасла, вернувшись к обычному, ничем не примечательному виду. Малфой перевел взгляд на Гермиону.

— Разве я не приказывал забрать Драко отсюда? — спросил он. — Или я должен приказать еще раз?

— Н-нет, хозяин, — запинаясь, произнесла Гермиона. Ей, наконец, удалось сконцентрироваться и собрать в себе достаточно магической энергии для Заклятия левитации, и Драко взмыл в воздух, слегка покачиваясь перед отцом.

— Подъем! — скомандовал Люциус, резко стукнув сына по плечу. Тот застонал, закашлялся и прошептал:

— Мне надо идти... Эта дура Гетти — какого черта она полезла на рожон...

— Доставь его в спальню, — распорядился Люциус, снова взглянув на Гермиону, — и позаботься о нем, пока не придет наш семейный доктор. Если сможешь, постарайся остановить кровотечение, — он махнул обтянутой перчаткой рукой, отдавая команду магическим доспехам, все еще стоящим у стен, и вышел вслед за ними. Лестница задрожала под ударами металлических ног.

Гермиона с беспокойством взглянула на Драко, который пристально посмотрел на нее, прежде чем снова впасть в забытие.

— Я не уйду, — сказала она, беря Драко за руку и двигая его безжизненное тело к выходу. — Обещаю, я не уйду, — они выбрались из дверей, сопровождаемые парой молчаливых телохранителей-доспехов, и стали спускаться по лестнице.

Сверху, с одной деревянных балок, за ними следило незаметное маленькое крылатое существо. Когда шаги странной процессии затихли вдаль, оно расправило крылья и вылетело наружу, навстречу прохладному ночному ветерку.

Глава 16. Развитие

Вынырнув из сонного небытия, Драко увидел трех человек, склонившихся над его постелью и о чем-то тихо переговаривающихся. Он тут же их узнал, несмотря на то, что яркий свет лампы резал глаза.

— Здравствуй, мама, — звуки с трудом вырывались из пересохшего горла Драко. — Отец... — третьему — их семейному доктору — он просто коротко кивнул.

— Думаю, с ним все будет хорошо, — заметил лекарь и осторожно убрал лампу в сторону. Полумрак снова окутал взрослых, сделав их похожими на привидения. — Перевязка сделана очень хорошо, — продолжал доктор, — и кровотечение удалось остановить вовремя. Можно сказать, мальчик почти в порядке.

Драко хотел заметить, что он едва не **умер** от потери крови, а это сложно назвать «мальчик почти в порядке».

Но сил не хватило даже на то, чтобы пошевелить языком — он чувствовал себя безумно усталым. Так что в молчаливой полудреме Драко просто выслушал привычную медицинскую болтовню — как можно больше поить, кормить здоровой пищей, менять повязки и не забывать Целительное заклятие, чтобы избежать инфекции... В ответ Люциус буркнул что-то вроде того, что «мы и сами знаем, как заботиться о нашем сыне, **спасибо**».

Голос отца вывел Драко из задумчивости. Он моргнул и попытался разглядеть в полумраке высокий силуэт Люциуса Малфоя.

— Плата за визит будет переведена на ваш счет в Гринготтсе утром, — коротко сказал тот. — Спасибо за то, что прибыли к нам в столь поздний час.

— Это мой долг, мистер Малфой, — радушно ответил колдомедик и дезаппарировал.

— Некомпетентный болван, — прокомментировал Люциус его отбытие.

Нарцисса бросила на сына тревожный взгляд. Ее ожерелье вновь было на шее, и она машинально теребила его, наматывая серебряную цепочку на палец.

— Как ты, дорогой? — ласково спросила она.

— **Прекрасно!** — попытался сыронизировать Драко, но тут же застонал, вновь ощутив боль в груди. — Мне больно, — продолжал он, резко изменив взгляд на свое состояние, — я нуждаюсь в уходе и внимании... А кстати, что вообще со мной произошло?

— На тебя напал смертофалд, — бесстрастно сообщил Люциус. — Я призвал оберега из ожерелья твоей матери, и он уничтожил чудовище, прежде чем оно успело перевернуть тебя.

— Оберег? Ты вызвал оберег? — недоверчиво переспросил Драко. — Этого ведь не случилось с... со времен Октавиуса Малфоя, который едва не спалил Поместье дотла в Темные годы!..

Заключенный во что-либо серебряное, семейный заступник, о котором шла речь, передавался в семье Малфоев из поколения в поколение и являлся одним из лучших их средств защиты. Нарцисса получила оберег в подарок от Люциуса в день их свадьбы — в виде кулончика на цепочке, который с тех пор постоянно носила на шее, начав, в конце концов, воспринимать в качестве обычного украшения, а не средства самообороны. Никто никогда не думал, что придется выпускать заступника. Впрочем, смертофалдов тоже никто не ждал...

— А что может быть странного в вызове семейного оберега для защиты члена семьи? — вопросом на вопрос ответил Люциус. — Если бы я его не вызвал, ты был бы мертв.

За этой фразой последовало длительное молчание. Светильники замигали, словно бы огоньки в них попытались придвинуться поближе, с любопытством прислушиваясь к разговору. Драко постарался сделать вид, будто его интересует затейливый узор на покрывале, под которым он лежал, и неуверенно провел рукой по кромке. «Надо что-то сказать, — подумал он, хмуря брови и пытаясь нащупать ускользающую за пеленой головной боли мысль. — Что-то я должен был сказать...»

— Ну что ж, мне пора, — с легким оттенком презрения в голосе буркнул Люциус. — Куча дел... Важные письма... Восстановление Поместья... — он поправил перчатки и растворился в тени, направляясь к двери.

«Надо же что-то сказать...» — вспомнил Драко и произнес:

— Отец! — его голос, хотя и тихий, зазвенел по всей комнате. Шаги Люциуса замерли. Драко запнулся: первый раз в жизни он не знал, что сказать. И, наконец: — Спасибо, — сухо и отстраненно произнес он, — за то, что ты разделался со смертофалдом до того, как тот разделался со мной, — Драко замолк, не слишком удовлетворенный построением последней фразы. Он не мог разглядеть отцовского лица — даже примерно не мог сказать, где тот остановился. Тьма разделила их мерцающим занавесом, и когда Люциус заговорил, голос показался бестелесным и нереальным — словно сама ночь отвечала за него:

— Я твой **отец**, Драко... Не стоит благодарности, — наступившая тишина поставила последнюю точку в этом разговоре.

Нарцисса виновато поджала губы и пригладила волосы Драко поразительно нежным материнским жестом. Ее яркие глаза все еще переполнялись беспокойством. Драко устало прикрыл глаза. Свет померк, и его мысли, убаюкиваемые темнотой, заскользили в никуда. Засыпая, Драко прикрыл лицо, чтобы никто не видел дорожек, оставленных слезами на его щеках.

* * *

Гермиона провела день, будто в полудреме. При свете дня Поместье казалось сонным и каким-то ирреальным. Коридоры и залы несли печать вежливого безразличия, все вокруг было погружено в тишину, которую лишь изредка нарушало доносящееся снаружи щебетание птиц и плеск воды в фонтанах. Именно так Гермиона всегда представляла каникулы у богатых: скупающие охи-вздохи и изысканно-наплевательское отношение к происходящему вокруг. Самое знаменательное, что происходит в богатых домах в это время, — это тихий шепот ветерка, заблудившегося в ветках ползущего по старой стене плюща, да нежное позвякивание зевающих канделябров.

Люциус с головой погрузился в процесс руководства восстановлением полуразрушенной башни, время от времени отбиваясь от чрезмерно любопытных репортеров, а Нарцисса постоянно устраивала вылазки в город — экстравагантный шоппинг, по ее словам, помогал ей «пережить это потрясение» — так что Малфоям-старшим было не до домовых эльфов. Что же касается Паркинсонов, то они отправились восвояси, убежденные, что Поместье Малфоев больше не является безопасным местом. Приезжать сюда в ближайшее время явно не входило в их планы.

Неожиданно предоставленная сама себе, Гермиона проводила время, то полируя медяшку тут, то выбрасывая угли из жаровни там, то выбывая пыль из гобелена еще где-то — все это печально и в полудреме. Она то и дело поглядывала в окна, вздыхая и что-то высматривая на берегу озера или на опушке леса.

Коллеги-домовики Топси и Гилли постоянно надоедали ей вопросами вроде: «Гетти, а что такое **«Революция»?**» или «А Гетти нравится красный цвет?», и с мечтательной полуулыбкой на лице она отвечала, не особо задумываясь над тем, что именно говорит. Только однажды она прислушалась к словам домовиков — когда Гилли пожаловался, что у него мерзнут уши, Гермиона решила, что стоит связать для эльфов шапочки.

Она знала, что в принципе свободна и вольна направиться куда угодно — например, в Лютный переулочек, чтобы найти возможность снять наложенное на нее проклятие. Тогда она смогла бы, наконец, вернуться **домой**... Но Гермиона предпочла остаться в Поместье, по которому и бродила теперь неприкаянно в ожидании неизвестно чего.

— Когда он уже **выйдет?** — раздраженно воскликнула Гермиона, когда домовики укладывались спать.

— О ком говорит Гетти? — спросила Топси, отставляя в сторону сделанное ей знамя (стянутую из столовой белую скатерть, вымазанную красной краской).

— **О нем**, — едко отозвалась Гермиона. — О Драко. Он два дня безвылазно находится в своей спальне. Когда они уже разрешат ему выйти?

— Когда целитель скажет, что хозяин Драко выздоровел. Мне лично так кажется, — произнесла Топси, возвращаясь к раскрашиванию скатерти. Потом она снова взглянула на Гермиону: — Скажи, а как пишется «социальное обеспечение»?

Драко и в самом деле уже два дня находился взаперти в своей спальне, и семейный колдомедик не пускал внутрь никого, кроме его родителей. Гермиону жутко раздражала невозможность проникнуть внутрь — ее

не звали даже чтобы подать чашку чая. И хотя доктор постоянно уверял родителей Драко, что их сын поправляется, Гермиона хотела лично убедиться в этом. А кроме того... «Он там наверно совсем избаловался, — ядовито подумала она. — Валяется в роскошной постельке, стонет в голос, изображая жуткую боль, и требует ухода и ласки. Не удивлюсь, если они кормят его с ложечки... Дать бы ему хорошего пинка — **это** было бы лучшим лекарством!» Наконец такой случай ей представился.

— Юный господин Драко зовет своего эльфа, — сообщил колдомедик, вышедший из спальни Малфой-младшего, держа шляпу под мышкой. Он смерил подозрительным взглядом Гермиону, которая тихо сидела под дверью и вязала нечто серое и бесформенное, отдаленно напоминающее шапочку.

— Он хочет видеть **меня**? — воскликнула она, поспешно откладывая вязанье.

— Я сам удивился, — кивнул доктор. — Он долго стоял: дескать, он такой несчастный, никто-то его не понимает, и так далее в том же духе — я сам чуть не прослезился... А потом он потребовал тебя. Ладно, мне надо повидать мистера Люциуса — чек почему-то не оплачен, — он швырнул волшебный палочку в саквояж и удалился со смятенным видом.

Гермиона влетела в спальню. Драко Малфой сидел на кровати со свежим номером «Ежедневного пророка» в руках. Он был без рубашки — вместо нее его торс был обернут белыми бинтами, которые, по-видимому, приносили ему немалое неудобство. Знаменитые светлые волосы в небывалом беспорядке торчали в разные стороны.

Через несколько секунд Драко, наконец, сделал вид, что заметил появление Гермионы.

— А, это ты, — вяло пробормотал он, откладывая в сторону газету. — Я хотел тебя видеть. Забыл кое-что спросить, — он посмотрел Гермионе прямо в глаза и добавил только одно слово: — **Зачем?**

— Что?! — не веря своим ушам, воскликнула Гермиона.

— Зачем ты все это делала? — повторил Драко, скрепив руки. Очевидно, эта поза причинила ему неудобство из-за бинтов, обвивавших грудь, поэтому он деланно-лениво уронил руки на колени и продолжал: — Зачем так беспокоиться о спасении меня из пасти смертофалда? Ведь я же тебя уволил... — эта фраза подействовала на Гермиону как красная тряпка на быка.

— А у тебя оригинальная манера благодарить! — рыкнула она. — **Конечно**, мне надо было оставить тебя умирать, а потом просто прочитать в газетах некрологи, но я этого не сделала! Вместо этого я самоотверженно попыталась спасти тебя. Понеслась в башню, не думая о себе, стала на пути этого смертофалда, не имея даже особого повода так по-дурацки поступать... **Самое меньшее**, на что я рассчитывала — хотя бы «спасибо»!..

Гермиона развернулась и собралась гордо удалиться, но вспомнила, что рвалась в эту комнату два дня. Она уселась на кушетку и отвернулась в надежде, что Драко воспримет это как знак ее глубокой печали. Шорох бумаги за спиной возвестил о том, что Малфой-младший вернулся к чтению «Пророка». Перевернулось несколько страниц, и вдруг — тихо, словно не желая быть услышанным, — Драко произнес:

— Спасибо.

— Прошу прощения? — Гермиона повернулась к нему, широко распахнув глаза.

— Я сказал, — процедил Драко сквозь стиснутые зубы, — спасибо. Спасибо, что не стала читать мои некрологи в газетах. Спасибо, что не оставила меня умирать. Спасибо, — добавил он, окинув ее тяжелым взглядом, — за то, что выставила меня неблагоприятным уродом... — произнеся это, Драко откинулся на подушки, но тут же схватился за живот и жалобно застонал.

— Что случилось? — воскликнула Гермиона, вскочив с места. — Тебе больно? — она почувствовала, что произнесла это слишком обеспокоенно, и добавила: — Не то, чтобы я так уж и переживала, но все-таки...

— Я умираю страшной и эффектной смертью, — чуть слышно проскулил Драко. — Бинты очень неудобно наматаны... — он сделал вид, что глубоко задумался, а затем продолжал: — Смерть от мумифицирования заживо!.. Да, **такое** было бы интересно прочитать в газете! — Гермиона едва не расхохоталась, но вовремя спохватилась — в конце концов, она еще на него обижена.

— Эй, Грейнджер, а это ты читала? — спросил Драко. Он взял с прикроватной тумбочки «Пророк» и бросил Гермионе, которая поймала газету и с изумлением уставилась на первую полосу.

Оттуда на нее смотрело черно-белое отражение — она с отсутствующим видом сидела у двери спальни Драко и что-то вязала со слабой улыбкой на лице. Заголовок гласил: «*Господин и слуга: домовик спас своего хозяина (репортаж Риты Вригтер)*». Гермиона начала читать:

«Как мы уже писали в газете за 1 августа, юный Драко Малфой — сын члена Попечительского совета школы «Хогвартс», сотрудника Министерства магии Люциуса Малфоя — с трудом избежал гибели прямо в семейном Поместье. Путь смертофалду, едва не сожравшему юношу, преградил верный домашний эльф. Храбрый мальшика своей грудью закрыла его от страшной твари за миг до того, как на месте событий появился Люциус Малфой, который и уничтожил темное создание. Эльфиша со слезами на глазах воскликнула над бездыханным телом юного Драко: «Я не уйду. Обещаю, я не уйду».

Да, такие отношения между слугой и господином — большая редкость в наше время...»

— Что-то я не помню, чтобы говорила такое, — мрачно заметила Гермиона, откладывая газету. — И потом, всю работу сделал твой отец, это он тебя спас...

— Очевидно, у Риты на этот счет своя точка зрения, — тихо хихикнул Драко. — Кроме того, статья написана так, чтобы напакостить отцу, — он снова развалился на кровати и продолжал: — Я почти уверен, что Рита пряталась где-то здесь во время событий — в виде жучка! Скорее всего, она знала о покушении и поняла, что материал об этом будет сенсацией — независимо от того, выживу я или нет. Так что она прислушивалась к каждому слову... — воцарилось молчание. Казалось, что воздух в спальне стал гуще тумана, а тишина воцарилась такая, какой не всегда удавалось добиться экзаменаторам во время СОВ. Гермиона ощутила острый дискомфорт. Она откашлялась и поинтересовалась:

— А у тебя есть «Пророк» за первое число?

Драко наклонился под кровать, молча достал оттуда газету и швырнул ее Гермионе, после чего снова устроился поудобнее на кровати и устремил взгляд в потолок. Гермиона прочла передовицу, озаглавленную «*Попытка убийства в Поместье Малфоев*»:

«Чрезвычайное происшествие имело место в семейной резиденции Малфоев в ночь на сегодня, 1 августа, — сообщает наш корреспондент Рита Вригтер. — Примерно за семь минут до полуночи юный Драко Малфой — сын члена Попечительского совета школы «Хогвартс», сотрудника Министерства магии Люциуса Малфоя — едва не стал жертвой тщательно подготовленного покушения, когда в Поместье Малфоев в графстве Уилтшир проник смертофалд. Смертофалды, которым по классификации Министерства магии присвоен статус «Известный убийца волшебников (не поддается дрессировке или приручению)», — это темное создание, которое нападает на своих жертв, когда те спят, поедает их и, переварив своего присутствия, так что авторы безуспешно пытаются найти останки жертвы. Как пишет Тритон Обмандер в своей книге «Волшебные твари и где их искать» (издательство «Обскурус»), смертофалд «напо-

минает черную накидку толщиной, возможно, полдюйма».

Компетентные магические органы первоначально предположили, что данному экземпляру смертофалда каким-то образом удалось избежать поимки во время предпринятой в прошлом месяце специальной акции во исполнение Постановления об истреблении смертофалдов. Высказывались и другие версии, но наиболее продуктивным оказалось предположение пострадавшего мистера Люциуса Малфоя, который обратил внимание магоохранительных органов на некоего Мердока Макнейра — сотрудника министерского Отдела по уничтожению опасных созданий. «Макнейр давно пытался подстроить мне какую-нибудь пакость, — заявил мистер Малфой. — Я думаю, он разрабатывал этот план не один месяц».

При обыске в комнате, снятой м-ром Макнейром в таверне городка, расположенного неподалеку от Поместья Малфоев, были обнаружены предметы Темной магии и многочисленные заметки, содержащие

сведения о том, как управлять различными темными тварями.

М-р Макнейр задержан аврорами. Упомянутый выше смертофалд был уничтожен оберегом семейства Малфоев...»

— Так-так, — произнесла Гермиона, откладывая газету. — Теперь многое проясняется, — Драко бросил на нее вопросительный взгляд. — Они собирались **убить** тебя! Я слышала, как два человека разговаривали в Фигурном саду, планируя покушение... Но ты меня не послушал!

— Что ты имеешь в виду?! — произнес Драко, недобро прищурившись.

— Я слышала, как они говорили в саду, слышала какое слово. Я хотела тебе сказать...

— Так почему же **не сказала?!**

— Потому что, — Гермиона повысила голос, — **ты был слишком занят, кувыркаясь в постели с Пенси Паркинсон, и тебе было не до меня!!!**

Драко уставился на нее, не в силах вымолвить и слова. Несколько секунд длилось тяжелое молчание, а потом... Драко расхохотался.

Глава 17. Однокрылая сова

Если и существовали на свете вещи, раздражающие Гермиону больше высокомерных блондинов-недоумков, несвоевременных проклятий и угнетения домовых эльфов, то к таким вещам в первую очередь относились усыпанные блестками платья с чужого плеча.

Пробило полночь. На усыпанном песчинками звезд кофейно-черном небе сияла полная луна, такая одинокая, удаленная и неуловимая — девушка даже испугалась, что света не хватит для превращения. Но страхи оказались напрасными, и Гермиона вновь оказалась в своем родном человеческом теле — правда, наряженном во что-то воздушно-экстравагантное, элегантно спадающее с плеч, заканчиваясь пушисто-белой массой блестящих перьев, которые о чем-то тихо шептали в такт ее шагам.

Ей не нравилось это платье. Пусть удобное и элегантно, оно почему-то вызывало в ней странные чувства — вроде желания вырасти не несколько дюймов и обзавестись длинными белокурыми локонами... Гермиона мрачно посмотрела в зеркало, бесстрастно отражающее обнаженные плечи и глубокий вырез платья. «Однако у Драко и вкус...» — подумала она.

За этой мыслью на Гермиону лавиной обрушились воспоминания о событиях последних дней. Она спасла жизнь Драко Малфоя, ее злейшему врагу в течение нескольких лет! Организатор преступления, некий мистер Макнейр, устроил так, что в спальне у Драко оказался смертофалд — одно из самых опасных волшебных животных, да еще и рассчитывал обвинить Люциуса Малфоя в убийстве сына. Макнейр был задержан и теперь ожидал суда. Обо всем этом напоминала башня Поместья, еще не восстановленная после того, как оберег семейства Малфоев излил благородную ярость на источник смертельной опасности для своих хозяев...

Подытожим: сначала попадание под крайне интересное проклятье, которое превратило Гермиону в домового эльфа, возвращая человеческий облик только при лунном свете, потом — спасение жизни злейшего врага, что почему-то не вызывало у нее душевного дискомфорта, и еще к тому же попытка поднять на баррикады Революции угнетенные массы кухонных эльфов... Вот лето пролетело — и ага!.. «Да будет у меня когда-нибудь опять нормальная жизнь?!» — подумала Гермиона, тяжело вздохнув.

Впрочем, это волновало ее сейчас в меньшей степени. Куда интереснее был вопрос: **«Почему?..»** Почему бы не покинуть Поместье, когда представился случай? Почему бы не оставить в покое Макнейра с его планами мщения? Почему бы не заняться своими проблемами, а малфоевские проблемы оставить самим Малфоям...

Гермиона внезапно осознала, что в данный момент ответ на ее вопрос развалился на роскошной кровати, замотанный бинтами и одетый в халат. Ответ лениво перелистывал «Квиддичное обозрение».

— Ну, ты закончила? — привычная малфоевская манера растягивать слова спутала все мысли в голове Гермионы. — Или ты хочешь еще немного повосхититься взрывным вкусом моей матери?

— Я одену это, — резко ответила Гермиона, выходя из-за ширмы. — Хотя я бы, конечно, предпочла, чтобы этого несчастного лебеда не убивали ради того, чтобы обклеить подол платья его перьями. А в остальном терпимо...

Драко ничего не ответил. Нижняя часть его лица была закрыта разворотом журнала, а взгляд поверх страниц устремился прямо на Гермиону. Что-то новое появилось в его глазах — напускное ледяное сверкание почти полностью сменилось серым оттенком преддождевого неба.

Гермиона нахмурилась, представив себе, что Драко, прячась за журналом, вероятно, беззвучно хохочет над ее убогим вкусом, одновременно с этим внимательно осматривая платье, чтобы убедиться, что она где не порвала, когда напяливала на себя... Но тут же Гермиона осознала, что он смотрит на нее, а не на платье. Она обхватила руками плечи, чувствуя, как начинают краснеть щеки. Драко несколько раз моргнул и слегка потряс головой.

— Э-э... — пробормотал он и торопливо добавил: — Я полагаю, Грейнджер, ты еще не читала сегодняшних газет?

Не читала. Гермиона восстановила в памяти события сегодняшнего дня: кипячение воды для перевязки Драко, приготовление чая, взбивание подушек — она делала все, что в ее силах, дабы его лето прошло с максимальным удобством, бормоча себе под нос проклятья и желая ему изредка какой-нибудь изнурительной болезни — по возможности, не причиняющей особых хлопот обслуге.

— Я думаю, это тебя заинтересует, — продолжил Драко. — Посмотри на шестой странице, — он швырнул ей газету.

«Ежедневный пророк» приземлился на пол в паре метров от места, где сидела Гермиона. Подарив Драко раздраженным взглядом пару золотых галеонов, она подобрала газету и раскрыла на требуемой странице. Там, затерявшись среди цветных колдографий-отчетов с конкурса домашнего консервирования «Закрытые закрутки» и не менее цветных рекламных объявлений «Гоблинской галантереи», была напечатана небольшая

колдография Макнейра, в сопровождении двух надзирателей покидающего Азкабан. Подпись гласила: «Мердок Макнейр выпущен из Азкабана после того, как с него были сняты обвинения в покушении на убийство». На лице бывшего работника Министерства магии играла зловещая улыбка. Он важной походкой пересек колдографию и скрылся за ее пределами.

— Как они *могли?*.. — воскликнула Гермиона. — Он же пытался *убить* тебя!..

Драко отвернулся и сделал вид, будто погружен в подсчет количества пальцев на руках.

* * *

Не обращая внимания на кипящую Гермиону, ее пациент мысленно обратился к одному из недавних вечеров, который он проводил в огромной библиотеке дома Малфоев. Лениво перелистывая страницы старинных фолиантов, он развлекал себя тем, что пририсовывал дополнительные детали к портретам трагических жертв и давно умерших героев.

Сначала Драко услышал шаги отца — характерный перестук ботинок по мраморному полу, эхом отдающийся в полутемном помещении. Затем он услышал его голос.

— Вы призывали меня, мой повелитель? — произнес Люциус, не подозревая, что он не один в библиотеке.

— А, Люциус, — произнес чей-то деланно-восторженный голос, звучащий подобно кинжалу, завернутому в дорогие шелка. — Наконец-то. Надеюсь, мы одни? Библиотека пуста?

— Да, мой повелитель.

— Хорошо. Просто замечательно... Тогда к делу — ты слышал, что случилось с нашим товарищем по оружию, Макнейром?

— Да, мой повелитель.

— Заточен в узилище, — заметил невидимый собеседник с притворной жалостью. — Как досадно. Интересно, как это он туда попал? — Люциус не ответил, и неожиданно ставший грубым голос прорезал тишину как нож: — Я хочу, чтобы его освободили.

— Но, мой повелитель, — казалось, что старший Малфой с трудом удерживает свой голос на уровне едва различимого шепота, — он пытался *убить моего сына!*

— Меня не интересует ни ваша крысиная возня, ни дух соперничества — или что там еще взыграло в Макнейре? — последовал жесткий ответ. — Мне нужны *все* мои пожиратели смерти, годные и готовые выполнить мою следующую задачу. А для этого вам нужно подготовиться. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, мой повелитель.

— Значит, делай то, что должно быть сделано. И пусть подобное больше не повторится.

— Конечно, мой повелитель. Я не разочарую вас, — звук шагов, закрывающаяся дверь и — тишина.

Драко выглянул из-за скрывавшей его книжной полки и увидел, что стекло зеркала в позолоченной раме, которое висело на стене, сколько Драко себя помнил, постепенно меняет цвет с грязно-серого на привычный — чистый и прозрачный. Комнату наполнил запах паленого шалфея, медленно растворяющийся под тихое потрескивание свечей. Драко снова прислонился к книжной полке и задумался, не забываясь о том, чтобы убрать свои каракули с книг, теперь валявшихся на полу у его ног. Не обратил он внимания и на напольные часы, которые вскоре торжественно пробили полночь...

* * *

— Почему он так поступил?! — воскликнула Гермиона, возвращая Драко к действительности. — Уму не постижимо... В конце концов, он ведь твой отец!

— Есть вещи, Грейнджер, гораздо более важные, чем семья.

Гермиона окинула его раздраженным взглядом, бросила газету на кушетку и достала моток серой шерсти и пару вязальных спиц.

— Ляг поспи — и все пройдет, — проворчала она, принимаясь за вязанье очередной шапочки для собратьев-эльфов.

— А это идея, — согласился Драко, задерживая занавески. — Твои проповеди ужасно утомляют...

* * *

Гермиона проснулась от приглушенных звуков чающей музыки. Удивившись — она и не заметила, как заснула, — девушка попыталась рассмотреть стенные часы. Четверть четвертого. Свечи догорели, и спальня погрузилась во мрак. Бросив взгляд на кровать Драко, она увидела, что занавески раздвинуты, демонстрируя полный беспорядок на постели: простыни сбились, подушки раскиданы, в складках покрывала завалялись какие-то журналы... «Ну, и кому все это убирать утром? Естественно, мне!» — раздраженно подумала Гермиона. И только тут она обратила внимание на обстоятельство, которое должно было бы броситься ей в глаза в первую очередь: кровать была пуста.

Удивленно нахмурившись по поводу отсутствия Драко, Гермиона вновь переключила свое внимание на дивную музыку, доносящуюся откуда-то извне. Дверь спальни была приоткрыта, и в щелочку пробивался слабый свет свечей. Гермиона поднялась и направилась к выходу, прислушиваясь. Одинокое фортепьяно навязчиво-меланхолично звучало в полумраке коридора, освещаемого догорающими свечами и лунным светом. Незнакомая Гермионе — ни из маггловского мира, ни из репертуара популярных «Чертовых сестричек» — мелодия была прекрасна и печальна. Техника исполнения пианиста тоже на уровне, отметила Гермиона, недоумевающая, кто бы это мог быть.

Она вошла в Музыкальный зал — величественное помещение, где обычно устраивались балы. Пол был покрыт черными и белыми мраморными плитами; высокий купол потолка украшали изображения призрачных ангелов и крылатых коней; просторство от пола почти до потолка занимали сводчатые окна, сквозь которые комнату заливал молочно-бледный свет луны.

У дальней стены зала стоял прекрасный черный рояль. Пианист сидел спиной к ней. *Драко*... Гермиона смотрела на него, не веря глазам. «Не знала, что Малфой умеет играть на фортепьяно», — эта мысль пришла ей в голову первой, и лишь затем Гермиона обратила внимание на красоту музыки, изящество игры Драко и эхо, сладкими колокольчиками позванивающее по всему залу. Она вся обратилась в слух.

Внезапно клавиши рояля замерли, и музыка растаяла. Драко обернулся к Гермионе:

— Узнаешь мелодию?

Гермиона безуспешно попыталась сделать вид, что она только что — случайно — вошла в зал, а не стоит тут уже несколько минут.

— Мне кажется, я никогда раньше этого не слышала.

— Естественно, — слегка надменно произнес Драко. — Это из известной в волшебном мире оперы «Однокрылая сова» Этьена де Ревьерье. Довольно печальная история... Я смотрел эту оперу лет в десять. В ней рассказывается о девушке, которая превратилась в сову. Она стала почтовой совой у своего жениха, который, понятное дело, и представить себе не мог, что белоснежная птица — на самом деле его любимая. Она с грустью смотрела, как он пишет ей полные любви письма, не в силах объяснить, почему они остаются безответными... В конце концов, он умер от разрыва сердца прямо у нее на глазах, представляешь? — продолжил Драко с самым глубокомысленным видом. — Такая вот мыльная опера...

— Грустная история, — отметила Гермиона, чувствуя себя так, словно ее собственное сердце вот-вот разорвется. Она поспешила сменить тему — неожиданно сю-

жет оперы показался ей **чересчур** близким: — А что это была за песня?

— «Парящая луна». Название, мне кажется, говорит само за себя... — затем Драко тоже сменил тему: — Кстати, а что ты тут делаешь?

— Я могла бы задать тебе тот же самый вопрос, — парировала Гермиона, нахмутив брови.

— Мне нужно было подумать, — произнес Драко, глядя в окно на луну, парящую над тенистыми садами. Затем, к удивлению Гермионы, он достал из кармана волшебную палочку и легонько постучал ею по роялю, как это обычно делает дирижер перед началом концерта. Инструмент тихо вздохнул, и новая мелодия полилась из-под клавиш, нажимавшихся сами по себе, как будто играл невидимый пианист.

— Потанцуем? — небрежно спросил Драко, протягивая руку Гермионе. В лунном свете парень выглядел почти бесплотной тенью, белокурые локоны смутным ореолом обрамляли его лицо, легкая улыбка коснулась губ, а глаза сияли даже ярче, чем раньше.

— Ты меня удивляешь, Малфой, — произнесла после паузы Гермиона, подавая ему руку.

— Ну да, — согласился Драко. — Обожаю сюрпризы.

С этими словами он подхватил девушку, и они закружились в танце под звуки заполнившей зал музыки, одинаково зачарованные жизнерадостным мотивом и мягким звуком их шагов, словно скользящих по гладкому мрамору. Гермиона почувствовала, что теряет голову. Это все из-за постоянного вращения, машинально отметила она, чувствуя, как горят огнем щеки. Как бы то ни было, Гермиона не могла не восхититься тонкой грацией движений Драко, точности его шагов, теплу его рук, гибкости тела, а главное — серебристому блеску глаз, отражавших лунный свет... Ощущение было такое, будто она долгое время провела в клетке, а теперь впервые вылетела из нее на свободу.

Мало-помалу — по мере того, как пьянящая эйфория танца заигрывала с их разумом, — танцующие начали сокращать разделяющее их расстояние. Гермиона заметила, что лицо Драко дюйм за дюймом приближается к ее, и раскрыла губы навстречу губам юноши...

Музыка вдруг смолкла, и танец остановился так же внезапно. Гермиона ничего не сказала, Драко тоже молчал. Оба чувствовали себя до странности неловко и до неловкости испуганно.

— Э-э-э... — начал Драко.

— А-а-а... — согласилась Гермиона. Оба устремили взгляды в пол, лихорадочно пытаясь построить в головах более связные предложения.

— Гермиона, — наконец произнес Драко, глядя ей в глаза, — у меня есть к тебе предложение, — девушка посмотрела на него с немым вопросом, удивленная торжественностью тона. — Мне кажется, что твое пребывание в Поместье может принести только проблемы, — продолжил Драко. — Посмотри, что произошло за то время, пока ты здесь: покушение на убийство, разрушенная башня... Чересчур захватывающе! — Гермиона опустила глаза, не в силах сдержать улыбку. — Так что тебе будет лучше на свободе — и подальше отсюда. Кроме того, надо подумать о том, как снять с тебя это чертово проклятье, — пробормотал он, ухитрившись и в этом случае сохранить свой излюбленный тон величавого превосходства.

— В самом деле? — воскликнула Гермиона. — Надеюсь, это не какая-нибудь уловка, направленная против меня или моих друзей?..

— Конечно, нет, — горячо возразил Драко. — Мне ведь не хочется, чтобы весь этот кошмар повторился опять!

Гермиона промолчала. Говоря по правде, она не возражала бы, чтобы повторился «весь этот кошмар», если он закончится еще одним танцем... Но начинало светать, и пока восходящее солнце не погасило последние лучи лунного света, пора возвращаться в спальню Драко.

— Ну ладно, — сказала Гермиона. — Предложение принимается. Первое, что мы сделаем этим вечером, — отправимся в Лютный переулок, где займемся поисками чародея Баркеля и средства для снятия моего проклятья... Благодарю вас, хозяин Драко, — добавила она, важно задрал нос.

— Все для тебя, Гетти, — с проказливой ухмылкой ответил тот.

Глава 18. Покидая Поместье

Потому ли, что последние дни лета готовились вот-вот смениться непредсказуемой прохладной осенью, а может, из-за того, что утреннее небо затянули тучи, сквозь которые тускло мерцало солнце, но проснулся Драко с душой, охваченной безотчетным страхом. «Я все еще сплю, — сказал он себе, окинув взглядом полуметровую комнату. — И ночной танец с Гермионой Грейнджер мне, наверно, тоже приснился». В обычных обстоятельствах он посчитал бы такой сон кошмаром, но не сейчас. В голове еще звучала музыка и нежный смех Гермионы, вспомнились и собственные слегка неуклюжие шаги, когда она — впервые за много лет — попытался пройти тур вальса... Драко покачал головой.

Рядом с кроватью стоял заботливо приготовленный завтрак, но Гермионы в комнате не было.

* * *

Утро Драко провел в полудреме, затерянный в лабиринте книг огромной библиотеки Поместья, лениво перелистывая попавшиеся под руку тома. В данный момент он просматривал какую-то книгу об оборотнях. Текст иллюстрировал красочный рисунок, изображавший человека, живьем съедаемого ужасной трехглавой адской гончей. Драко вздохнул и закрыл книгу — он никак не мог сосредоточиться. Всё — от фресок с ангелами на потолке до гобеленов с резвящимися нимфами на стенах — напоминало ему о Гермионе. Она была везде — в журчании фонтанчиков, в полном птичьего щебетания воздухе, пронизанном солнечными лучами, что пробилась, наконец, сквозь тучи... Драко приходилось

постоянно напоминать себе: «Вечером она уедет. Тебе больше не придется беспокоиться из-за ее присутствия здесь, волноваться, не учует ли мать запах маглов где-нибудь в Поместье... — но тут в голову пришла другая мысль: — Тебе больше не придется с ней танцевать», — и все внутри словно окаменело. Нахмурившись, Драко пробрался между книжными полками и вышел в главный зал библиотеки. Там его ждали.

— Доброе утро, — с деланным радушием произнес Люциус Малфой, встав из-за соснового стола в центре зала. — Мне так и сообщили, что ты в библиотеке, хотя я, **помнится**, послал тебе записку, приглашая в мой кабинет... — Драко вздрогнул: он получил записку, но не смог заставить себя зайти к отцу. Только не сейчас...

— Что-то мне нехорошо, — пробормотал он, поглаживая район желудка. Нельзя сказать, что это была совсем уж неправда: Драко почти физически ощущал, как кружится голова. — Не думаю, что смогу разговаривать в этом состоянии. Может, я пойду прилягу?

— **Ерунда**, — заявил Люциус. Он подошел к массивному креслу изящной работы и сел. — У меня к тебе серьезный разговор, и ты будешь слушать. Садись, — Драко сел с угрюмым видом. — Последние события, — начал Люциус и остановился, словно подбирая слова получше. — Да, **последние события**, Драко, заставили меня крепко призадуматься о защищенности и безопасности Поместья. Со времен наших далеких предков фамильный дом Малфоев слыл неприступной крепостью, и неожиданности, приключившиеся в последнее время, тяжело отразились как на твоей матери, так и на моем банковском счете, — он покачал головой. —

Нападение смертофалда, **кто бы мог подумать...** Корооче говоря (к сожалению, не могу подобрать более изящного способа, чтобы выразить свою мысль), я хочу вручить тебе кое-что... — с этими словами Люциус бросил сыну нечто серебряное и блестящее.

Опытный ловец, тот легко поймал брошенное отцом серебряное ожерелье, точнее, амулет, поправил себя Драко, с удивлением узнав кулон в виде дракона, тускло блеснувший на ладони. Изумрудные глаза дракона загадочно мерцали в полумраке библиотеки. Внутри кулона хранился оберег семейства Малфоев — заклинание патронуса, заключенное в материальном предмете (лучше всего для этого подходило именно серебро).

— А разве это не мамино?.. — неуверенно произнес Драко, не в силах оторвать глаз от магического кулона.

— Я куплю ей какую-нибудь другую цацку, — лениво процедил Люциус, поднимаясь со стула с видом человека, которому все на свете уже давно и смертельно наскучило. — Она давно хотела себе браслет... — в дверях библиотеки он обернулся и добавил: — Береги его.

Драко повел ладонью из стороны в сторону, наблюдая за игрой света на серебряной фигурке, которая еще и покачивалась слегка сама по себе. Бросив взгляд на удаляющегося отца, он призадумался на мгновение, а затем решительно застегнул на шее амулет.

* * *

«Сегодня вечером...» — нервно подумала Гермиона, укутывая шею шарфом. Полная луна заливала галерею, где она стояла, жемчужным светом, в котором призрачно мерцали хрустальные подсвечники и позолоченные рамы портретов со спящими (и, к тому же, давно умершими) малфоевскими предками. Гермиона поехала от ночной прохлады, закрыла глаза и вздохнула. «Сегодня вечером...» — она повторяла эти слова снова и снова, пытаясь умерить охватившее ее по неизвестной причине волнение. Целый день она никак не могла взять себя в руки и сосредоточиться на работе, да и вообще — не обращала никакого внимания на кипящую вокруг нее деятельность домовиков. Гермиона будто спала наяву.

«Но ведь прошлая ночь была не сном, — сказала она себе, и все ее страхи и волнения словно бы испарились на краткий миг. — Танец в чудесном бальном зале... Никто нас не видел, кроме звезд на небе и угасающих канделябров на земле... Тихая музыка звуков рояля, шорохов одежды и вальсирующих шагов...»

Весь день в мозгу Гермионы, сменяя друг друга, вспыхивали картины долгожданной свободы. Вот она, наконец, возвращается домой — к родителям, которые, конечно же, ужасно обеспокоены ее отсутствием. А вот она встречается с Гарри и Роном в Косом переулке, и они идут покупать книги и принадлежности к новому учебному году... И при этом не приходится беспокоиться о том, что из одежды на тебе — только наволочка, к тому же на несколько размеров меньше чем нужно! Гермиона представляла себе это снова и снова, будто перечитывая любимую книгу, но в какой-то момент свобода вдруг утратила свою притягательность. **Чего-то** в этой радужной картине не доставало...

— Грейнджер, — произнес чей-то голос, и Гермиона от неожиданности подскочила. Из полутьмы за ней следовала пара серых глаз. — Ты танцевала сама с собой, — удивленно продолжал Драко, — но не кажется ли тебе, что пока еще слишком рано устраивать праздник освобождения?.. Пойдем, — и они направились к одному из огромных каминов.

Посмотрев на Драко, Гермиона вновь ощутила тоскливое чувство, досаждавшее ей весь день, — ставшую уже знакомой фантомную боль **чего-то** недостающего. Подходя к камину, девушка поймала себя на том, что пытается запомнить походку Драко. Она грустно покачала головой...

— **Лютный переулок!** — Поместье исчезло из виду, и вокруг них заплясали языки пахнущего пороховым дымом зеленого пламени.

Кучкой покрытых сажей мантий и вставших дыбом волос Гермиона и Драко выпали из камина в каком-то мрачном магазинчике. Малфой застонал и попытался подняться, но что-то ему помешало.

— Грейнджер, я так и думал, что ты предпочитаешь вариант «женщина сверху», но сейчас не время!..

— Ой, прости, — Гермиона была рада темноте, в которой не было видно, как она покраснела. Отодвинувшись, она осторожно спросила: — Ты в порядке?

— В полном — кажется, я что-то сломал при падении, — Драко еще раз попробовал встать.

— Прости, — повторила Гермиона.

— Вот потому-то, — заметил Драко, — я предпочитаю путешествовать на метле, — он со стоном выпрямился и добавил: — Как думаешь, куда нас занесло?

— Взломщики! Воры! Убирайтесь из моего магазина, грязные подонки!!! — долговязая фигура в полосатой пижаме с грохотом скатилась с лестницы, сжимая в руке нечто до боли смахивающее на здоровенную метлу. В другой руке вновь прибывшего тускло светилась волшебная палочка. — Предупреждаю: последний вор, пытавшийся поживиться моим товаром, был им съеден, — угрожающе прошипел колдун. — Вот и вас я сейчас скормлю мебели!

Голос владельца магазина показался Гермионе знакомым, равно как и его пугающе неестественные угрозы.

— Баркель? — не веря своему счастью, воскликнула она. — Вы ведь Баркель-чародей, да?

— Разве мы встречались? — вопросом на вопрос ответил старик, опуская метлу и поднося светящуюся палочку ближе к лицу Гермионы.

— Несколько недель назад вы наложили на меня проклятье. Я нечаянно разбила несколько ваших флаконов для зелий — и право же, мне очень жаль, что так получилось, но теперь мне нужна ваша помощь для снятия проклятья.

— Ты! — воскликнул Баркель, и удивление на его лице сменилось узнаванием. — Та девушка, которую все ищут!

— Кто меня ищет?

Баркель со вздохом покачал головой. Ярость покинула его — это было заметно по тому, как снова ссутулились угрожающе расправленные мгновение назад плечи. Он сделал элегантно-сложное движение палочкой, и помещение осветилось яркими огнями. Гермиона с любопытством огляделась. Товар в магазине Баркеля продавался разнообразный и интересный — тут были и тихонько клацающие челюстями черепа неведомых зверушек, и непрерывно крутящиеся плутоскопы, и большие движущиеся модели звездных систем... А в углу — Гермиона в ужасе отшатнулась — жуткими экспонатами анатомического театра стояли головы домовых эльфов с глазами и ртами, зашитыми суровой ниткой. Девушка вцепилась в руку Драко и крепко ее сжала, не обращая внимания на удивленный взгляд слизеринца.

Из-под стойки Баркель достал газету:

— А вот и ты — прямо на первой полосе, — и действительно, четкая черно-белая колдография Гермионы устала на оригинал, окруженная кричащими заголовками. «Пропала девушка — последний раз ее видели в Лютном переулке». Статья продолжалась на третьей полосе и сопровождалась фотографией родителей Гермионы с трагическим выражением лиц. «Предполагается, что к исчезновению причастны темные волшебники, хотя пока не отвергнута и версия, что девушка могла попасть в лапы бродячих гоблинов, которые нередко собираются в Лютном переулке темными ночами, — говорилось в статье. — Авроры продолжают поиски в течение уже нескольких дней».

— Они обыскивали мой магазин с десяток раз, — пожаловался Баркель, наливая в стакан огневиски и тяжело вздыхая, — и мне каждый раз приходилось все расставлять заново. К тому же постоянные штрафы за хранение недозволенных товаров!.. Если так пойдет и дальше, я просто вылечу в трубу...

— Сами виноваты! — гневно воскликнула Гермиона. — Не надо было меня проклинать!

— Я поддался эмоциям, — сокрушенно признал колдун, вновь прикладываясь к стакану с огневиски. — Не ожидал, что оно так обернется. Знаешь, когда появились эти сообщения в «Пророке», первым моим побуждением было разыскать тебя и сказать насчет способа снять проклятье...

— О, какое счастье! — перебила Гермиона. — Говори-те скорей, прошу вас!

— Ты не дослушала, — с болью в голосе продолжал Баркель. — Я хотел пойти и сказать тебе, что **нет способа** снять это проклятье.

Последовавшая за этими словами тишина тянулась бесконечно, как снегопад зимней ночью. Гермиона смотрела на Баркеля так, словно он только что отрастил ярко-оранжевые плавники и чешуйчатый хвост и сообщил о намерении отправиться на поиски ближайшего океана.

— **Нет?** — наконец прошептала она.

— Вообще, конечно, есть способ, — спохватился Баркель, заметивший опасный блеск гермиониных глаз, — но он не каждому подойдет: там нужно то, чего практически невозможно найти...

— Я упрячу, — выступил вперед Драко. — Сколько вы потребуете. Я могу позволить себе такую трату, — откинув взмахом руки полы мантии, он извлек кошель, туго набитый золотыми галеонами. — Сколько?..

Гермиона взглянула на парня. «Это на него не похоже, — подумала она. — Когда это Малфой был так щедр ко мне?..» Удивление Гермионы только усилилось от холодного взгляда, брошенного слизеринцем в ответ.

Баркель снова покачал головой, и теперь уже настала очередь Драко удивиться — старик не хочет денег?! Но все стало ясно, когда колдун печально пояснил:

— **Этого** нельзя купить.

— Что же **это** такое, в конце концов?! — воскликнула Гермиона, грохнув кулачком по стеклянной витрине, внутри которой в ответ тоненько зазвенели аккуратно расставленные безделушки.

Баркель извлек из-под стойки внушительный том в кожаном переплете и раскрыл его на отмеченной закладкой странице.

— «Единственные два средства, способные снять обратное заклинание, — это две важнейшие бессмертные человеческие страсти: любовь и ненависть», — прочитал он. — И дальше: «Таким образом, нужно, чтобы злейший враг заклятого нанес ему смертельную рану, или чтобы возлюбленный/возлюбленная поцеловал/а ее/его», — Гермиона уставилась на колдуна, не в силах вымолвить и слова.

— Следовательно, — Драко первым оправился от потрясения, — для того, чтобы снять проклятье, я должен или ранить ее, или поцеловать?

— Это зависит от того, — со вздохом ответил Баркель, — являетесь ли вы злейшим врагом девушки, или ее возлюбленным, — фыркнув, Драко повернулся и вышел из магазина, не сказав больше ни слова, но так топая ботинками по доскам пола, словно желая их расколоть.

Гермиона посмотрела ему вслед, вновь и вновь прокручивая в памяти слова Баркеля: «Смертельная рана, нанесенная заклятым врагом, или поцелуй возлюбленного... Но у меня ведь **нет** возлюбленного...» — подумала она, устремив невидящие глаза в ночную тьму, в которой скрылся Драко.

— Мы сейчас вернемся, — пробормотала девушка озадаченному чародею и выбежала из магазина.

* * *

Ночью Лютный переулок выглядел еще более зловеще, чем днем. Нищие заходились в чахоточном кашле по водосточным канавам, крысы носились по булыжной мостовой, а в темных углах копошились зловещие фигу-

ры. Витрины магазинов щерились беззубыми гигантскими ртами.

— Малфой? — позвала Гермиона, но тишина стала ей единственным ответом. Драко и след простыл. — Малфой, ты где? — повторила она.

Внезапно Гермиона заметила, что за углом тускло отблескивает пламя небольшого костерка. «Это может быть кто угодно», — напомунила себе девушка, нервно покусывая губу, но, говоря честно, какой у нее есть выбор? И хотя во многих книгах писалось, что **ни в коем случае** нельзя идти ночью к костру (это может привести к тому, что вы утонете в зыбучих песках, в лучшем случае — вымажете туфли в грязь), Гермиона отбросила страх и направилась на огонек. Осторожно выглянув из-за угла, она увидела, что у костра из горящих досок и прочего хлама сгрудилось несколько бесформенных существ с остроконечными ушами, блестящими глазами и пятнистой кожей, о чем-то раздраженно дискутирующих ворчливыми голосами. Некоторые из них поджаривали над огнем крыс, нанизанных на заостренные палочки.

«Гоблины, — подумала Гермиона. — Почти как в Гринготтсе, — за одним исключением: эти принадлежали к куда менее приятной бродячей разновидности. — Что они тут делают?!»

— Где Грапплер? — неожиданно спросил один из гоблинов, обливаясь в предвкушении жареной крысы. — Мы ведь договорились собраться здесь ровно в полночь. Придется, видно, насадить его голову на кол за опоздание — и в назидание остальным...

— Да ладно тебе, Смад, — произнес другой гoblin голосом, вызывающим ассоциации с мокрой наждачной бумагой. — Расскажи нам, зачем мы тут собрались, а Грапплеру перескажем потом.

Смад — по-видимому, главарь банды — откашлялся и заговорил:

— Хорошо, давайте начнем. Смек, оставь крысу... Я созвал вас сюда, о мои благородные собратья, чтобы рассказать о блестящем плане, который не только обогатит нас, но и позволит унижить и оскорбить тех отщепенцев гоблинской расы, который продались волшебникам!.. — вступление привлекло внимание собравшихся, они наострили и без того острые ушки и слушали оратора в напряженном молчании, посверкивая глазками-бусинками.

— Ты имеешь в виду эти надутые пародии на гоблинов, что нацепили на себя костюмчики с белыми воротничками и перелопачивают денежки в Гринготтсе? — выкрикнул кто-то из толпы.

— Именно их я и имею в виду, — подтвердил Смад. — А мы уведем эти денежки прямо из банка! И обязательно надо, чтобы эта новость попала в газеты. Так мы одним выстрелом убьем двух зайцев, — при упоминании зайцев Смад плотоядно облизнулся, — деньги поделит между собой, а предателей накажут их же собственные работодатели! — отовсюду послышались одобрительные возгласы.

— А как мы это сделаем? — поинтересовался какой-то юный гoblin, которому планы Смада, очевидно, были по вкусу.

— Легко... Один из тех, кто обслуживает сейфы Гринготтса, недавно осознал ошибочность своих взглядов и не хочет больше работать на колдовское отребье. Этот наш брат — его зовут Гристрл — поможет обойти магические заслоны и замки... Мы будем купаться в галеонах, более того — разрушим самые устои мира волшебников, которые думают, что могут повелевать всеми, тогда как гоблинам остается довольствоваться жалкой банковской работой... И когда магическое сообщество погрузится в хаос, они поймут, что с нами надо считаться! Мы вернемся в славные времена гоблинских восстаний!!! — эти слова вызвали бурные аплодисменты аудитории, переходящие в овацию.

Потрясенная Гермиона смотрела во все глаза, стараясь не пропустить ни единого слова. Она поняла, что **должна срочно сообщить** обо всем происходящем в **компетентные органы**, и собралась уходить, но замерла, услышав новый вопрос:

— Когда начинаем?
— Завтра, — ответил Смад. — Чего тянуть-то? Все готово.

«Теперь точно надо уходить, — решила Гермиона. — Я слышала достаточно». Она повернулась... и лицом к лицу столкнулась с гоблином — очевидно, это и был опоздавший Грапплер.

— **Ой!** — удивленно воскликнул тот, и тут же его оранжевые глаза подозрительно сощурились до едва заметных щелочек. — И сколько долго времени ты уже тут стоишь, а?! — Гермиона попыталась что-то сказать, но от костра навстречу подзадержавшемуся собрату уже подходили другие гоблины.

— Что у нас тут, Грапплер? Решил взять с собой подружку?.. Забыл, что это деловая встреча? — сострил

Смад, в руке которого неожиданно оказалась знаменитая гоблинская боевая мотыга, украшенная зловещего вида шипами. Как по сигналу, другие гоблины — а их оказалось гораздо больше, чем показалось Гермионе сначала, — тоже оцетинились смертоносными железками.

— Давайте вспорем ей живот, — предложил один, поигрывая сразу пятью ножами.

— Разорвем ее в клочки, — высказался другой, обнажив бритвенно-острые зубы.

— Нет, жарим ее на костре, а лучше — сделаем из нее тушеное мясо с подливкой, — последнее предложение было встречено громким радостным ревом, и Гермиона внезапно ясно осознала, что угодила в безвыходную ситуацию.

Глава 19. Расколдованная

Да, окруженная со всех сторон толпой гоблинов, вооруженных разнообразными колюще-режущими предметами, Гермиона, не имеющая ни волшебной палочки, ни какого-либо другого средства самозащиты, ясно осознала, что угодила в безвыходную ситуацию. Нельзя сказать, что в ее жизни подобное случалось впервые, но теперь рядом не было Гарри с Роном, которые бы обязательно кинулись на выручку, и ни настойка мандрагоры, ни любое другое заботливо выращивающееся в теплицах Хогвартса целебное растение, ни полученные в классах знания, ни прочитанные книги ничем не могли ей помочь. Она стояла абсолютно безоружная и смертельно напуганная. «Зачем тебе вообще понадобилось бежать **за ним?** — спросил маленький напуганный внутренний голос. — Драко даже не оценит твое самопожертвование...»

— Ну-с, попробуем, каковы на вкус ведьмочки, — мерзко ухмыльнулся Смад, вожак гоблинов. — Готов спорить: ничуть не лучше крыс, — эти слова развеселили толпу, вызвав одобрительный рев. Лезвия ножей засверкали в отблесках костра, глазки тех, кто стоял поближе, жадно заблестели в предвкушении. Гермиона раскрыла рот для прощального вскрика...

— **Ни с места!** — неожиданно раздался громкий оклик, громовым эхом отдавшийся в пустынном переулке. — **Отпустите девушку, и останетесь живы!** — гоблины замерли, напряженно оглядываясь. Лишь небольшое пространство освещалось светом костра, и голос мог звучать из любого уголка окружающей их со всех сторон тьмы.

— Кто это там гавкает? Ты кто — колдун? — вызывающе бросил Смад. — Выходи сюда! Нечего прятаться за темнотой и заклинаниями, как трусу!..

— Сейчас мы посмотрим, кто тут трус! — последовал резкий ответ.

Повисла напряженная и мрачная тишина. Гоблины переглядывались, обмениваясь репликами и наугад тыча в разные стороны смертоносными железками. Гермиона затаила дыхание.

— **Инвокарем амулетум!** — прогремело заклинание, и переулок заполнился жемчужно-серебряным светом, словно в полнолуние. Затем раздался взрывоподобный звук, отразившийся от стен домов и булыжной мостовой. Свет стугился в пару горящих глаз, дополненную двумя парами острых когтей, и спустя мгновение перед ошеломленными гоблинами предстал величественный патронус, изрыгая дым и пламя из распахнутой пасти.

— Сматываемся! — в панике завизжал Смад, и гоблины кинулись бежать, преследуемые по пятам серебряным драконом. Снова настала тишина.

Через пару секунд из тени вынырнула белокурая голова, и знакомый голос спокойно поинтересовался, как ни в чем не бывало:

— Ушли?

Никогда в жизни еще Гермиона не была так рада кого-нибудь видеть — особенно Драко Малфоя. Она бросилась к нему, обхватила руками за плечи и ткнулась ли-

цом в спасительное тепло его плаща, чувствуя огромное облегчение.

— Спасибо, — только и смогла вымолвить Гермиона. Она выпустила парня из своих объятий и отступила на шаг, успев заметить, как он прячет в карман серебряное ожерелье, украшенное кулончиком в виде дракона. — Оберег, — улыбнулась она. — Он снова нас спас.

Но Драко не был расположен к нежностям.

— И чем это, скажи на милость, ты занимаешься?! — рывкнул он, отталкивая девушку. — Гриффиндорцы что — всегда ищут способ, как получить свернуть себе шею?! Сколько можно влипать во всевозможные неприятности? — потрясенная Гермиона уставилась на него. Драко шагнул к ней и встряхнул за плечи, словно собираясь сломать. — Хватит уже спасать всех и вся! — продолжал он. — Прекрати вести себя **так глупо!** — он отпустил Гермиону и отвернулся. — Вернемся к Баркелю, — после паузы произнес Драко уже более тихим голосом. — Думаю, больше нам ничего не угрожает: я знаю эти закоулки, как свои пять пальцев, к тому же, у меня есть волшебная палочка. И кажется, — добавил он, окинув Гермиону бесстрастным взглядом, — я знаю, что мы должны сделать, — что-то в голосе Драко заставило девушку поежиться, но выхода не было, и Гермиона покорно поплелась за Малфоем.

* * *

— «Смертельная рана, нанесенная заклятым врагом», — прочитал Баркель-чародей и мрачно спросил: — Вы оба уверены в том, что собираетесь делать?

— Уверены, — равнодушно ответил Драко.

Гермиона побледнела, вцепившись пальцами в мантию, чтобы скрыть их дрожь. Она не была так уж уверена в правильности выбора лекарства — в конце концов, смертельные раны называются смертельными не ради красного словца...

— Ладно, — вздохнул Баркель. Он наклонился под стойку и вскоре вынырнул из-под нее, сжимая в руках предмет, заставивший сердце Гермионы содрогнуться, — небольшой кинжал с серебряной рукояткой, украшенной драгоценными камнями. Длинное узкое лезвие маленькой молнией сверкало в свете свечей.

Драко взял кинжал в руки и поднес ближе к глазам, которые странно замерцали, отражая отброшенный камнями в рукояти блеск. Он кивнул:

— Это подойдет.

Лицо Баркеля-чародея приобрело горестное выражение.

— Лезвие покрыто одним из наиболее сильных ядов, когда-либо сваренных темными магами, — прошептал он. — Человек, отравленный этим ядом, без противоядия погибнет за считанные секунды. Но даже с противоядием лечение проходит крайне тяжело и занимает несколько...

— Я сказал, **подойдет**, — оборвал Драко. Он швырнул на стойку набитый галеонами кошель, из которого со звоном выпало несколько монет.

— Спустишь в подвал за противоядием, — прошептал Баркель, подобрав кошель и выпавшие монеты. Он покачал головой: — Жаль, что так получилось, мисс... Мне, право же, очень жаль... — он поднял крышку люка в полу и скрылся из виду. В магазине воцарилась тишина...

— А может, не надо? — воскликнула, наконец, Гермиона, и ее крик разбил тишину, как кувалда разбивает витринное стекло. — **Почему** мы должны это делать?!

— Ты же слышала, что сказал старик, — злобно огрызнулся Драко, обдавая Гермиону ледяным взглядом. — Это проклятое проклятье нельзя снять с помощью пассов волшебной палочкой, заклинаний или зелий с клубничным вкусом!.. Мы живем в суровом мире, но нужно сделать то, что мы должны сделать.

— Неужели нет другого выхода?! — простонала Гермиона. Лицо Драко, казалось, стало холоднее вечной мерзлоты.

— **Поцелуй**, — насмешливо произнес Драко. — **Поцелуй** возлюбленного... Но — поправь меня, если я ошибаюсь, — у тебя ведь **нет** возлюбленного, — он поудобнее перехватил в руке смертоносное оружие. — А вот заклятый враг **есть**.

Гермиона глянула на Драко, на кинжал, снова на Драко, а затем... шагнула прямо к нему. От неожиданности слизеринец даже чуть опустил сжимающую оружие руку.

— Драко Малфой! Ты мне не враг, — кинжал со звоном упал на пол.

— **Остановись**, Гермиона, — умоляюще воскликнул Драко. — Ну почему, почему ты всегда все усложняешь?! Почему ты не можешь просто ненавидеть меня и презирать само мое существование? Как, черт побери, я смогу снять с тебя это проклятье, если ты постоянно ведешь себя так... до занудливости **благородно**?! Ну, будь умницей, — умоляющим тоном продолжил он, — веди себя как хорошая девочка и перестань думать обо мне! Или нет, думай — но с ненавистью, чтобы все вернулось на круги своя...

Невозможно описать охватившие Гермиону чувства. Драко стоял перед ней, задыхаясь от отчаяния, в глазах его предательски блестели слезы. Девушка сделала еще шаг — Драко вздрогнул — и нежно коснулась руками его лица.

— Я не хочу, чтобы все возвращалось на круги своя, — шепнула Гермиона. — Некоторые вещи пора **менять**, — и она поцеловала Драко.

Поцелуй этот был очень разный на вкус: слезы, печаль, скорбь и... облегчение. Он обхватил ее руками резким, почти пугающим движением. Руки были холодные и дрожащие, но Драко держал ее крепко, словно боясь отпустить от себя, и это было странно: Гермиона никогда не видела его боящихся таких тривиальных вещей, никогда не видела его не насмехающимся над ней... Впрочем, она никогда не видела его и влюбленным.

Драко отстранился и взглянул на Гермиону с восхищенным любопытством, провожая взглядом слезинки, скатывающиеся по ее щекам, и зная, что его лицо покрыто такими же влажно сияющими следами. Мир перевернулся, внезапно осознал он. Некоторые вещи действительно изменились — притом кардинально.

— Гермиона, — выдохнул Драко, — так не должно было случиться.

— Это не нам решать, — ответила она. — Постоянно что-то где-то случается, хотим мы того или нет, а сейчас случилось и с нами, — они снова поцеловались.

В этот момент из подвала вынырнул Баркель-чародей с небольшим голубым флаконом в руках и взглянул на парочку с удивлением.

— Ага, — хмыкнул он. — Как я понимаю, вы решили испробовать альтернативный метод лечения...

Они сидели на улице, ожидая рассвета. Первые лучи солнца коснулись лица Гермионы, и... ничего не произошло: кожа осталась белой, пальцы длинными и тонкими, а уши — ах! — не сделали ее похожей на миниатюрного слона. Она осталась **человеком**! Гермиона вскочила на ноги и счастливо закружилась, размахивая руками, словно прогоняя остатки ночной тьмы:

— Мы сделали это! Я **свободна**! Я могу вернуться **домой**!!! — Гермиона замерла, и улыбка исчезла с ее губ. Она посмотрела на медленно поднимающееся над покосившимися домишками Лютного переулка солнце, потом перевела взгляд на угрюмого парня, сидящего в тени, еще не освещенной утренними лучами. — Драко, я...

— Не надо оваций, — перебил он с бледной улыбкой на губах. — Не хочу слышать о том, как тебе будет не хватать моего блестящего общества. Ты свободна, ты можешь вернуться домой. А я... — Драко оценивающим взглядом окинул окружающий пейзаж и завершил: — Я, пожалуй, посижу здесь. Займусь, скажем, маникюром...

Гермиона не смогла подавить улыбку, но от желания броситься к нему и крепко-крепко обнять все же смогла удержаться, зная, что он может крепко обидеться за помятую мантию. Вместо этого она протянула Драко руку:

— Спасибо. За все.

— Это я должен тебя поблагодарить, — возразил тот. — С того памятного дня, когда ты испакостила новенькие ботинки моего отца — прямо тут, в Лютном переулке, — моя жизнь начала меняться к лучшему. Не говоря уже о том, что это было самое **насыщенное** лето в моей жизни...

Гермиона расхохоталась, но тут же остановилась и устремила взгляд на булыжную мостовую, словно пытаясь прочесть свое будущее, зашифрованное в серых камнях.

— А что скажут другие? — спросила она, взглянув в глаза Драко.

— Насчет чего?

— Насчет нас — тебя и меня. Слизеринец и гриффиндорка, Малфой и маглокровка, — она криво усмехнулась. — Как им понравится, если мы будем **вместе**?

— О, они, пожалуй, заточат нас в две отдельные башни и будут держать там, пока мы не умрем с голоду, — Драко пожал плечами. — Скучновато, конечно, но есть несомненный плюс — нам не придется общаться со всякими полоумными идиотами...

— Я серьезно, Малфой, — нахмурилась Гермиона, усаживаясь на каменную скамью рядом с Драко. — Что скажут в Хогвартсе, если я скажу им... Если я скажу им, что ты для меня — не просто очередной напыщенный слизеринец?..

— Астрономическая башня и башня Рейвенкло, — глубокомысленно произнес Драко, явно не желающий менять предмет разговора. — Они довольно далеко друг от друга и неплохо изолированы. Но мы, наверное, сможем использовать сов для переписки.

— Драко!

Он понимающе ухмыльнулся:

— А мы никому не скажем, Грейнджер. Потерпишь до следующего лета... — Гермиона прикусила губу и уже собралась что-то возразить, когда Драко извлек из кармана мантии нечто длинное, мягкое и серебристо-зеленое. Обмотав это вокруг ее шеи, он прошептал на ухо Гермионе: — Ты свободна от служения мне, Гетти-домовик, — теперь в голосе Драко явственно звучала улыбка. Он завязал аккуратный узел на врученном Гермионе слизеринском шарфе и притянул девушку к себе для еще одного поцелуя...

Эпилог

Август понемногу приблизился к завершению. По утрам повеяло прохладой, листья начали осыпаться

с деревьев, ласточки направились в теплые страны, а голубое небо начало мало-помалу перекрашиваться

в скучно-серые осенние тона. Приблизился новый учебный год... Словом, жизнь опять вошла в привычную колею. Ну, **почти** вошла...

Через несколько дней после той памятной ночи Люциус Малfoy, меряющий шагами роскошно обставленный кабинет, заявил сыну:

— Это уже второй домовый эльф, которого ты потерял за одно лето! — он мрачно взглянул на Драко и потряс перед его носом гроссбухом, в котором записывались все расходы семейства. — Я тебе не буду покупать нового до тех пор, пока ты не поймешь, что швырять им одежду в приступе бешенства экономически невыгодно...

— Вот и славно, — с облегчением вздохнул Драко. — Хватит с меня этих домовиков!

* * *

Несколькими этажами ниже мраморных полов, ярких свечей и ухоженных оранжерей Поместья тоже кипела жизнь. Гигантский винный погреб был до отказа набит домовиками, собравшимися из окрестных замков, поместий и особняков. Они пришли сюда без разрешения хозяев, добираясь на сходку кроличьими норами и потайными ходами. Все они принадлежали богатым и важным волшебным семействам, каждое из которых относилось к прислуге с одинаковой жестокостью. Домовые эльфы решили, что настало время отречься от старого мира.

— Товарищ Гетти покинула нас, — эхом звенел под сводами винного погреба голос Гилли, — но точно так же она покинула и хозяев. Гетти сильная и смелая! Когда-нибудь все домовики станут такими же сильными и смелыми, как она! — раздавшиеся крики одобрения перепугали кроликов во всех норах в радиусе нескольких миль от Поместья.

* * *

Когда Гермиона, наконец, добралась домой, родители уже не чаяли ее увидеть. Увидев дочь, они кинулись к ней со слезами радости, текущими из глаз. За трогательным моментом воссоединения семьи последовал шквал успокаивающих телефонных звонков и часы сбивчивых объяснений.

— Это был несчастный случай, — рассказывала Гермиона журналистам спустя пару дней. — Я поскользнулась, ударилась головой и потеряла сознание. Очнулась — гипс... и амнезия. Несколько дней я пробыла в «Дырявом котле», а когда мне на глаза попался выпуск «Ежедневного пророка» с моей фотографией, я все вспомнила и тут же кинулась домой! — к немалому облегчению Гермионы, газетчики «купили» эту версию, не задавая каверзных вопросов.

Нет нужды упоминать, что Грейнджеры строго-настрого запретили дочери все посещения Лютного переулка. «Могли бы и не говорить», — заметила Гермиона, закатив глаза. Она и сама туда больше не собиралась.

Еще через несколько дней в небольшой заметке на шестой полосе «Пророк» сообщил читателям об аресте группы бродячих гоблинов за попытку проникновения в хранилища банка Гринготтс...

* * *

Косой переулочек — это, конечно, другое дело, и против него родители Гермионы ничего не имели. Переходя из магазина в магазин в поисках всего необходимого в наступающем учебном году, Гермиона внезапно увидела такие знакомые черные лохматые волосы и веснушчатое лицо под морковно-рыжей шевелюрой.

— Гарри, Рон! — она кинулась к парням.

— Это же Гермиона! — воскликнул Рон, и лица обоих засветились облегчением и восторгом. Троица обнялась. — Мы читали статью в «Пророке», — продолжал Рон, рассматривая Гермиону, словно бы она вернулась с того света.

— Мы очень волновались, — кивнул Гарри. — А когда они уже хотели прекратить поиски, отец Рона добился их продолжения.

— Папа давно хотел порыскать по темным закоулкам Лютного переулка, — сознался Рон. — И не надо скромничать, — заметил он Гарри. — Без тебя он ничего не добился бы от министерства. В конце концов, это ведь ты у нас знаменитость...

— Я так рад, что с тобой все в порядке, — как всегда неуклюже произнес Гарри. Гермиона братски поцеловала обоих мальчишек в щечку, от чего те, конечно, сделали еще более неуклюжими.

— Гермиона, — удивленно произнес Рон спустя некоторое время. — А что это у тебя на шее?

— А, это, — как можно небрежнее произнесла та, нежно прикоснувшись пальцами к шелковой материи. — Это шарф, Рон. У всех такие.

— Но... это же слизеринский шарф, — заметил Гарри, неприязненно сморщив нос.

— Я знаю.

Гарри и Рон переглянулись, синхронно пожав плечами, и предложили Гермионе зайти в кафе-мороженое Флориана Фортескью. Больше они про шарф не спрашивали. («Наверное, придумала какой-то новый методический прием», — предположил Рон, улучив момент, когда Гермиона отошла.)

Выйдя из кафе, они пошли дальше по Косому переулку, наполненному поглощенными предшкольными закупками студентами Хогвартса, и глаза Гермионы зафиксировали знакомое лицо, полускрытое за портьерами в окне одного из магазинов. Знакомое высокомерное лицо с холодными серебристо-серыми глазами... В бурлящей толпе, разделенные морем лиц, две пары глаз отыскивали друг друга, обменялись взглядами, улыбками, и, подмигнув, их владельцы двинулись каждый своей дорогой, унося одну и ту же мысль:

«До следующего лета...»